

ВИКТОР БОРОЗДИН
**ОТДАТЬ КОРАБЛЬ
В ВОЗДУХ !**

ВИКТОР БОРОЗДИН

ОТДАТЬ КОРАБЛЬ В ВОЗДУХ!

Документальная повесть

•

МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1979

Сердечно благодарен ветеранам-дирижабlistам, друзьям и родным участников героического полета на дирижабле «СССР В-6», поделившимся со мной воспоминаниями.

А в т о р

Б $\frac{70302-013}{078(02)-79}$ 029—78. 4 702 010 200

НЕ ИЩИТЕ ЛЕГКИХ ПУТЕЙ

Сейчас мало кто помнит, что когда-то в нашей стране летали отечественные дирижабли. Повесть Виктора Бороздина возвращает нас к довоенным тридцатым годам, когда комсомольцы-дирижаблисты своими руками создавали первые эти огромные воздухоплавательные корабли. Они же и летали на этих кораблях, были их пилотами. Когда же встала необходимость лететь в далекую тогда Арктику на помощь оказавшимся в очень трудном и опасном положении людям, эти парни одними из первых откликнулись и подняли в воздух самый мощный корабль эскадры дирижаблей — «СССР В-6».

Люди, на помощь к которым они спешили, были мы — четверо полярных исследователей, участники первой советской дрейфующей научной станции «Северный полюс»: гидробиолог Петр Ширшов, магнитолог-астроном Евгений Федоров, радист Эрнст Кренкель и я, начальник научной станции.

Наша экспедиция была первой экспедицией, занимающейся исследованиями Центральной Арктики, мы были первыми «жителями» полюса, поэтому никто не мог предугадать путь нашей льдины и все встретившиеся на этом пути неожиданности. Когда на девятом месяце дрейфа нашу льдину стремительно вынесло в Гренландское море, где непрерывные штормы разломали льды, встал вопрос о немедленном снятии нас с обломка льдины.

На помощь нам вышли ледокольные пароходы, подводные лодки. Вылетел и дирижабль.

Я не был лично знаком с дирижабLISTами, но Эрнст Кренкель, в свое время летавший радистом на дирижабле В-3, не раз нам рассказывал об этих смелых, бесконечно увлеченных своим делом — созданием эскадры дирижаблей и освоением воздушных дирижабельных трасс — людях. Да и сам их отважный полет говорил о многом.

Они жили увлеченно, трудно и прекрасно. Они смело мечтали и осуществляли свои мечты. Товарищество, взаимовыручка даже ценою жизни были присущи им, были неотъемлемым их качеством.

Мне дорога память об этих замечательных людях, и я хотел бы, чтобы сегодняшняя молодежь, комсомольцы семидесятых годов оглянулись на своих сверстников, комсомольцев годов тридцатых.

Мне хочется сказать сегодняшней молодежи: как и те прекрасные парни, патриоты нашей Родины, не ищите легких путей, идите туда, где трудно, но интересно, где вы нужнее всего. На любом участке, куда бы ни направила вас Родина, непочатый край славных и нужных дел.

Наша молодежь доказала не раз свое трудолюбие, отвагу, бесстрашие и героизм — на фронтах Великой Отечественной войны, в далеких экспедициях, на всех стройках, куда бы ни посылала партия.

Вы, молодое поколение, наша смена. Вы будете продолжать дела, начатые старшим поколением. На вас, верных сыновей и дочерей нашей Родины, надеется наша родная партия Ленина и Советское правительство. Верю, что вы, мои дорогие юные браточки, и в будущем не подведете.

Иван Дмитриевич ПАПАНИН,
дважды Герой Советского Союза,
доктор географических наук

Он поднимался по крутому скользкому склону, оступаясь в скрытые под мхом, наполненные водой промоины, хватаясь за ветви деревьев, за шершавые стволы, перелезал через замшелые, источенные дождем и ветром каменные глыбы. Моросивший дождь шелестел, ударяясь о хвою, и немного умерял пыл наседавшей мошки. В гуще деревьев пахло извечной сыростью и грибной прелью.

Ударом молотка он откалывал куски обнажившейся породы, то серо-лиловые, то розоватые, то кроваво-красные, разглядывал прожилки, вкрапления. Плитки слюды отделялись целиком — плотно спрессованные десятки прозрачных пластинок. Большинство обломков он отбрасывал, другие клал в висевший за спиной рюкзак. Что таят в себе недра этой вскинувшейся почти на полкилометра, поросшей хвойным лесом Небло-горы?

Геолог карабкался вверх к видневшемуся среди ветвей большому скальному обнажению. В какой уже раз поскользнувшись на мокрой крутизне, он схватился за торчащий из земли корень. И вдруг, приглядевшись, увидел, что это совсем не корень, а красный от ржавчины конец стального троса. Откуда, каким образом попал этот трос сюда, на высоту, в эту чащобу? Тут к подножию горы и то не подойти, все завалено валунами, прорезано глубокими расселинами, на двадцать километров в округе нет жилья.

Он с силой потянул трос. Тот не поддался. Проследив, куда тянется трос, он стал торопливо карабкаться за ним вверх. И, наконец взобравшись на высокий уступ, остановился, пораженный...

Перед ним высилась скала, та самая, к которой он шел, — сумрачная и голая, холодно поблескивающая струйками бегущих по ней ручейков. А у ее подножия, в проломленной среди густого леса просеке, на поваленных, вывороченных с корнем черных обгоревших деревьях, словно скелет гигантского доисторического чудовища, лежал огромный, изогнутый и изломанный стальной хребет с торчащими из него в стороны стальными ребрами. По сторонам, вблизи и на расстоянии, даже высоко на горе валялись заброшенные туда какой-то могучей силой искореженные обломки ферм, ржавые баки, скрученные трубки, обломки огромных стабилизаторов и рулей с какого-то непонятного, никогда не виданного им корабля. Уткнувшись в высокую траву обгорелыми ручками, лежал штурвал с намотанной на шестерню ржавой цепью. Рядом — спекшийся кусок плексигласа.

По бокам остова, черные и обугленные, высились мертвые стволы деревьев. Один, могучий, в два обхвата, ствол, оголенный, с отставшей корой, лежал поверх, как бы прикрывая собой искалеченный остов, защищая его. А чуть в стороне, красуясь белизной тонких стволов, лопотали листьями березы. Одна, молодая и гибкая, выросла в узком просвете лежащей на земле металлической фермы и, выбрасывая свежие побеги, не подозревала, что скоро ей, стиснутой металлом, уже некуда будет расти. Дальше тянулась вверх поросль еще небольших пушистых елей — все молодое, зеленое густо поднялось на этом опустошенном, выжженном когда-то дотла месте...

Что же это за корабль? Когда, как и почему случилась с ним страшная катастрофа? В том, что здесь произошла катастрофа, сомнений не было...

Геолог потянул трос, должно быть, тот самый, что первым попался ему под руку. И трос опять не поддался, да и не мог поддаться, он глубоко врос в дерево, став его пленником.

Сколько же понадобилось лет, чтобы дерево обволокло трос толстым слоем древесины?.. Деревья на Севере, на вечной мерзлоте, растут медленно...

Вероятно, это произошло давно, тридцать... сорок лет назад?.. Тогда над этими местами еще не пролегала постоянная воздушная трасса. Полет был необычным. Корабль мог сюда залететь только в силу какой-то особой необходимости.

К какой цели стремился он?.. Какие смелые люди летели на нем?..

Глаза геолога искали: может, что-то подскажет ему разгадку? Эти высокие ели, эта голая скала — они же все видели!.. Все, что даже трудно себе представить...

Рука потянулась к шапке, медленно стянула ее, обнажив голову.

В тот день, как назло, разыгралась метель, да еще с морозом. Ветер завывал в водосточных трубах, свистел в проводах. Снежные заряды били в помутненные стекла окон, вихрились, поземкой неслись по улицам поселка. Быстро росли непролазные сугробы, и лишь на перекрестках, открытых на все четыре стороны, по-прежнему мерцал в слабом свете фонарей полированный наст.

На взлетном поле ветер особенно разгулялся. Струдом удерживаемый стартовой командой дирижабль вздрагивал всем своим стометровым корпусом, норовисто приподнимал тупой нос, потом, медленно раскачиваясь, опускал его. Лучи прожекторов, упершись в серебристые бока дирижабля, высвечивали название: «СССР В-6 Осоавиахим». Поблескивали плексигласовые окна и иллюминаторы гондолы, серебрились натянутые стальные тросы, идущие от кия корабля к стартовой команде.

Провожающие, а их, несмотря на непогоду, собралось как никогда много, тесной толпой стояли за цепочкой стартовой команды вблизи трапа. Родные, близкие, друзья-дирижаблисты, экипажи других кораблей. Только маленький В-1 провожал в воздухе, кружил над взлетным полем, изредка попадая в свет прожекторов. Прячась от пронизывающего ветра в поднятые воротники, родные высматривали в окнах гондолы мелькающие силуэты мужей, братьев, сыновей...

Они уже больше часа здесь. Видели, как корабль вывели из эллинга — громадного сооружения, где дирижабли стоят, когда они не в полете. Из-за поднявшейся метели корабль выводила не только своя стартовая команда, но и специально прибывшее для этого воинское подразделение.

Плечом к плечу более ста человек наперекор ветру,

бьющему снегу тянули корабль, крепко держа его за поясные канаты, продернутые в кольца тросов. Даже в тихую погоду нужно большое искусство, чтобы вывести дирижабль из эллинга. А тут...

Как огромный наполненный парус, корабль рвался из рук. Идущий впереди стартер заглядывал то по одну его сторону, то по другую, застуженным голосом отдавал в рупор команды:

— Кормовые дать слабинку! Носовые подтянуть!

— Есть носовые подтянуть! — отзывались идущие по бокам помощники.

Корабль вывели, развернули против ветра. И он немного уgomонился, уже не кидался из стороны в сторону.

Потом его долго как бы взвешивали, сбрасывая на снег мешочки с песком-балластом, — статически уравнивали подъемную силу водорода в оболочке с весом корабля.

— Еще, еще давай, — коротко командовал высунувшийся из окна рубки управления командир Гудованцев. Наконец корабль поднялся метра на полтора и завис покачиваясь. Стартер выждал, когда ветер немного стих, и, схватившись за угол гондолы, потянул вниз. Потом подставил плечо и без всякого труда, одним движением приподнял всю эту махину — корабль уже ничего не весил.

— Хорошо! — махнул рукой Гудованцев и задвинул окно.

Смахивая с лица снег, стартер отошел.

Стали запускать моторы. Заглушая свист ветра в такелаже, взревел кормовой, порывисто, с надрывом. Но тут же, усмиренный, заработал ровно, прокручивая винт на малых оборотах. Гулом рванул бортовой. Смолк. Через минуту снова рванул. Стал подавать голос и второй бортовой.

Провожающие, зачоченев, топали ногами, хлопали рукавицами. Снежная пылюга стегала по лицу, рвала полы одежды, врываясь в лучи прожекторов, металась в них, уносилась в темноту...

Нелегкий путь предстоит экипажу В-6. Все это понимают. Волнуются. И завидуют. Каждый из дирижаблистов был бы рад очутиться сейчас на этом корабле. Но если уж не судьба лететь, то хотя бы проводить его, пожелать ребятам доброго пути.

Полет будет далеким, очень трудным и опасным. В штормовую погоду по совершенно неизведанной трассе. И все же летят с радостью, они сами ходатайствовали перед правительством о разрешении им этого полета. Они спешат на выручку оказавшимся в беде людям.

Четыре дня назад, 1 февраля, радио принесло тревожное сообщение с дрейфующей уже почти девять месяцев во льдах Северного Ледовитого океана первой в мире научной станции «Северный полюс» под руковод-

ством замечательного полярного исследователя Героя Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина*.

«В результате шестидневного шторма, — радировал Папанин, — в 8 часов утра 1 февраля в районе станции поле разорвало трещинами от полуметра до пяти. Находимся на обломке поля длиной 300, шириной 200 метров. Отрезаны две базы, также технический склад с второстепенным имуществом. Из затопленного хозяйственного склада все ценное спасено. Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. Координаты сообщу дополнительно; в случае обрыва связи просим не беспокоиться».

«...Просим не беспокоиться...» Но это невозможно. Всем ясно, насколько серьезна там сейчас обстановка. 2 февраля пришла новая радиограмма:

«В районе станции продолжает разламывать обломки полей протяжением не более 70 метров. Трещины от 1 до 5 метров, разводя до 50. Льдины взаимно перемещаются. До горизонта лед девять баллов. В пределах видимости посадка самолета невозможна. Живем в шелковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время связи на другую льдину».

...Девять месяцев ветры и течения носили по Ледовитому океану льдину, на которой обосновались четверо смелых полярных исследователей: Иван Папанин, Петр Ширшов, Евгений Федоров, Эрнст Кренкель. Все это время люди нашей страны с гордостью и волнением сле-

* В июне 1937 года, когда четверо папанинцев находились на дрейфующей станции «Северный полюс», постановлением правительства И. Д. Папанину было присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда же П. П. Ширшов, Е. К. Федоров и Э. Т. Кренкель были награждены орденом Ленина.

дили за работой небывалой экспедиции. Начался дрейф у далекого и недоступного Северного полюса, куда экспедицию доставили самолеты, а заканчивается в бушующей ураганами «ледорубке» Гренландского моря, куда вместе со всей массой льда их вынесло буквально в последние дни. Помощь нужна срочно, каждый час промедления может привести к катастрофе.

В тот же день начальник Главсевморпути академик Отто Юльевич Шмидт послал папанинцам ответную радиограмму:

«Ваша телеграмма доложена правительству. Все восхищены вашим мужеством, большевистской выдержкой в столь тяжелый для вас момент. Все шлют вам горячий привет и уверены, что в героической борьбе со стихией победителем будет ваш отважный коллектив. Правительство утвердило ряд новых мер по оказанию вам большой помощи. «Таймыр» выйдет третьего. «Мурманцу» поручено обязательно пробиться к вам. Срочно готовится «Ермак». Я выхожу на «Ермаке».

Ледоколы... Но сколько времени им понадобится, чтобы пробиться сквозь паковые* льды! Самолеты могли бы долететь быстрее, но из-за разлома льдов посадка там невозможна. Только дирижабль имеет возможность оказать быструю помощь. Дирижаблю не нужна посадочная площадка. В случае необходимости он может обойтись и без швартовой команды — сбросив в разводье причальный якорь, зависнуть над льдиной. (Ведь благодаря статической подъемной силе, которую придает дирижаблю содержащийся в оболочке газ, он может с выключенными моторами зависать в воздухе.) Людей можно будет поднять в гондолу лебедкой.

* Паковый лед — многолетний, дрейфующий в полярных бассейнах лед.

В-6 самый мощный корабль эскадры дирижаблей, вмещающий в свою оболочку около двадцати тысяч кубометров водорода, с тремя моторами общей мощностью восемьсот десять лошадиных сил. К моменту получения тревожной радиogramмы корабль был почти готов к полету, в ближайшие дни он должен вылететь на освоение новой воздушной трассы Москва — Новосибирск, весной намечается открыть на этой трассе первую в стране дирижабельную грузопассажирскую линию.

В корабле они уверены. Он надежен, не раз испытан в сложных полетах. Но метеообстановка сейчас уж очень тяжела. И все с нетерпением ждут последнюю метеосводку: что она скажет? Что ждет их на трассе?

В экипаж отобрали лучших людей эскадры, самых знающих командиров, штурманов, бортмехаников. Все девятнадцать человек опытные аэронавты-дирижаблисты, хотя еще очень молоды. Все, включая командира корабля — командира эскадры дирижаблей орденоносца Николая Гудованцева, — комсомольцы.

Шесть тонн горючего залито в восемнадцать баков, подвешенных вдоль всего стометрового киля корабля. Четыре двухсотлитровых балластных бака наполнены антифризом — смешанной со спиртом водой. Погружен трехмесячный запас продовольствия, комплекты теплой одежды, палатки, ружья, много другого снаряжения. Полет предполагается совершить за несколько дней, но Арктика требует предусмотрительности. Только что к кораблю подвезли ящики с пиротехникой — в Арктике сейчас полярная ночь, немало придется выпустить в темноту осветительных ракет, чтобы в хаосе искореженного льда отыскать обломок, на котором держатся папанинцы.

Из гондолы спустились по дюралевому трапу первый и третий помощники командира — Сергей Демин и Тарас Кулагин. Немного неуклюже в меховых унтах, увя-

зая в снегу, зашагали вдоль корабля, чтобы в последний раз осмотреть его. Запрокинув головы, привычно оглядывали туго выполненную газом оболочку — нет ли морщин, вмятин. Прошли ближе к корме, осмотрели вынесенные в стороны от киля моторные гондолы с идущими к ним подвесными мостиками, множество расчалок, которыми гондолы крепятся к килю, патрубки, тросы, трубки бензопроводов.

Заснеженные, с покрасневшими строгими лицами солдаты по-прежнему держали корабль за поясные. Они здорово замерзли и грелись, постукивая ногой об ногу.

За их цепочкой, такая же заснеженная в своей меховой дошке и надвинутой на лоб шапочке, загораживая от ветра лицо уголком воротника, торопливо шла невысокая немолодая женщина. Кулагин, увидев ее, смущенно и обрадованно улыбнулся и каким-то по-детски смешным жестом потер нос.

— Мама!

Как она узнала, что они улетають?! Приехала из Тарасовки, с другого края Москвы, в такой холод! Он хотел сказать ей что-то, но она махнула рукой.

— Я только... пожелать вам счастливого пути.

Она хорошо знала: у сына дела, очень важные, предполетные. Не хотела мешать. И не могла не прийти. Он у нее один. Больше никого на всем свете. Они очень привязаны друг к другу. Как было не понять Полине Мартьяновне безудержную увлеченность сына, если сама она так же горячо и увлеченно прошла в жизни свой нелегкий, но самую ею выбранный путь. Профессиональный революционер, старый член партии, извела она бесконечные скитания, преследования полиции, аресты и ссылки. Там, в ссылке, в далекой таежной деревушке на Лене родился Тарас. Муж, тоже политкаторжанин, погиб в гражданскую, на Колчаковском фронте. Нелегко ей было одной приглядеть за этим отчаянным мальчишкой. Для нее счастье, что он такой открытый,

отзывчивый. Всегда старается веселой шуткой унять ее тревогу.

Обойдя корму, Демин и Кулагин осмотрели крепления стабилизаторов, распластанных в стороны рулей глубины и вертикально стоящего руля направления. Проверили ходовые огни.

Уже на обратном пути увидели вдруг затерявшуюся за солдатами их лаборантку Катю Коняшину. Демин крикнул ей:

— Где ты пропадаешь? Твой Николай высматривает тебя. Он в моторной, у Бурмакина.

Демин вернулся. Дотянувшись, постучал краем планшетки по стенке моторной гондолы. Пусть хоть эти увидятся. Его-то Вере никак не прийти, у нее на руках полуторамесячная Алка. А раньше, если не летела с ним сама (помощником командира), провожала обязательно.

Дверца гондолы отодвинулась наверх, оттуда выглянуло озабоченное, забрызганное маслом лицо старшего бортмеханика Коняшина. Увидев жену, он заулыбался, высунулся по пояс, крикнул:

— Ты не уходи, не уходи, Катя!

— Что ты, куда я уйду!

Коняшин тут же скрылся в гондоле, а Катя осталась, поеживаясь на ветру, маленькая, с выбившейся черной челкой, похожая в сдвинутой набок ушанке на подростка. Она не успела проститься с мужем там, в эллинге, потому что тоже была занята. Проверяла чистоту водорода в оболочке В-6. Проверяла особенно тщательно и была рада доложить командиру: чистота 96,4 процента, лучше не бывает! А потом бежала сюда, боялась, что не увидит Колю.

Мотор тарахтел, взывал на высокой ноте, потом вдруг, захлебнувшись, смолкал. И снова, набирая силу, рвал воздух.

По мостику из гондолы в киль пробежал бортмеханик Алеша Бурмакин и тут же вернулся, держа что-то

в руке. Не глядя ни на кого, нырнул обратно в гондолу. Николай больше не показывался.

Из дальней кормовой моторной гондолы высунулось скуластое лицо бортмеханика Миши Никитина, лучшего Колиного друга. Он что-то прокричал Кате, из-за гула моторов она разобрала только несколько слов и поняла, что это об Ане, что она в Москве и не придет проводить.

— Я ей передам, ты не волнуйся! — закричала она в ответ и замахала рукой.

Он поднял руку.

«Они ведь только поженились, Миша и Аня, — с сочувствием подумала Катя, — и всегда неразлучны...»

— Дяденьки, пропустите, пожалуйста!

Худенькая девчушка, зачоченевшая в своем коротком пальтишке, перебегала от одного солдата к другому.

— У меня брат улетает, он командир корабля, а я с ним не простилась, я в школе была...

— Нельзя, девочка.

От гондолы шагнул Сергей Демин. Посмотрел строго, но не выдержал, махнул солдатам.

— Пропустите девочку. Только ненадолго, — предупредил он Лиду. — И к Николаю не приставай, ему сейчас не до тебя.

— Да, да!

Лида взбежала по трапу, толкнула дверь, окинула взглядом гондолу. Брата здесь не было. Она бросилась к печурке. Необыкновенной печурке — каталитической! — в ней не горели ни дрова, ни уголь, не было раскаленной электроспирали, ведь огонь здесь держать нельзя — над головой водород, это даже она знала. А тепла!.. Намерзший на чулки и ботинки снег сразу начал таять.

В гондоле шла напряженная работа. Свободные от вахты бортмеханики Новиков и Матюнин — один высокий, здоровяк, другой худощавый, подвижной — крепи-

ли к стенкам тяжелые ящики. Непоместившиеся поднимали по трапу в киль*.

В гондоле много не разместишь — она всего пятнадцать метров длиной: тут и рубка управления — впереди, — и пассажирский салон с отгороженной радиорубкой, и находящиеся сзади кладовая и камбуз. Поэтому основной груз они размещают в киле. Там, на стометровой его длине, среди баков с горючим, маслом, балластных баков, подвешенных гамаков со спальными мешками и прочего корабельного хозяйства найдется место и для этой кладки.

За штурманским столиком склонились над картами штурманы и главный синоптик порта. Добродушный, всегда с улыбкой на веснушчатых полных щеках синоптик Давид Градус сейчас, объясняя что-то и показывая на карте, был серьезен. Флагштурман эскадры Георгий Мячков, прямой и строгий, с выправкой моряка, внимательно слушал. Третий был знаменитый полярный штурман Ритсланд, что летал на Северный полюс. Раскрыв планшетку, он вносил в блокнот сообщения синоптика.

В открывшуюся дверь ворвался снежный вихрь. В гондолу вошел Гудованцев. Провел рукой по шлему, смахивая снег. Снежинки на бровях от тепла растаяли, смягчив напряженность озабоченного лица. Подойдя к штурманам, Гудованцев положил на стол лист бумаги.

— Последняя метеосводка. — Он немного помедлил. — Скверная.

Градус только взглянул на сводку. Последнее слово за ним, главным синоптиком дирижабельного порта.

— Командир...

Градусу трудно было сказать то, что сказать он был обязан. Потом он все же пересилил себя:

* К и л ь — идущая вдоль всего корабля от носа до кормы трехгранная металлическая ферма с поперечными шпангоутами и соединяющими их при помощи шарнирных узлов стрингерами. Сверху к килю крепится оболочка, снизу — гондола.

— Лететь нельзя.

Он пристально смотрел командиру в глаза.

Гудованцев понимал его. Погода явно нелетная. Штормовой ветер, циклоны на всем протяжении пути до Мурманска. Корабль перегружен. Конечно, риск очень большой. И все же...

После первых тревожных радиogramм связь с папанинцами неожиданно оборвалась. Уже больше суток от них нет вестей. До сих пор такого еще не было — в течение всего дрейфа, несмотря на помехи, каждые шесть часов от них неуклонно поступали метеосводки. Кто знает, что могло там произойти за эти сутки?

Гудованцев был твердо уверен: медлить они не имеют права. Разве не идет на риск корабль, спешащий в шторм на помощь терпящему бедствие кораблю, когда даже приблизиться к нему опасно? Разве не рискует человек, бросаясь в огонь спасти другого человека? Это закон товарищества. И не могут они поступить иначе.

— Лететь надо, — сказал он, — ты сам, товарищ Градус, это понимаешь.

— Конечно, — сразу же ответил Градус. — Конечно.

— Надо, — отодвинув метеокарту, сказал Мячков как всегда сдержанно, немногословно.

Ритсланд молча кивнул.

Гудованцев знал: так думает каждый член экипажа. Только надо, как никогда, всем им быть внимательными, надо приложить все знания, умение, опыт.

Шагнув от стола, он крикнул:

— Устинович!

— Я тут.

С кия быстро сбежал в гондолу корабельный инженер. Перескочил через не убранную еще брезентовую скатку, остановился выжидающе.

— У тебя все в порядке?

— Все в порядке, командир. Материальная часть корабля в полной исправности.

— Скоро снимаемся, — сказал Гудованцев.

Он стоял рядом с притаившейся возле печурки Лидой и не замечал ее. Но вдруг его невероятно голубые глаза удивленно расширились.

— Лида?! Ты как сюда попала? А ну, марш отсюда! Мы же взлетаем!

Лида схватила сумку с книжками и бросилась к двери. Не сбежала — съехала по трапу на снег, снова в холод, метель. Обернувшись, увидела стоявшего в дверях гондолы Николая. Он напряженно искал кого-то среди провожавших. Искал и не мог найти. Лида сочувственно вздохнула — конечно, Лену... «Вернусь из полета, будет свадьба», — вспомнила она слова брата, сказанные с затаенной, старательно им спрятанной, но все равно видной всем радостью.

Моторы взревели все разом, словно проверяя свою силу. Заторопилась в стороне съемочная группа из кинохроники, нацеливая на корабль объектив. Оператор, в коротком пальтишке и шапочке пирожком, то крутил ручку аппарата, то тер замерзшие уши. Стоявшая возле гондолы группа людей в летной и гражданской одежде, тоже забеленной метелью — члены Правительственной комиссии по снятию папанинцев со льдины и все портовое начальство, — оживилась.

Гудованцев сбежал по трапу и, остановившись в нескольких шагах от комиссии, отпрапортовал:

— Корабль к отлету готов. Ждем Вашего разрешения.

— Уверены в вас, — внимательно поглядев на Гудованцева, сказал, чуть ломая на кавказский лад слова, председатель Правительственной комиссии, член ЦК ВКП(б) Анастас Иванович Микоян. — Уверены и в корабле. Летите как можно быстрее и по кратчайшему пути.

— Весь экипаж готов задание партии и правительства выполнить с честью, — ответил Гудованцев.

— Николай Семенович, — уже неофициально обратился к Гудованцеву начальник Главного управления Гражданского воздушного флота Герой Советского Союза летчик Василий Сергеевич Молоков. — Снимете их, расцелуйте за всех нас, пусть знают, как мы их любим.

Гудованцев улыбнулся и крепко пожал протянутую руку,

Через минуту уже с корабля громко прозвучала в рупор его команда:

— Приготовиться к взлету!

И команда стартера:

— Приготовиться к вытягиванию поясных!

У гондолы уже никого не было. Трапы убрали. Сброшено необходимое для взлета количество балласта. Раздалась последняя наземная команда командира:

— Отдать корабль в воздух!

— Отдать поясные! — прокричал стартер.

Солдаты разом вытянули из колец тросов поясные канаты. Освобожденный дирижабль чуть попятился и, покачиваясь, плавно пошел вверх. Басовито заработали моторы. Продолжая подниматься, корабль двинулся вперед. Лучи прожекторов закачались, неотрывно следуя за ним.

— До свиданья! Счастливого полета!

Все, кто был на поле, шли следом, запрокинув головы, неотрывно глядя вверх, махали руками.

Набрав высоту, В-6 делал прощальный круг.

И в это время, запыхавшаяся, с выбившимися из-под шапочки прядями светлых волос, прибежала и остановилась, беспомощно опустив руки, Лена. Она смотрела вверх на плывущий корабль, и он туманился от переполнявших глаза слез.

— Опоздали... — с трудом переводя дух, сказала, остановившись рядом, Колина сестра Нина. — А так бежали!..

Лида вдруг вспомнила, что она тоже так и не про-

стилась с Колей. И хотя там, наверху, ее уже не могли услышать, она махала руками и все кричала:

— Коля, до свиданья! Коля, возвращайся!

Лена замахала рукой. Кричать она не могла. Рядом, сорвав с головы шапку, отчаянно махала ею Катя Конашина.

Закончив третий круг, корабль плавно отвернул нос и пошел на север. Лучи прожекторов шли за ним, провожая, пока он совсем не растаял в аспидно-черном небе.

II

Едва поднялись, началась болтанка. Пол уходил из-под ног. Стоявший на штурвале глубины Сергей Демин, быстро перехватывая ручки штурвала, перекладывал его влево. Корабль то медленно выравнивался, то порывался лететь вверх. Стрелка вариометра* беспокойно металась. Демин неотрывно следил за ней, резкими поворотами штурвала умирал корабль, удерживал на заданной высоте, одновременно не выпуская из поля зрения стрелки манометров, следя за тем, чтобы не превысило норму растущее с высотой сверхдавление газа в оболочке. Оно должно всегда чуть превышать давление атмосферы, поэтому и называется «сверхдавление». Повысится слишком — встанет угроза разрыва оболочки; упадет сверх нормы — на оболочке появятся вмятины, скорость корабля снизится.

За широкими окнами рубки неслись куда-то, белесо чертили темноту снежинки. Липли к окнам, срывались, опять липли... Справа, занимая почти треть горизонта, вскидывалось и уходило вниз огромное неясно-желтое

* В а р и о м е т р — указатель скорости подъема и спуска.

пятно. Оно то светилось ярче, и тогда уже не казалось желтым, то тускнело. Москва с ее огнями. За снежной пеленой город как за матовым стеклом. Желтые пятна всплывали впереди по курсу, слева... Медленно проплывали под кораблем пригороды.

Снаружи свистел ветер. Ледяные струи врывались в невидимые щели, холодили лицо, шею, а из-под шлема все равно выбивались капельки пота. Демин подвигал плечами, освобождаясь от напряжения. Повернувшись к стоящему рядом у штурвала направления второму помощнику — Владимиру Лянгузову, — сказал, взглянув в окно:

— Не скоро кончится.

Тот лишь мельком посмотрел на него, понимающе кивнул.

И снова все внимание вперед, по ходу корабля. И на стрелку компаса. Пружинисто упираясь ногами в неустойчивый пол, он чутко покачивал штурвал, стараясь держать корабль в узде.

Неожиданно взвыл, на все голоса запел в такелаже ветер. В окна хлестко ударила снежная волна. Корабль бросило в сторону, круто развернуло. Загрохотали, опрокидываясь, ящики в пассажирском салоне.

Лянгузов мгновенно переложил штурвал до отказа. Размашисто встряхиваясь, корабль стал выходить на прежний курс. Стрелка компаса возвратилась на место. Напряженное, с еле заметными рябинками лицо Лянгузова снова стало мягким. Руки неторопливо повели штурвал назад.

Управлять дирижаблем при помощи одного штурвала невозможно. Огромный объем оболочки делает корабль необыкновенно подверженным как горизонтальным, так и вертикальным воздушным течениям. Поэтому на дирижабле стоят два штурвала: глубины и направления. И ведут корабль одновременно два пилота.

— Товарищ Лянгузов, возьми три градуса ост, —

поднялся из-за штурманского столика Гудованцев, — нас изрядно сносит.

— Есть три градуса ост!

Голос Лянгузова, удивительно звучный — слышался ли он на взлетном поле или в Воздухоплавательной школе, которой он сейчас руководит, — всегда вызывал немного восторженную зависть всех командиров. Сейчас, в тесной рубке, он прозвучал как-то особенно четко.

Гудованцев проверил показания приборов и отметил: несмотря на болтанку, все выдерживается в норме. Скорость — девяносто километров в час. Высота — сто пятьдесят метров. Израсходуется часть горючего — поднимутся до двухсот-трехсот. А пока что ребятам достается как следует — перегруженность, небольшая высота полета, следовательно, и опасная близость земли сильно усложняют пилотирование.

Лавируя между уходящими стенками гондолы, мимо опять устанавливающих ящики механиков к Гудованцеву подошел бортрадист Василий Чернов и протянул листок бумаги.

— Командир, радиограмма из порта. Запрашивают состояние корабля, настроение.

Гудованцев пробежал глазами листок. Понятно: в порту волнуются, переживают за них.

— Как слышимость?

— Отличная.

— Передай: корабль статически уравновешен в воздухе. Материальная часть в полном порядке. Благодарим за добрые пожелания. Настроение...

Гудованцев поглядел на уверенно работающих штурвальных, на радиста. Усталое, как и у всех, с покрасневшими невыспавшимися глазами Васиного лицо было полно радости.

— Передай: настроение отличное, — сказал Гудованцев. — Приложим все силы для выполнения задания.

— Есть.

Чернов быстро записал и вернулся в радиорубку.

Настроение... Оно у всех приподнятое. Да и каким же еще оно может быть?! Они летят! Во всю мощь работают моторы. С каждой минутой полета, с каждым оборотом винта приближаются к цели.

Остались позади все земные хлопоты. А столько было всего за последние три дня! Обращение к правительству. Нетерпеливое ожидание ответа. И когда получили его, все до ломоты в ногах, но уже с легкой душой бегали по учреждениям, по складам, выписывали, подписывали, просили, требовали... Второй командир Иван Паньков прервал отпуск — до отдыха ли тут! Бортмеханик Николай Кондрашев больной поднялся с постели. Георгий Мячков, вывалив перед ним на стол груды порошков и таблеток, сказал:

— Быстро поправляйся, Николай, болеть сейчас не ко времени!

Никто не мог оставаться в стороне. И сейчас не могут сидеть без дела. Свободные от вахты не отдыхают, а спешат навести порядок на корабле, поднимают в киль громоздкие тюки.

В темноте за окном бесконечное раскачивание затуманенной земли, сумятица снега. Гудованцев поглядел туда. Что-то беспокойно защемило внутри. Почему Лена не пришла? Не смогла? Ему так не хватало перед отлетом ее пристального и теплого взгляда, бесконечно верящего в его умение, знания, удачу... Лена! Она ворвалась в его жизнь, как врывается в полете ветер, свежий, уносящий, попутный...

Их встречи всегда были неожиданными. У него что ни день полеты, подготовки к ним, никогда не знал заранее, когда будет свободен. Вырвавшись, мчался к Лене в Москву и, оторвав ее от нескончаемых занятий, подготовок к сессиям на ее геологическом в университете, увозил в Долгопрудный. Тут в двух шагах лес. Они убегали на лыжах за тридевять земель, так что обратную дорогу находили с трудом. Возвращались затемно, покачиваясь от усталости, и до чего же рады были ожидающей их дома горячей картошке!

Бродить по лесу Лене не в диковину. Она, как и он, таежный бродяжка. С начала лета всегда в экспедиции. И ему ли, сибиряку, не знать, каково пробираться по таежному бездорожью с тяжелым рюкзаком! «Подожди немного, облегчим вам жизнь, — обещал он ей, — будем вас и ваше хозяйство в самую глушь на дирижаблях забрасывать!» Все аэронавты уверены, что дирижабли и тут сослужат добрую службу.

Ясноглазая, светловолосая его Лена! Казалось, нет между ними этого все увеличивающегося расстояния...

...Снежные заряды за окнами рубки по-прежнему ре-

зали их путь. Ветрочет * упрямо не хотел менять показания. Впрочем, Николай мог и не смотреть на его диск, и так было ясно: на корабль беспрестанно жмет боковой ветер. Корабль сопротивляется ему, кренится, бросается в стороны, идет наперекор.

«Во время остановки в Мурманске надо будет позвонить на главный почтамт, — подумал Гудованцев. — Лена наверняка догадается дать туда телеграмму».

— Как моторы, Николай? — спросил он сидевшего тут же, у корабельного телеграфа, старшего бортмеханика.

— В порядке, — обернулся к нему Коняшин. И уверенно добавил: — Моторы не подведут, командир, каждый час проверяю.

У штурманского столика с циркулем и тяжелой штурманской линейкой работал над навигационной картой первый штурман Алексей Ритсланд. Делал аэронавигационный расчет — учитывал ветер, снос корабля, выбирал курс. Уловив короткий миг относительно спокойного положения широко раскачивающегося корабля, умудрялся нанести на карте нужные линии. Подверженность дирижабля ветру из-за большой его парусности и сравнительно небольшой скорости заставляет непрерывно вносить поправки в проложенный курс.

Ритсланд, налетавший на самолетах больше десяти тысяч часов, на дирижабле летел впервые. Он быстро свыкся и с размашистой болтанкой, и с тишиной, которая сопутствует полету дирижабля — моторы гудели где-то далеко, снаружи, совсем не то, что в самолете, — и с ощущением необыкновенной легкости корабля. И уже чувствовал себя здесь как дома.

Его участие в этом полете было крайне необходимо. Испытанный полярный штурман, он до тонкости знал

* Ветрочет — прибор, определяющий угол сноса корабля под влиянием ветра.

Арктику, избороздил ее вдоль и поперек. На всем протяжении северного побережья страны от Берингова пролива до Баренцева моря нет, пожалуй, места, острова или островка, над которыми бы он не пролетал. Не раз, прихваченный пургой, «куропачил» — зарывался в снег, чтобы не замерзнуть. Проводя ледовые разведки в Баренцевом и Карском морях, часами летал над бесконечными однообразными льдами, когда глазу не за что было зацепиться, ухватить хоть малозаметный ориентир, и в слепящей белизне невозможно было понять, высоко летишь или лыжи самолета вот-вот зацепят за торос.

Когда его старый друг и наставник, замечательный полярный летчик Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков, вместе с которым он прокладывал северные воздушные трассы и вместе с которым совершил незабываемый полет на Северный полюс (за эти полеты Ритсланд был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина), предложил ему отправиться на дирижабле для спасения папанинцев, он с радостью согласился.

Люди, на помощь к которым они сейчас спешат, ему особенно близки. Он ведь сам причастен к тому, что они оказались в центре Арктики, на полюсе...

...Год назад, в марте 1937 года, с московского Центрального аэродрома поднялись четыре заново покрашенных в ярко-оранжевый цвет четырехмоторных самолета и взяли курс на Северный полюс. На борту четверо полярных исследователей, которым предстояло, обосновавшись на льду Северного полюса, долгие месяцы вести там научные исследования.

Тогда, как и сейчас, они пробивались сквозь непогоду, их так же трепало, так же валил снег, только мокрый, с дождем. Правда, тогда можно было не так спешить, и они делали остановки, выжидали улучшения

погоды. На Маточкином Шаре выдержали двенадцати-балльный шторм. Взбесившийся ветер валил с ног, забивал легкие, не давая дышать. Тяжелые самолеты подсакивали, рвались со швартовых. Чтобы не сорвало, пришлось крепить их якорями, вмораживая якоря в лед.

Последний бросок был с острова Рудольфа, самого северного острова архипелага Земля Франца-Иосифа. Первым к полюсу вылетел флагманский корабль Героя Советского Союза Михаила Водопьянова. Остальные три машины смогли вылететь через шесть дней. Нелегко было отыскать среди бесконечных ледяных полей в нагромождениях торосов крошечный лагерь у полюса, который к тому же еще и не стоял на месте, а дрейфовал вместе со всей массой льда. Ритсланд первым из трех привел к лагерю их с Василием Сергеевичем Молоковым самолет.

Это были первые в мире самолеты, опустившиеся на лед Северного полюса.

За два месяца нелегкого пути до ледовой «макушки» земного шара и десять дней, проведенных там до возвращения самолетов на материк, крепко привязались они к четверке папанинцев. Люди эти были удивительные.

Начальник научной станции — деловитый, с хитринкой в глазах, не теряющийся в самые трудные минуты, заботливый и хлебосольный — настоящий «хозяин полюса» — Иван Дмитриевич Папанин.

Эрнст Кренкель — высокий, мощный, с густым хриловатым басом бывалого полярника, с виду суровый, а на самом деле золотая душа, непревзойденный ас в своем радиоделе. И острослов! Не дай бог в чем-то оплошать, тут же попадешь к нему на язык.

Ненасытные исследователи Петр Ширшов и Евгений Федоров, молодые, горячие, наконец-то дорвавшиеся до

своей заветной цели — этой недоступной точки Земли, — тут же поделили между собой два океана: Ширшов «завладел» водным, с его неведомыми глубинами, течениями, дрейфом льда; Федоров — воздушным, с ветрами, циклонами, магнитными бурями. В нетерпении скорее начать исследования они, не дожидаясь прибытия остальных самолетов, которые должны были привезти оборудование, принялись за работу и заразили своим рвением всех, вплоть до летчиков, бортмехаников, штурманов, радистов.

Все вместе долбили они лунку во льду, ставили над ней лебедку. Пилили из крепкого, как сахар, снега метровые кирпичи, строили из них снежные домики для радиостанции и магнитной обсерватории. Поставили на льду ветряк с динамо-машиной, укрепив его вбитыми в лед костыльками с растяжками, установили жилую палатку, собрали ее из алюминиевых трубок, обтянули теплыми чехлами. Прямо в снежных завалах соорудили хозяйственные и продовольственные базы. Строительство шло с размахом, как на Большой земле. Скоро на льдине вырос целый научный городок с улицами: Самолетной, Складской, Советской...

6 июня 1937 года под трехкратный ружейный залп они подняли над полюсом Красный флаг Союза ССР, открыли первую в мире научную станцию «Северный полюс».

И сразу же, одно за другим, последовали научные открытия. С затаенной гордостью, как будто ничего особенного в этом не было, Кренкель отстучал ключом на Большую землю первую в истории человечества сводку погоды Северного полюса. С утра до ночи работающий со своей лебедкой Ширшов вначале даже не поверил приборам, когда обнаружил под двухсотметровым слоем холодной океанской воды мощный слой теплого течения Гольфстрим, пришедшего сюда, к самому полюсу, от тропического Карибского моря.

Совсем нечаянно сделал там научное открытие даже он, Ритсланд. Поймал на льдине пуночку, северного воробышка. Кроха сидела на вздыбленном торосе и распевала, доверчивая, непуганая. Он остановился пораженный — живая пичуга в этой ледяной пустыне! Взял ее голыми руками. Когда показал всем, не поверили, решили, что с Большой земли на самолете ее прихватил. Но вскоре увидели, как над разводьем стремительно пронеслись, мелькая черными спинками среди голубых торосов, чистики. Потом, удивленно покрикивая, над их лагерем пролетела чайка-глупыш. Ширшов уже выуживал из океана множество всевозможных рачков, моллюсков... Существовавшее убеждение, что в центре Арктики нет никакой жизни, наглядно опровергалось.

Оставшись на льдине одни после отлета самолетов, четверо папанинцев работали за десятерых, не замечая времени и страшной усталости, часто в насквозь мокрой, покрывшейся льдом одежде — сушиться им было негде, в палатке, все отопление которой керосиновая лампа, мороз доходил до 15 градусов. По шесть часов подряд крутили они ручную лебедку, доставая с глубины пробы грунта, пробы воды. Сутками стояли у приборов в ледяной обсерватории, у лунки, к которой добирались в пургу, держась за протянутый от палатки канат. Все время им приходилось быть начеку. Дежурства вели круглые сутки. То и дело бросались спасать затопленные склады, перебирались на новое место, перетаскивали все имущество. И это в черноте полярной ночи, под вой неистового, валящего с ног ветра, под грохот ломающегося вокруг льда, когда льдина под ногами оживала, начинала раскачиваться, давая знать, что она всего лишь хрупкая корочка на четырехкилометровой толще океанской воды, что была под ней.

За девять месяцев дрейфа папанинцы собрали огромный научный материал, который послужит де-

лу дальнейшего изучения и освоения Арктики, освоения Северного морского пути, крайне необходимого стране.

И сейчас, когда ледовые сжатия, следуя одно за другим, разломали их льдину, папанинцы, держа наготове нарты с уцелевшим аварийным запасом продовольствия и теплой одежды, особо, как зеницу ока, берегут собранный научный материал.

До сих пор они выходили победителями из всех ледовых схваток. Но сейчас, когда у них под ногами остался маленький, всего лишь в тридцать метров надтреснутый обломок льдины, а ураган продолжает свирепствовать...

— Здорово сносит?

Гудованцев остановился у штурманского столика и рассматривал только что нанесенные на карту линии маршрута.

— Порядком. — Ритсланд повернул карту поудобнее... — Новая поправка к курсу.

С первой встречи Николаю был симпатичен этот знающий, вдумчивый, необыкновенно скромный и обаятельный человек. Что-то было в нем близкое Николаю. Стремление все изведать, которое прорывалось во взгляде? Ненавязчивая решительность? Возможно...

— О чем задумался, Алеша?

Ритсланд доверительно поглядел на него.

— Вспомнил, как мы улетали с полюса. Знаешь, когда поднялись в воздух и увидели сверху эту пустыню льда и снега — от горизонта до горизонта — и четыре человеческие фигурки на льду, да еще пес Веселый с ними, мечется, бедняга, волнуется. Тут только по-настоящему поняли цену их подвига. Больше двух тысяч кило-

метров от Большой земли! Мы туда добирались два месяца.

— Хорошо, связь у них все время крепко налажена была, — кивнул Николай. — Если бы не это...

— Ну так ведь там же Кренкель! — многозначительно улыбнулся Ритсланд.

— Мы-то Кренкеля хорошо знаем, — неожиданно в тон ему объявил Гудованцев.

— Серьезно? — поднял брови Ритсланд.

— Вполне. Пять лет назад, когда мы еще только начинали, Эрнст был нашим первым бортрадистом. Не на этом корабле, правда, В-6 тогда еще не был построен. На В-3, «Ударнике». Трудновато ему там приходилось с его ростом. В-3 — корабль небольшой, в гондоле тесно. Приткнется со своим приемником в углу, между мешков с балластом, канистр, швартовых канатов, согнется в три погибели, ноги девать некуда, колени до ушей достают. Должно быть, не понравилось. Вот и подался в Арктику.

Из радиорубки, только что получив из метеоцентра сводку погоды, вышел Давид Градус. Поймав на себе вопрошающие взгляды, виновато развел руками — ничего нового, что я могу сделать?!

И пошел к корме.

Ритсланд взглянул на висевший над столиком ветрометр. Да, самолеты сейчас стоят на приколе. А они летят...

Ему почему-то вспомнились слова отца, сказанные недавно не то с осуждением, не то с пониманием:

— Непоседливый ты, Алешка, перелетная ты птица! Тебя все куда-то тянет.. »

Наверно, так и есть. Перед самым отлетом он неожиданно получил комнату, в Москве, на Суворовском бульваре. Первую комнату в своей жизни. И, по правде говоря, совершенно не представляет, когда будет в ней жить. Ведь он сегодня здесь, а завтра за тысячи кило-

метров, на другом конце страны. И так постоянно. С тех пор как мальчишкой ушел из деревни в Ленинград, имея в кармане несколько «миллионов» бумажных денег и несколько царских серебряных рублей (которые уже не ходили, а мама на дорогу все же дала), жил только в общежитиях — и когда в артиллерийском училище учился, и в школе летчиков-наблюдателей. А стал летать, останавливался в комнатах летсостава. И впереди у него полеты и полеты... Он еще досыта не налетался.

Отец журил, что он совсем забыл их с матерью, в деревню глаз не кажет. А он не забыл. Столько раз собирался поехать, почти уже был в поезде... И всякий раз неожиданный и неотложный полет. Как сейчас.

Дал отцу слово: уж теперь-то, как только вернется, повидает их. Непременно. Отец говорит, мама очень ждет. Он и сам знает, как она ждет, как каждый день, затаив надежду, высматривает... Он тоже очень соскучился. По ней, по сверстникам, по веселому шуму родного дома. С отцом по свежей пороше сходят они на зайца, как когда-то. Ух, каких великолепных он приносил, когда был еще парнишкой! И ружьишко-то было допотопное, шомпольное. Осенью ходил на вальдшнепа. Места у них заповедные, дубы могучие, вязы... Пушкиным воспетые. Село Михайловское всего в сорока километрах. На охоту с ним всегда увязывалась длинноногая угловатая сестренка Наташка. Она была готова даже заменять ему сеттера — подкрадется к кустам, кинется с криком, птицы вспорхнут, и он бьет их на лету. А она, довольная, прыгает от восторга. За хороший «гон» разрешал ей выстрелить по цели.

...На ведущем в киль трапе появился вернувшийся с осмотра материальной части корабля Устинович. Поморщившись, сказал:

— Когда только Градус выдаст приличную погоду? Тоже мне метеобог! Заело, что ли, у него в небесной кан-

целярии? Или он вовсе и не бог? Тогда, братцы, зачем мы его взяли?

— А ты его за борт! — подмигнул Мячков.

— Придется. — Широким жестом засучил рукава Устинович.

— Вот только справишься ли? Додика, правда, расшевелить трудно, но уж если разойдется...

— Да, наш Додик в больших драках отличался, — многозначительно предостерег Новиков. — «Стенки» — слышали такое? Раньше, бывало, зимой на Москве-реке устраивали. И у них, в Астрахани, на Парбучьем бугре улица на улицу «стенками» ходила. Додик первым заводилой был. А знаете почему? Он же рыжий, а тогда вовсе огненный был. «Меня, — говорит, — за версту видно было». Как начнут мальчишки дразнить — рыжий, рыжий, конопатый! — тигром бросался.

— Ладно, не пугайте, я тоже не из робких, — хмыкнул Устинович. — Давайте сюда «бога»!

— Так вот же он, — кивнул в сторону кормы Коняшин.

Устинович обернулся... и замер. Из кладовой цепкой походкой, принаравливаясь к широкому раскачиванию корабля, держа в руках большущий поднос, уставленный снедью, выплыл разрумьянившийся Давид Градус — их синоптик, он же и добровольный их «кормилец», бесменный «шеф-повар».

— Смени гнев на милость да подкрепись сначала, боец кулачный, — ставя на стол поднос, пробасил Градус.

— Ой, Додик, душа ты человек! — уже восторженно приветствовал его Устинович.

— Братва, ужин! — сдвинув шлем на затылок, крикнул, выбегая из радиорубки, Вася Чернов.

И, шумно восторгаясь, все обступили стол. Только сейчас они вспомнили, что, захваченные делами, с утра так еще ничего и не ели.

— Товарищ второй командир!

Слегка наклонившись, чтобы не задеть притолоку, весь заснеженный, покрасневший от бушующего снаружи ветра, в рубку управления вошел первый бортмеханик Константин Шмельков; смахнул с лица и шлема снежные хлопья, одернул замявшийся комбинезон.

— Докладываю: в винтомоторной группе все в порядке. Горючее расходуется в норме.

Иван Паньков выслушал рапорт. От темных, чуть прищуренных глаз к скулам побежали морщинки.

— Как там ребята, никого не утомило?

— Что вы, Иван Васильевич! — вступился за бортмехаников Шмельков. — Я проверял, ребята держатся как надо.

А между тем озабоченность Панькова была понятна. Всю вахту бортмеханики сидят в крошечной, как клетушка, моторной гондоле почти неподвижно. Рев мотора, сгущенный узкими стенами, оглушает. Все дрожит, кажется, даже волосы шевелятся под шлемом. Перед глазами приборная доска, сигнальная лампочка. В любую минуту она может замигать и, прорезая грохот мотора, раздастся перезвон корабельного телеграфа — смотри на табло, выполняй приказ командира: прибавить обороты, убавить... К концу вахты усталость может затуманить внимание, вызвать дремоту. А перед этим полетом ребятам и отдохнуть как следует не пришлось. Да еще качка...

Поэтому Шмельков чаще обычного ходил проводить вахтенных. Пристегнувшись специальным замочком, что висит у пояса, за трос, протянутый вместо перил, шагал сквозь пургу по зыбким мостикам, идущим от киля корабля к моторным гондолам. Шагал, как по небу, по снежным крутящимся вихрям, которые били

снизу, сверху, толкали, свирепо воя в такелаже. Отодвигал дверцу гондолы. Ухо привычно ловило в вырывающемся грохоте мотора частоту пульса, ритмичность. Приборы подтверждали: все в порядке.

Бортмеханики были рады его приходу. Каждому хотелось, чтобы он побыл подольше. Всегда сдержанный и серьезный Кондрашев радушно уступал свое место, а сам, согнувшись в три погибели, садился на радиатор, готовый к долгой и обстоятельной беседе. Новикову с его габаритами потесниться было еще труднее. Он как-то вминался, освобождая крошечное пространство, кричал:

— Заходи, как там, на Большой земле?

Большая земля — это весь корабль. Моторная гондола — отдаленный островок.

Словоохотливый Никитин готов был «байки травить» хоть всю вахту. У него и историй разных припасено, и шуток-прибауток... Но у Шмелькова не было времени. Крикнув:

— Идем точно по курсу, — кивал: — Счастливо!

И отправлялся обратно. За ребят он был спокоен, не подведут, напрасно Паньков беспокоится.

— Потише, Костя, расступись, дай дорогу другим.

В рубку протискивался Тарас Кулагин. Со вкусом потер широкие ладони, словно хотел сказать что-то необыкновенно радостное. Шумно выдохнул:

— Васильич, докладываю: материальная часть корабля в полном порядке. Никаких нарушений в устройствах управления, в воздушных и газовых клапанах не наблюдается.

Докладывал он как-то по-свойски, между прочим, словно это была только присказка, а сказка будет впереди.

Паньков укоризненно глянул на третьего помощника. Ему была немного не по нутру эта мальчишеская, безза-

ботная разухабистость Кулагина. Посторонний человек мог бы подумать, что никуда Тарас не ходил, не осматривал корабль, сидел себе в пассажирском салоне и играл с кем-нибудь в шашки, а пришло время, встал и вот докладывает. Конечно, это было не так, Паньков знал это хорошо. Тарас и в институте таким был. Казалось, о зачетах он и не думает. Веселый, любил на танцы сбегать, отчудить что-нибудь особенное, так что все потом долго вспоминали. Другие, если пробовали подражать ему, обычно на зачетах заваливались. А он всегда сдавал отлично. Потому что занимался, работал всерьез и азартно. Это только его неумная жизнерадостность создавала впечатление несерьезности. И сейчас Паньков был уверен: поднимись он сам в киль и осмотри, своими руками пощупай все штуртросы, воздушные клапаны — если Тарас сказал: все в поряд-

ке, значит, ничего другого он там и не найдет. И, махнув рукой, усмехнулся — тебя не переделаешь!

Раскрыв бортовой журнал, стал записывать: «В винтомоторной группе все в порядке. Материальная часть корабля...»

Паньков был человек другого склада. Тренированный, худощавый, с обветренным смугловатым лицом, он был всегда сдержан, уравновешен. Чувствовал себя старше других, хотя разница была всего в два-три года. Возможно, сказала нелегкая жизнь, что была позади.

Пробиваться ему приходилось одному, с невероятным трудом и упорством. Он был старшим сыном в многодетной и бедной мордовской семье. Первым стал помогать отцу, пошел по найму пасти скотину. В голодный двадцать первый год, когда у них в Поволжье все выгорело от зноя и ели они все одну лебеду, подался вместе с родителями в Сибирь, за хлебом. На какой-то станции разминулся с ними, потерялся. Долго бегал, искал, звал. Так и не нашел. Стал скитаться один. Кому дровишек нарубит, кому еще чего подсобит. Где-то приютят, где-то накормят... Лапти на ногах скоро износились, новые взять негде было, так и ходил в разбитых. А тут начались лютые сибирские морозы. Обморозил пальцы на ноге (до сих пор прихрамывает). Долго провалялся в больнице. Там же, в палате, метался в тифозном бреде пожилой мужчина. Сиделок не хватало, и он стал ухаживать. И выходил. Тот оказался необычайно сердечным человеком. Однажды, когда они оба уже поправились, сказал:

— Поедем ко мне, в Иваново. У нас большие текстильные фабрики. Получишь специальность. Жить будешь у меня, места хватит.

Он поехал. Стал работать смазчиком незнакомых, казавшихся ему удивительно умными машин. Малограмотный паренек, он не мог разобраться во всех хитро-

сплетениях отдельных деталей, узлов — что для чего служит и от чего приходит в движение.

Захотелось постичь всю эту премудрость. Пошел учиться в вечернюю школу. Надо было начинать с азов. Он не побоялся. Потом был рабфак. Потом высшее техническое училище. И Московский авиационный институт. На жизнь зарабатывал, разгружая вагоны на железной дороге. Он был упрям. Мало спал, недоедал, но учебу не бросил. Никогда не давал себе поблажки. Когда друзья, прифасонившись, вечером звали в кино, с девушками на танцы, он отмахивался.

Случилось так, что близко познакомился с воздухоплаванием, которое тогда только еще начинало развиваться. Увлёкся необыкновенно. В авиационном институте открылся дирижаблестроительный факультет — он тотчас же перешел на него.

Позже, когда уже стал командиром корабля, не раз, пролетая над Волгой, подумывал: свернуть бы немного в сторону, к Саранску, и низко-низко проплыть над родной деревушкой, чтобы все увидели прекрасный, никогда ими не виданный воздушный корабль и командира корабля, бывшего их деревенского пастушонка.

...Гондолу по-прежнему сильно раскачивало. Жесткие подвески, которыми она крепилась к килю, словно сговорившись, поочередно скрипели — правые... левые... правые... левые... Снег то вился перед плексигласовым окном, то пропадал. Тогда впереди была лишь спокойная чернота. Видимости все равно никакой.

Шли по приборам, по радиомаяку. Сейчас их путь на Петрозаводск. Дальше пойдут на Мурманск. Радиостанция Петрозаводска специально для них непрерывно передавала музыку. Установленные перед самым отлетом на корабле два радиополукомпаса — нигде, даже в авиации, еще не применявшиеся навигационные приборы — принимали эту музыку, чутко реагируя на силу и направленность радиоволн. Стрелка индикатора ра-

диополукомпаса тотчас показывала малейшее отклонение корабля от курса. Задача штурвального — следить, чтобы стрелка все время была на нуле — это означает, что они идут точно по курсу.

С первой же минуты, как они пошли по радиомаяку, все увидели достоинства этого прибора. Особенно эти достоинства скажутся в Арктике, где вблизи магнитного полюса Земли обыкновенный магнитный компас дает большие отклонения. Радиополукомпас легче и точнее сможет вывести их на радиостанцию Кренкеля.

Закрыв бортовой журнал, Паньков окинул взглядом тесную рубку, сосредоточенно работающих вахтенных. Все эти парни, что летят сейчас на В-6, были первыми советскими воздухоплавателями-дирижаблистами. И строителями первых отечественных кораблей. Своими руками, по крохам, по кусочкам собирали их.

...В тридцатом году всех их, студентов дирижабельного факультета, направили учлетами для прохождения летной практики на дирижаблях Осоавиахима. Громко сказано: «на дирижаблях!». Дирижабли им предстояло еще построить. В то время на всю страну был один-единственный слабенький дирижаблик под названием «Московский химик-резинщик», да и тот больше стоял в ремонте, чем летал.

Молодой Советской стране, только оправившейся после разрухи гражданской войны и развертывающей строительство на всей огромной своей территории, дирижабли были очень нужны. Эти воздушные корабли, не требующие дорогостоящих посадочных площадок, могли бы перевозить грузы и пассажиров к самым отдаленным, недоступным для других видов транспорта местам.

Все они очень хорошо это понимали, и за дело взялись с горячим пылом. Газета «Комсомольская правда» бросила призыв: «Даешь эскадру советских дирижаб-

лей!» На стенах домов, на афишных тумбах, просто на дощечках, выставленных на перекрестках дорог, закрепили лозунги: «Построим эскадру дирижаблей имени Владимира Ильича Ленина!», «Сэкономь пятак, опусти во всенародную копилку!»

В городах, поселках, деревнях звонко падали трудовые пятаки в жестяные кружки-копилки, с которыми ходили повсюду на сбор средств комсомольцы, пионеры. Было собрано двадцать восемь миллионов рублей.

Началось строительство. Будущие дирижаблисты прежде всего стали рабочими.

На заводе «Каучук» они прорезинивали специальный материал — перкаль, складывали втрое, пропускали через валки-прессы. Перкаль получался необычайно прочный, не пропускающий ни воду, ни воздух. Рулоны этого перкаля перевозили, трясясь на гремящих по булыжнику полуторках, на Садово-Черногрязскую, там, недалеко от Курского вокзала, в полуподвальном помещении бывшего трактира разместилась специальная пошивочная мастерская. Туда же отвезли они и раздобытые на военном складе, сшитые из такого же перкаля старые газгольдеры*, сохранившиеся еще с империалистической войны. Хлопотливые девушки-курсантки Воздухоплавательной школы кроили, клеили, строчили на машинках из всего этого материала оболочку дирижабля — огромный мешок, в который должно было войти две с лишним тысячи кубометров газа. Зачищали края перкаля, несколько раз промазывали жидкой резиной, сострачивали, прокатывали шов тяжелым валиком, чтобы накрепко все склеилось. И снова проклеивали. И снова прокатывали.

Милые девушки в черных бушлатах с золотыми пуговицами (крылышки с пропеллером), в лихо сдвинутых

* Газгольдеры в воздухоплавании — переносные хранилища для газа.

набекрень беретиках — их будущие пилоты-штурвальные, бортмеханики! Круглолицая, с ямочками на щеках, то и дело взрывающаяся смехом Вера Митягина (Демина). Худенькая, с копной темных волос и строгим взглядом карих глаз Люда Эйхенвальд (Иванова). Статная, даже несколько величавая, с мягкой улыбкой на пригожем лице Женя Ховрина. Непоседливая, как воробей, по-детски доверчивая, полная желания все сделать хорошо Катя Чаадаева (Коняшина). Они были не утомимы. Горы простроченного перкаля вырастали вокруг них. Им тоже хотелось как можно скорее увидеть корабль в воздухе и самим подняться в нем.

Гондолу изготовили в ЦАГИ. Мотор им дали списанный с самолета. Добровольное общество Осоавиахим — организация хоть и полная энтузиазма, но любительская, отсюда и возможности.

Собирали дирижабль в подмосковном пригороде Кунцево, в глубоком овраге, перегородив его брезентом от ветра. Даже сотрудники «Комсомолки» приезжали туда, помогали.

Над головой небо. По бокам оврага в обе стороны лес уходил. Казалось, Москва отсюда далеко, ее не видно и не слышно. Голоса людей, стук топоров и молотков перекликались с птичьими голосами.

Мастерили высоченные стремянки — они понадобятся, когда оболочка, наполнившись газом, «вырастет», и надо будет ее оборудовать. Вкапывали в землю столбы — причальные мачты. Заготавливали балласт. Только при сборке дирижабля, чтобы удержать его у земли, балласта понадобится больше двух тонн.

На берегу Москвы-реки оказался отличный рассыпчатый песок. Девушки насыпали его в небольшие, но ставившиеся увесистыми мешки, а парни тащили мешки к месту сборки. Сережа Демин взваливал на спину сразу три. Шел вразвалку, не спеша и не останавливаясь. Еще и покрикивал:

— А ну, кому подсобить?

— Сами с усами! — задиристо отвечали ему. И, поднажав, пытались обогнать. Но это редко кому удавалось.

Сережа к тяжелой работе привык с детства. В годы гражданской войны, когда отец ушел драться с Колчаком, они — мама и трое мальчишек — одни бедовали в Казани. Мама подрабатывала шитьем. Их, ребят, на работу не брали — малы еще. Они зарабатывали, вскапывая чужие огороды, сажали картошку, морковь. Пололи. Все лето сторожили. Осенью убирали урожай. Часть урожая им отдавали за труд. Когда кончилась гражданская война, воинскую часть, где служил отец, перевели в Москву. Переехали и они. В Москве тоже еще было туговато. Зарабатывали чем могли. Утром впрягались в тележку, развозили с Болотного рынка, который был рядом, разным хозяйкам корзины с овощами. А днем отстраивали в полуразрушенном доме на Полянке свое жилье. Отец мог приходить только изредка, но он делал все очень умело и здорово учил их стелить полы, потолки, вязать двери, рамы... Давал им задание, и они выполняли его самостоятельно. Самое трудное Сережа брал на себя, он был старший.

...Мешки укладывали вокруг сморщенной, пока еще безжизненной оболочки, крепили к ней тросиками. И вот она уже в плену этих тяжелых, туго набитых колбасок.

Наконец можно было начинать сборку. Прямо на траве разложили чертежи. Стоя, сидя, приткнувшись кто как мог, сгруппировались вокруг. Началась работа, которую они так нетерпеливо ждали — переносить всю сложную конструкцию стабилизаторов, рулей, газовых клапанов, системы тросов, управляющих ими, с чертежей на простертую перед ними оболочку будущего корабля. Рулевое оперение, катушки со стальным тросом, дюрале-

вые трубки — все уже было под рукой. Они взялись за дело, ничего не замечая вокруг.

Руководил всеми работами замечательный человек, отлично знающий дирижабельное дело, старейший русский воздухоплаватель Евгений Максимилианович Оппман, еще в империалистическую войну летавший командиром «Зодиака», одного из четырех закупленных перед войной царским правительством во Франции дирижаблей. С этого дирижабля он сбрасывал бомбы на вражескую австрийскую крепость Перемышль — в империалистическую войну такое еще было возможно.

Подвижной, энергичный, как ни странно, без следа военной выправки, мягкий в обращении человек. К дирижаблю он относился нежно, знал все его повадки, все особенности каждого его элемента. Сам очень точный в работе, он невольно вызывал и у других такое же отношение. Ясно и наглядно раскрывал перед ними всю суть нового, пока еще известного им только в теории необыкновенно увлекательного дирижабельного дела. Сразу оживали чертежи, становилось понятным, куда и для чего тянется каждая расчалка, где ее надо крепить, какую нагрузку ей предстоит выдерживать.

Раскрутив десятиметровые рулетки, они ползали по оболочке, отмеряли, размечали...

Иногда им казалось, что кое-что здесь можно сделать иначе, лучше, стоит только немного поломать голову. Они тут же начинали чертить на клочке бумаги новые схемы. Демин пробовал перекраивать по-своему. Гудованцев прикидывал что-то свое. Они доказывали друг другу, опять брались за рулетку...

— Схватились, «теоретики», — смеялся над ними Володя Лянгузов.

Нехотя подходил, заглядывал через плечо. И... тут же включался. Теребя густую шевелюру, иронически приглядывался Володя Шевченко. Их окликали, звали

заняться другим, сейчас более нужным делом. Они не слышали.

Оппман только довольно посмеивался: «Давайте, давайте, орлы!» Он считал: это хорошо, что ребята во все вникают, фантазируют.

Мотор еще на заводе был укреплен на специальных кронштейнах позади гондолы. Там же, на заводе, его и испытали. Но и здесь надо было проверить не один раз. Бедный мотор! К нему липли все: и будущие бортмеханики, и будущие инженеры. Как-никак он их динамическая сила, которая поведет их в воздухе! Уж отладить, чтобы заводился с пол-оборота и работал на совесть! Его смазывали, протирали, зачищали... В замызганных майках, насквозь пропитанные бензином и маслом мотористы колдовали вокруг него. Миша Никитин, который обычно двух минут не мог побыть на месте, тут становился невероятно усидчивым. Без конца развинчивал, завинчивал...

— Анастасьич, как там зажигание? — распрямлял спину Коняшин.

— В порядке, — довольно усмехался Никитин.

«Анастасьич» — это в шутку так звали его по имени матери — тети Насти, шустрой и неунывающей, как и он, ткачихи с ситценабивной фабрики. Рано потерявший отца, Миша был всегда трогательно нежен к ней.

— Запускаю. Костя, дай подсос. Крутани.

Шмельков брался за конец винта:

— Контакт.

Резкий рывок, второй... Лопатки под Костиной рубашкой ходили ходуном.

— От винта! — громко командовал Коняшин. И прокручивал ручку магнето.

Мотор простуженно кашлял.

С ближних деревьев шумно взлетали птицы. А мотор смолкал...

— Искры нет. Свечи надо зачистить, — спохваты-

валась аккуратная Женя Ховрина, — серьезно вам говорю.

— Да нет, свечи в порядке, — возражал Никитин.

— Тут в подаче горючего дело, жиклер продуть надо, — убедительно вставлял Шмельков и, открыв карбюратор, начинал копать.

— Не спорьте, мальчики.

Голос у Жени ровный, певучий. И настойчивый. Спорить с ней невозможно, да и бесполезно. Она уже вывернула две свечи и промывала в бензине.

Через минуту снова слышалось:

— Крутани! От винта!

И мотор вдруг начинал работать — мягко, ритмично. Все с затаенной радостью вслушивались в его оглушительно-нежное биение.

— Коля, прибавь оборотов.

Мотор ревел гуще, всю гондолу трясло, как в лихорадке. Мотористы с трепетом и надеждой вслушивались в его работу.

— А ведь, кажется, не болен. Здоров, голубчик!

Они вставали с солнцем (жили тут же, в палатках), по росе бежали вниз, по оврагу, всплесками разбудив сонную воду, бросались в Москву-реку. И в течение дня не раз еще бегали окунуться, набраться новых сил. Стихла работа, когда уже темнело.

Обед им привозили на лошади, всегда с опозданием, остывший, но они не замечали — аппетит у всех был отменный.

Еще издали слышался расхлябанный перестук тележных колес по кочкам и хриповатый окрик возчика — дяди Феди:

— Н-но, клятущая, н-но-о!

Тут же несколько голосов сразу провозглашали:

— Харч едет! Кончай работу!

Немного позже, когда хорошенько познакомились с соседями — вблизи расположилась воинская часть, —

те сжалились, пригласили питаться в их столовой. После того как кончали обедать солдаты, оттуда раздавался громкий клич:

— Совиахи-и-м! Обе-еда-а-ть!

Овраг сразу пустел, оставались лишь дневальные. Все остальные моментально строились по четыре в ряд.

— Шагом марш! — командовал Оппман. — Запевай!

И правофланговые, они же самые голосистые, оба светлорусые, brave, Костя Шмельков и Саша Иванов, расправив грудь, зычно запевали:

Оружьем на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей...

Все во много голосов ухали:

По улице пыль поднимая,
Проходил полк гусаров-усачей.

Правда, усы, да и то не гусарские, а небольшие, подстриженные, были лишь у Евгения Максимилиановича. У остальных они только пробивались. А сверкали на солнце у них вместо оружия заткнутые за пояс алюминиевые ложки. Вообще-то ложку солдату положено держать за голенищем сапога. Но дело в том, что голенищ, да и самих сапог в то время у них не было. «Пыль поднимала» босоногая команда, не по форме в то время снаряженная, но от этого не менее удалая.

Вечерами уютно шумел над костром закопченный «по уши» чайник. Совсем рядом, в густой листве выводил неповторимые коленца соловей. А где-то в конце оврага тревожно кричала иволга...

Сколько песен было пропето у вечерних костров!

Запевал обычно Костя Шмельков. Костя любил петь. Дома у них пели все: мать, отец, сестры (а их было восемь), он с братом Алешкой. Сидели они, бывало, отец и сыновья, на низеньких табуретках, сапожничили, тачали просмоленной дратвой женские башмачки на фран-

цузском каблуке рюмочкой, постукивали молотком, вгоняя деревянные гвоздики в подошву. И пели. Отец знал много песен — все больше старинных, раздольных, ямщицких... Научил сыновей — и петь ладно, и работать мастерски. Пригодилось не только в сапожном деле...

Мандолина, гитара, особенно балалайка — на ней почти каждый умел играть, — переходили у костра из рук в руки. А скрипач у них был один, Ваня Ободзинский. Когда брал он скрипку, все замолкали, пристраивались поудобнее.

Музыкант Ваня был отличный, недаром его из родного города Умань направляли учиться в Киевскую консерваторию. А он «прирос» к дирижаблям и отстать от них, видно, уже не сможет. И скрипку забыть тоже не может.

Он взмахивал смычком и начинал. Все инструменты шли за ним. Они играли старинные романсы, арии из опер и, конечно, песни. Потихоньку разливали по оловянным кружкам пахнущий дымком чай, пили, стараясь не хрустеть сахаром, обжигая губы, чтобы не причмокивать.

Неожиданно, хитро глянув на Мишу Никитина, Ваня переходил на что-нибудь безудержно-веселое. Миша сразу подскакивал, будто только этого и ждал. Выделывая ногами невероятные крендели, поворачивался то к одним, то к другим, вызывая.

Ай, дербень-дербень Калуга,
Дербень Ладога моя!

Бросая направо-налево насмешливый взгляд, оттопыривала бисерные дробушки Катя. Кругом все ходуном ходило, топало, кружило...

А Катя заведет всех и исчезнет,

Хватятся:

— Где же она?

— А Женя где?

П

— И Коняшина нет.

А трое в это время тихонько шли по краю оврага, раздвигая тянувшиеся к ним ветки, наугад обходили обступивший кустарник. Молчали. Слушали затаенный лесной шорох. И так беспокойно было у них на душе! «Он Катю любит, — думала Женя, и холодок бежал у нее по спине, — она девчонка вон какая огневая!» «Женю он любит, — с грустью думала Катя. — Разве я могу тягаться с ней? Вон она какая — видная, красивая...»

Забегая немного вперед, надо сказать, что Катя проявила однажды характер: приняла решение, от которого всю ночь проревела в подушку, но не изменила его — отпросилась у начальства и уехала в Ленинград. А через три дня получила от Жени письмо: «Коля любит тебя, приезжай, Катя, — писала Женя, — знала я это, а теперь и он сказал». Катя не поверила, не вернулась. И тогда прислал письмо Сережа Демин: «Приезжай скорее, беглянка, Николай без тебя совсем голову потерял, чуть под винт, не попал...»

И правда. Веселый, чуть бесшабашный Коля Коняшин, как только не стало рядом Катюши, в момент понял, что нет ему жизни без нее!

...Никто прежде не знал, что Володя Лянгузов любит стихи. А тут, как-то на заре, у догоравшего уже костра обычно молчаливый Володя, вдруг отбросив смущение, стал читать. Негромко, вроде для себя. А все заслушались. И стали просить еще.

Стихов Володя знал много. Еще мальчишкой читал их, звонко выбрасывая слова, во дворе собравшимся вокруг ребятишкам, своим сверстникам, черноглазым пацанятам в расшитых ярких тюбетейках. Жили они тогда в Казани. Отец работал курьером в Казанском университете. Много ему приходилось видеть ученых людей, профессоров, одолевающих науку студентов. И очень хотелось, чтобы и его дети стали образованными людьми. Он приносил домой книги. Володя часто из-за книг

и про игры забывал. Лермонтов навсегда стал любимым поэтом.

— Э-эй, полуночники, спать пора, — слышалось от палаток. — А то утром вас не добудишься!

Кто это — Вера? Люда? Уж кто бы говорил! Они сами-то неизвестно когда спят.

И все же парни покорно поднимались. Своих девчат они слушались беспрекословно. «Наши мадонны!» — говорили они, показывая на прищипленные на видном месте в их палатке фотографии своих удивительных девушек — первых в стране девушек-аэронавтов. «Мы на них утром и вечером молимся!»

Молитвы, видимо, не пропадали даром. Стоило только кому-нибудь подойти к девичьей палатке и сиротливо запеть:

Позабы-ыт, по-за-а-бро-шен...

как девушки тут же откликались:

— Пуговица оторвалась? Рубаху зашить? Давай сюда.

Парни шли к ним и со всеми сердечными невзгодами, изливали душу, когда казалось, что жизнь впереди сошлась одним лишь клином. Девушки были умные, отзывчивые, и — недаром они мадонны — всегда умели помочь.

...Большим событием для всех стал тот день, когда в овраге появились газгольдеры с водородом. Двадцать пять газгольдеров по сто кубометров газа в каждом вели с Угрешской через всю Москву ночью. Шагали без помех по середине мостовой. Поблескивал от света фонарей умытый дворниками булыжник.

Странный это был груз — его не поднимать, а все время тянуть вниз приходилось. Каждый газгольдер вело четыре человека — двоих он бы запросто потянул в воздух.

Прибыли в овраг на рассвете. И, не откладывая, принялись заполнять оболочку газом.

До сих пор пустая, неподвижная, она сразу ожила, зашевелилась, округлые волны побежали по ней. Она раздувала бока, расправляла морщины, наполнялась газом. Наконец выросла, поднялась над землей, огромная, сорокаметровая, почти до краев заполнив овраг, и закачалась, удерживаемая мешками с балластом и швартовыми канатами.

Она была очень «живописная», эта оболочка, словно лоскутное одеяло, вся сшитая из желтых, зеленых, бурых кусочков перкала. Никого это не смущало — ведь все эти кусочки были пригнаны, проклеены, прострочены их стараниями. Это было их создание! Запрокинув головы, они любовно осматривали оболочку, трогали туго натянутый перкаль.

Вот он, их будущий корабль, в нетерпении рвущийся ввысь! По пестрому полю оболочки крупными буквами было выведено название: «Комсомольская правда». Имя своей комсомольской газеты, чей голос первым ратовал за строительство дирижаблей, дали они первому кораблю будущей эскадры.

Без гондолы и мотора, с одним лишь рулевым оперением на корме, он больше походил на гигантскую рыбу. Это сразу определили кунцевские мальчишки, гурьбой собравшиеся на краю оврага и азартно переживавшие все происходящее.

— Вот это рыбина! — восторженно кричали они, толкаясь и перебегая с места на место.

— Рыба-кит!

— Дядя Сережа, а она не лопнет? А когда вы полетите?

Сережа Демин, сам весь в нетерпении, взмокший, с прилипшими ко лбу мягкими волосами, радостно кивал им:

— Теперь уже скоро!

Он был своим среди пацанов. Когда поднимался к ним из оврага, они облепливали его, как мухи. Он рас-

сказывал им о воздушных кораблях, о далеких плаваньях... С ребятами Сережа всегда сходилась моментально, ему понятен был их беспокойный, ершистый, полный еще не решенных вопросов мир. Всего год назад он сам носил красный галстук пионервожатого.

Вокруг поднявшейся над землей оболочки деловито сустились люди. К ней уже пододвигали ранее казавшиеся гигантскими, а теперь только-только достававшие до стабилизаторов стремянки. Впереди была сложная и кропотливая работа: подвешивание и крепление гондолы, усиление дюралевыми трубками мягкого носа оболочки, оснащение рулевого управления.

IV

Папанинцы молчат. Москва сообщила: «За дрейфующей станцией «СП» установлено круглосуточное наблюдение всех арктических советских станций. Радиоцентры Архангельска и острова Диксон, радиостанции о. Рудольфа, Баренцбурга, Новой Земли и Амдермы слушают на всех волнах, на которых обычно работает «УПОЛ» и «РАЕМ» *.

Последнее время, кроме метеосводок, Кренкель передавал много статей и научных материалов. «Условились, что будем больше писать в газеты, — говорил в одной из своих корреспонденций Папанин. — Следует учитывать возможные неприятности с нами, тогда хоть предварительные научные выводы дойдут до Большой советской земли и труд наш не пропадет даром».

Чернов не отходил от приемника. Прислонившись плечом к стенке гондолы — так меньше надоедала болтанка, — слушал. В эфире мешанина звуков. Чернов пово-

* «РАЕМ» — личные позывные Кренкеля с челюскинской эпопеи. «УПОЛ» — позывные Кренкеля после высадки экспедиции на Северном полюсе.

рачивал ручку. Широко, зазывно врывался вдруг ликующий голос Руслановой: «...Окрасился месяц багрянцем...» И тут же: «перекличка городов... передача труженикам села...»

В рубку заглядывали командиры, штурманы, молча ждали. Понимали: в Арктике все непросто, в том числе и связь. И все же...

Снимал наушники бортрадист лишь на несколько минут, когда нужно было уступить место другим. Потирая онемевшие уши, выходил. Его кресло занимал Давид Градус. Он настраивал приемник на синоптический центр и начинал записывать цифровой код, по привычке уже мысленно расшифровывая, представляя, где лягут на карте границы циклона.

Последняя метеосводка вселяла надежду. Закончив прием, Давид разложил на столе карты, сравнил показания — в момент вылета из порта,

три часа назад, два часа... Если ничто не изменится, циклон должен уйти в сторону, освободить им дорогу. Но надолго ли? Пока трудно сказать. С Атлантики движется новый циклон. Возможно, они все же успеют проскочить. Во всяком случае, сейчас к ним идет улучшение погоды. Делая свои расчеты, вычерчивая волнообразные, причудливые ходы циклона, Давид не замечал больше ни качки, ни свиста ветра. К утру все это должно прекратиться.

Удивительная у него профессия — заглядывать в завтра, в не известный еще никому день! Вот сейчас — на улице непогода, ребята хмурятся, а он может уже их порадовать. Ему это по душе.

Конечно, иногда своевольная стихия поворачивает вдруг по-своему, путая их прогнозы. Это обычно вызывает со стороны его друзей бурный поток нелестных острот в адрес его, «бога погоды». Но Давида это не обескураживает. Со временем синоптики, безусловно, научатся предугадывать и эти неожиданные повороты. Он еще ни разу не пожалел, что связал свою жизнь с такой ветреной, непостоянной партнершей — стихией.

А было время, когда он и не думал об этой профессии. Парнишкой работал в пекарне, запудренный мукой, в белой куртке и белом торчащем колпаке замешивал, разделывал пузырящееся тесто, стоя у жаркой печи, вкидывал в нее сложенные рядом на двухметровой лопате воздушные пшеничные колобки. И все было хорошо. А во время службы в армии его вдруг направили учиться в школу синоптиков. Он поехал с охотой, хотя о сути работы синоптика не знал еще ничего. Но что-то предстояло новое и, по всей вероятности, интересное.

Военком, пряча лукавинку, сказал на прощание:

— Желаю удачи, товарищ Градус! Кому, как не тебе, ставить погоде градусники?!

Едва вышел из радиорубки Градус, как ее «оккупировал» радиоинженер Арий Воробьев. У него тут своя

аппаратура — та самая, новейшая, которую установили на корабле перед отлетом, — и свои заботы.

Воробьев, как и Ритсланд, на В-6 впервые. Правда, летать на других кораблях ему уже приходилось, когда делал дипломную работу по радио- и электроприборам дирижаблей. Предложение участвовать в этом полете он принял как само собой разумеющееся. Только позвонил домой, сказал притерпевшейся уже к таким неожиданностям жене, что задерживается в «командировке» на несколько дней.

Один из радиополукомпасов, установленный здесь, в радиорубке, дает возможность определять местонахождение корабля в любую погоду, без солнца, луны и звезд, необходимых при определении секстантом — по радиопеленгу двух радиостанций.

Воробьев поворачивал вмонтированный в стенку гондолы небольшой штурвальчик, и укрепленная снаружи, под килем, рамочная антенна тоже поворачивалась, ловя радиоволны с двух направлений — от Петрозаводска и Архангельска. Взяв пеленг, он провел на карте две линии. Точка их пересечения показала местонахождение корабля. Дальше уже была забота штурманов — делать поправку к курсу.

Работал Воробьев неторопливо, внешне могло бы даже показаться медленно, на самом же деле просто очень внимательно и четко: взгляд на прибор, пометка карандашом, поворот штурвальчика, снова взгляд на прибор, и опять запись. Рассиживаться в его деле было нельзя, ведь корабль не стоит на месте.

— Все, — закончив расчеты, сказал он внимательно следившему за его манипуляциями Чернову. В дальнейшем, после Мурманска, Чернову самому надо будет проводить такие определения.

Пассажирский салон опустел. Совсем недавно слышались здесь шутки, усиленная работа крепких, еще не пломбированных зубов, обгрызавших куриные ножки, а

сейчас там тихо. Все свободные от вахты поднялись в киль. Некоторое время оттуда еще слышались голоса, потом все, устроившись в разложенных в гамаках меховых спальных мешках, примолкли. Перед новой вахтой можно было часа три поспать.

А Вася Чернов еще долго шарил по эфиру. Снова в наушниках возникали и уплывали обрывки фраз своей и чужой речи, всплески музыки... Все такое ненужное сейчас, загораживающее то единственное сообщение, которое он ждал. Чувствовал и напряженное ожидание находящегося рядом, в командирской рубке, Гудованцева.

Заныла спина, помимо воли стали опускаться отяжелевшие веки. Вася тряхнул головой, крепко потянулся, прогоняя усталость и сковывающий холод. И вдруг так и застыл с поднятыми плечами. Схватил карандаш, стал быстро записывать. Увидя внимательный взгляд подошедшего Гудованцева, радостно крикнул:

— Есть! Нашлись!

— Ну, ну, что там?

Гудованцев шагнул к нему.

Чернов записал что-то еще, потом сорвал наушники, выключил приемник.

— Товарищ командир, откликнулись! Из-за магнитных бурь была непроходимость радиоволн. Только что они передали четыре метеосводки, сразу за все сутки. Вот последняя:

«Станция «Северный полюс». 5 февраля 18 часов. Широта 74°03' сев., долгота — 16°30' зап. Сплошная облачность, сильный снегопад, северо-восточный ветер 7 баллов. Температура минус 13°, давление 998,9 миллибар».

— Командир! — Вася вдруг остановился. — Ветер семь баллов со снегопадом — это же сумасшедшая пурга.

— И спрятаться от нее негде, — задумчиво сказал, обернувшись к ним, Мячков. — «Живем в шелковой па-

латке на льдине пятьдесят на тридцать метров...» — вспомнились слова папанинской телеграммы. Это было три дня назад.

— А Федоров прислал жене телеграмму, — покачив головой, махнул листком Вася. — «Не беспокойся. Устроился хорошо».

Гудованцев вздохнул:

— Нам надо торопиться!

Взглянув на большие штурманские часы на руке, сказал Чернову:

— Пойди поспи, у тебя осталось совсем немного времени. Скоро надо будет выходить на связь с портом.

Он прошел в рубку управления, порадовал хорошей вестью стоявших у штурвалов Панькова и Демина.

...Да, над папанинской льдиной зло, остервенело металась пурга. Гнулась антенна, стальные растяжки звенели как струны. Непривычно близко плескалась вода. Льдины толкались, напирали, хрустко жевали ледовое крошево. На отколовшемся обломке уплыла лебедка.

А папанинцам в эту лихую непогоду пришлось оставить свою добрую, верой и правдой служившую им больше восьми месяцев жилую палатку. Трещина выбегала из-под нее с двух сторон, тонкая, еле заметная, местами засыпанная снегом. Хотелось надеяться: может, еще обойдется? Но внутри палатки была уже вода...

Откапывать ее, всю заледенелую, поверх крыши заваленную смерзшимся снегом, не было сил. Пришлось поставить запасные, шелковые. В одну перенесли хозяйство Кренкеля, в другую — Ширшова. Шелк мало защищал, но, по крайней мере, не так забивало все снегом. А сами ни в палатках, ни за нагруженными нартами не находили спасения от пронизывающего ветра. И чтобы как-то согреться, спускались в свою обжитую, старую. Трещина пока не разошлась, и они, не разде-

ваясь, дремали на койках, лежа как над пропастью, чутко прислушиваясь к каждому шороху, к каждому поскрипыванию льдины...

...Гудованцев вслед за Черновым поднялся в киль. Сейчас часа два на отдых было и у него.

В киле здорово сифонило. Ветер, врываясь в гайдропный люк, дыбил медвежьей шерстью на спальных мешках, сквозняком мчался к корме. Все здесь спали, утомленно раскинувшись в своих гамаках. Спал и Вася Чернов, подложив под щеку ладонь. Поразительно: только-только нырнул в спальный мешок...

С этим неугомонным упорным парнем Гудованцев уже много летал на В-8 и других кораблях. Был всегда в нем уверен, знал, что никогда Чернов не подведет, не поддастся усталости.

Вася, как и он, сибиряк, только с Алтая. Одними морозами они прокалены, одними метелями обвеяны... Большеглазый, с тонким девичьим лицом, длинный и худой — по молодости не набрал еще плотности, — Вася обладал какой-то спокойной, неброской смелостью. Ребята рассказывали: дома, в Барнауле, к нему никакая шпана не привязывалась, хотя любителей покуражиться, подраться на их 5-й Алтайской, неосвященной, немощной окраинной улице было немало. Вася драк не любил, без нужды в них не лез, но, если видел, что задирают слабого, вскипал мгновенно, и тут уж дрался отчаянно. А если учесть, что Черновых было пять братьев, и все один к одному, то, как правило, справедливость торжествовала.

Несмотря на валящую с ног усталость, Гудованцеву спать не хотелось, трудно было сразу отключиться от неотпускающих забот. Казалось, что-то осталось несделанным, что-то надо еще продумать... Холодный ветер мазнул по лицу, успокоил. Да нет, все сто раз провере-

но, ничто не упущено. Он стал неторопливо стаскивать унты.

До чего же хорошо вытянуться на мягкой шкуре, освободить напряженные мышцы! Николай закинул руки за голову и с минуту лежал неподвижно, блаженно отдаваясь бездействию. За перкалевой стенкой суматошно бился ветер, дробно клевал, царапал снег. Убаюкивающе поскрипывали, качаясь, гамаки. Мягко, с притаенным шуршанием скрипели в шарнирах шпангоуты и стрингеры. Редкие лампочки дремотно высвечивали в киле куски выступающих металлических конструкций, округлые бока бензобаков, нити различных трубок.

У кормы вспыхнул огонек фонарика. Погас. Снова вспыхнул, немного ближе. Николай Коняшин. Его длинная фигура маячила вдалеке. Он шел не спеша, чуть вразвалку, останавливался у баков с горючим, светил фонариком на бензомеры, проверял подачу горючего в моторы, равномерность расходования его из всех баков — правильное распределение груза на корабле должно строго соблюдаться.

В киль приглушенно доносился гул работающих моторов. Густой, надежный. Подтверждающий, что на корабле все хорошо. И на душе у Гудованцева наконец-то стало как-то успокоенно и легко.

Еще с босоногих беззаботных лет моторы притягивали его своей таинственной, покоряющей силой. Когда учился в Омском индустриальном техникуме, довелось ему столкнуться с неизвестно как попавшим туда старым авиационным мотором. Норовистый, он заводился не когда нужно, а когда хотел. Бывало, на них рубахи взмокнут, сто раз прокрутят ручку пускового магнето, сто раз проверят свечи зажигания: контакат — не контактат... А он только чихает на них, и все. Зло возьмет,

плюнут, отойдут. А потом: «Ну, давай в последний раз!» Крутанули, он и заработал.

Однажды, роясь на складе в куче старого железа, случайно нашел там винт к мотору. Сразу пришла мысль: «Что, если соорудить аэросани?» Тут же с приятелем взялись за дело. Приспособили старые розвальни, на которых возили с реки бочку с водой. Приладили к ним руль, укрепили мотор. Мощнейшее сооружение получилось.

В воскресенье уселись в эти сани и с оглушительным треском помчали за город. Там, у крутого берега реки, было полно лыжников — больно хорошо там с крутизны съезжать! Они с форсом подкатали, взметая винтом снежные вихри, развернулись и махнули вниз. Ветер так резанул, что слезы выступили, скорость невероятная! От непривычки внутри все сжалось. До чего ж хорошо!..

В миг докатили до низу, развернулись, дали газ и с ревом понеслись обратно, в гору. Все поспешно расступались, давая им дорогу, с завистью поглядывая на них. И вдруг мотор заглох. Удручающая тишина... Сколько ни возились с ним, сколько ни крутили винт, так и не завелся. И это на глазах у стольких людей! Поднимавшиеся в гору лыжники останавливались, давали обстоятельные советы, подшучивали. А у них огнем пылали уши. Ох, как ранено было тогда их мальчишеское самолюбие!

Впрочем, шутки принесли не только огорчения. Когда было объявлено, что стране нужно сто тысяч летчиков, Николая первого из учащегося техникума вызвали в райком комсомола, и секретарь райкома сказал ему: — Слышал я, Гудованцев, что ты уже летал по земле, тебе летать и по воздуху.

И выписал, словно знал его мечту, путевку в Московский авиационный институт.

...И вот приближался первый полет.

«Комсомольская правда» была уже собрана. Настоя-

щий воздушный корабль, с подвешенной на стропах гондолой, с мотором, у которого все еще возились мотористы, с отрегулированным рулевым управлением. Выполненная водородом оболочка, густо покрытая эмалитом (алюминиевой краской, предохраняющей резину, которой пропитан перкаль, от воздействия солнечных лучей), мягко и празднично серебрилась.

Кажется, все уже готово было, а Оппман все не давал «добро» на полет. Он без устали взбирался по стремянкам наверх, опять и опять проверял крепления, работу отдельных узлов, подсказывал, что еще надо сделать. Шла последняя доводка, кропотливая и поэтому самая трудная.

Гудованцев и Лянгузов работали молча, сосредоточенно, стоя на хребте покачивающейся оболочки, они слегка подкручивали, сдавали назад соединительные муфты тяг, по специальному прибору тензиометру проверяли силу натяжения, упорно добивались, чтобы все крепления стабилизаторов несли равную нагрузку.

Сбоку, стоя на стремянке, которая ходила ходуном, весь изогнувшись, орудовал ключом Почекин.

Паньков, методично поджимая стропы, нет-нет да и бросал на Оппмана вопрошающий взгляд: ну когда же?!

— Не горюй, ребята, скоро всему конец, — слышался из-под брюха оболочки, где шли последняя регулировка и крепление гондолы, неунывающий голос Демина.

На земле было шумно, говорливо. Все были полны нетерпения. Погода, как на заказ, ясная, безветренная, только лететь! А надо было еще — в какой раз! — проверить точность распределения веса всего оснащения на оболочке.

Корабль освободили от балласта, и стартовая команда, притянув его за поясные к земле, разом вскинула руки, дав ему свободу — всего на секунду-другую. Корабль легко пошел вверх, и все, напряженно следя за ним, увидели, что ни нос, ни корма у него уже не зади-

раются. Корабль поднимался в строго горизонтальном положении. Этого они и добивались.

Последние доделки заканчивали, работая почти без сна и «перекуров». Впрочем, как только в овраге появился водород, курение, костры, всякий другой огонь были отсюда изгнаны. Кому невтерпёж затянуться папиросой, беги к Москве-реке. За нарушение у Оппмана наказание было одно: снятие с полетов, которые вот-вот должны были начаться. Страшнее этого для них ничего не было.

Наконец наступил день — его запомнили все: 29 августа 1930 года, — когда Оппман, любовно оглядев корабль, сказал:

— Все, ребята, баста! Оттаскивай стремянки.

И тут же добавил:

— Да не ломайте, пригодятся.

Стремянки оттащили на почтительное расстояние. Быстро подобрали на земле все теперь уже ненужное: куски тросов, перкаля, доски...

Счастливы, которым выпал жребий лететь первыми, едва касаясь трапа, взбежали в гондолу. Под пятью парами ног она зыбко закачалась.

Корабль еще был на швартовых, а у них уже ощущение, что они в полете. Даже странно — вчера, когда они тут допоздна работали, отлаживали приборы, статически уравнивали корабль, гондолу так же покачивало, а этого необычного, волнующего ощущения полета почему-то не было.

Все встали, где кому положено: у штурвалов, у приборов, у мотора. Стартовая команда — их друзья, которые полетят чуть позже, — вывела его из оврага на просторную поляну. Для первого полета надо бы оркестр! Впрочем, зачем? Внутри у каждого и так все пело.

Коняшин запустил мотор на малых оборотах.

— Отдать корабль в воздух!

Впервые прозвучала для них эта сразу ставшая при-

вычной команда. В голосе Оппмана откуда-то взялись и металл и сила.

Скользнули в кольцах поясные, и корабль, чуть вздрогнув, неслышно пошел вверх легко и невесомо. Казалось, что они все тоже были невесомы. Поляна, кричавшие «ура» друзья, высокие деревья уходили вниз, быстро уменьшались.

Подвешенная на длинных стропах гондола — небольшая металлическая коробка — вольно покачивалась. Держась за борта, которые доходили всего до пояса, за стропы, они во все глаза смотрели на раскрывшуюся перед ними ширь. И от этого неохватного глазом простора, от разноцветия красок полей, лесов, куртин дух захватывало.

Коняшин прибавил газ. Мотор усилил голос. Внизу, молчаливо раскачивая зеленые волны, проплывал лес, сменяли друг друга желтеющие квадраты полей, уходил в сторону голубой изгиб Москвы-реки. По тонким полоскам рельсов, попыхивая дымком, тянул красные коробочки вагонов крошечный паровозик. Вдали беспорядочно громоздились, прячась друг за друга, сборища серых крыш. Корабль шел плавно, без толчков. Лишь иногда, повинуюсь каким-то невидимым потокам, поднимался выше, опускался...

Володя Лянгузов крепко, словно боясь, что он вырвется, держал штурвал глубины и, слегка перекладывая его, сдерживал корабль.

Гудованцев, стоя за штурвалом направления, не отводил глаз от далекой полосы чуть затуманенного горизонта. Грудь распирало так, что казалось, сердце выскочит. Хотелось увести корабль далеко, за тот синеющий лес, за притаившиеся между холмов деревушки, за плывущие навстречу все новые дали...

Рядом, удивленно моргая, сосредоточенно жевал краюху хлеба, которую не заметил, как достал из кармана, Ваня Ободзинский.

— Следи за приборами, — легонько подтолкнул его Оппман, — забыл, что мы здесь не пассажиры?

Он постарался придать голосу строгость, но в усах пряталась сдерживаемая улыбка. Все отлично понимал.

Ваня мигом кинул взгляд на стрелки альтиметра (высотометра) и манометров.

— Володя, идем выше заданного, — немного сконфуженно сказал он Лягузову. — Дай отрицательный дифферент*.

Оппман, удовлетворенно поглядев на них, уселся бочком на борт гондолы, лишь одной рукой держась за стропу. Его спокойствие, непринужденная поза, небрежно сдвинутый на сторону шлем сразу сняли у всех напряжение. Первая растерянность, удивление стали проходить, уступая место одной только радости. Они плывут по воздуху на своем корабле.

Очень не хотелось возвращаться. Но ведь там, у оврага, другие с таким нетерпением ждут своей очереди. И Оппман уже дал команду. Скрепя сердце Гудованцев переложил штурвал.

Скоро показалась их поляна. Оппман помахал красным флажком, запрашивая посадку. Им охотно, горя нетерпением, выложили посадочное Т.

Первый полет продолжался всего двадцать минут. Но нестираемо остался в памяти на всю жизнь.

...Потом летали почти каждый день. Чаще под вечер. На улицах Москвы после окончания рабочего дня было полно народу. Проплывали над Парком культуры имени М. Горького. На высоте каких-нибудь двадцати метров зависали над Москвой-рекой. К вечеру ветер обычно стихает, а над водой вообще воздушные потоки минимальны, и корабль застывал в воздухе, поражая своей неподвижностью.

Толпы гуляющих, облепив берег, восторженно апло-

* Отрицательный дифферент — положение дирижабля с уклоном на нос.

дировали дирижаблю, радуясь вместе с ними, что уже начали нарождаться советские воздушные корабли.

Из гондолы через громкоговоритель запускали танцевальную музыку, и, захваченная ею, кружила на берегу, перемешивалась пестрая людская сумятица.

Случалось им и в роли безбилетников пролетать над переполненным зрителями стадионом «Динамо», когда там шел футбольный матч, невольно внося замешательство не только в ряды болельщиков, но и игроков, прекращавших игру и азартно махавших им руками.

Когда дирижабельное дело из добровольного общества Осоавиахим перешло в государственные руки и был создан Дирижабльстрой, они, летая вокруг Москвы, стали подыскивать удобную площадку для строительства дирижабельного комбината. Облюбовали свободное от строений место возле станции Долгопрудная Савеловской железной дороги — земля эта в прошлом, при Николае I, принадлежала шефу жандармов графу Бенкендорфу. От того времени тут остались лишь церквушка на возвышении да часовня — семейный склеп. Потом тут располагались опытные поля сельскохозяйственной академии. Вбивая колышки первых палаток прямо на клубничном поле — сколько еще здесь было клубники! — они не думали, что закладывают будущий город Долгопрудный.

Строить начали сразу все: дирижабельную верфь, порт, эллинги, газовый завод, жилые дома. Кругом громоздились навалы труб, балок, горы кирпича и цемента, штабеля бревен, досок. Корчевали деревья, рыли котлованы. Без устали махали ковшами экскаваторы, увязая в грязи на разбитых дорогах, рычали грузовики.

А в это время Осоавиахим продолжал строить новые дирижабли: В-2 («Смольный»), В-3 («Ударник»). Собирали эти корабли уже не в Кунцевском овраге, а под Ленинградом, в поселке Салези, где находился построенный еще до империалистической войны элинг.

Потом перегоняли в Москву. Оболочки этих кораблей вмещали уже по пять-шесть тысяч кубометров газа, на них стояло по два мотора. И все же корабли эти, еще не очень большой мощности, могли служить только в учебно-тренировочных целях, для подготовки летного состава. Летая на них, дирижаблисты овладевали искусством пилотирования, осваивали воздушные трассы, конечно, в то же время не прерывая занятий в институте.

Когда строительство дирижабельной верфи в Долгопрудном было закончено, на ней были заложены первые более крупные корабли полужесткой конструкции: В-6, В-7, В-8. Если у кораблей мягкой конструкции, таких, как «Комсомольская правда», гондола крепилась прямо к оболочке, то у полужестких оболочка и гондола крепились к идущему вдоль всего корабля металлическому килю. Три мотора самого большого из них — В-6 — могли придать кораблю скорость более ста километров в час. Эти корабли, сравнительно недорого стоящие, обладающие намного большей по сравнению с мягкими дирижаблями грузоподъемностью и надежные в эксплуатации, могли покрывать без посадки огромные расстояния. Они сразу же оправдали все ожидания.

В эллингах готовили к пуску новые корабли. Все верили, что скоро уже не единицы, а десятки дирижаблей уйдут в далекие рейсы по всей стране — над таежными просторами Сибири, над почти еще не освоенными просторами Крайнего Севера, где на тысячи километров нет ни железных, ни шоссейных дорог, станут завозить в самые недоступные «медвежьи» углы строителей и грузы для новостроек.

И это только начало. Идут поиски новых, более совершенных конструкций. Испытываются новые материалы. Каждый следующий построенный корабль будет лучше, надежнее, послушнее в полете. Возможности улучшения качества кораблей велики.

Неуклонно веривший в большое будущее советских

дирижаблей основоположник дирижаблестроения Константин Эдуардович Циолковский еще в 1892 году предложил систему цельнометаллического безбаллонетного дирижабля с изменяемым при помощи специальных тяг объемом. Этот корабль сможет поднимать в воздух 1300 тонн груза!

В Дирижабльстрое было создано специальное конструкторское бюро, консультантом которого стал Циолковский. Был построен цех, в котором изготовлялись летающие модели цельнометаллического дирижабля и где велась подготовительная работа по строительству дирижабля «Правда» конструкции К. Э. Циолковского.

К сожалению, тяжело больной ученый не мог бывать в Долгопрудном. Дирижаблестроители сами ездили к нему в Калугу за консультациями, держали с ним тесную связь. Трудно давалась подготовительная работа, ведь корабль Циолковского — это корабль будущего. Мысль ученого опережала возможности времени. Для постройки таких мощных кораблей пока еще не было нужных материалов, мало было опыта да и средств.

«К моим дирижаблям можно подойти путем долгой и трудной выучки, — говорил о своей конструкции дирижабля Константин Эдуардович, — зато и результаты будут отличные».

Впоследствии постановлением ВЦИКа и Совета Народных Комиссаров СССР дирижабельному учебному комбинату было присвоено имя Константина Эдуардовича Циолковского.

V

После трудной ночи и изнурительной болтанки к утру, к позднему северному рассвету, погода дала передышку. Ветер умерил свой норов, должно быть, и ему пришла пора уgomониться. До новой его «вахты».

Корабль уже не бросало в воздушные ямы, когда ноги переставали чувствовать пол, не подкидывало на воздушных кручах, экипажу не надо было постоянно за что-то хвататься, удерживая равновесие. Корабль скользил мягко, как в масле, без тряски и дрожи. Если бы не доносившийся снаружи приглушенный бас моторов, можно было подумать, что они стоят на месте, окутанные липучей патокой густого серого тумана.

Но они рвались вперед. Клубясь и скручиваясь в замысловатые спирали, туман неохотно уступал им дорогу. Сережа Демин, стоя у штурвала направления, бесплодно всматривался, щуря глаза, — даже трос-визирь протянутый от носа оболочки к гондоле, был виден только вблизи окна. Как и ночью, шли по радиомаяку.

Ждали: вот-вот восходящее солнце пробьет толщу облаков и разгонит туман. Парни достали термосы, подсади к приятно-устойчивому столу, а кто-то и прямо на ящиках примостился, и вот уже потянуло по всей гондоле вкусным ароматом горячего кофе. Пили не спеша, продлевая удовольствие и похваливая Градуса, еще с вечера пообещавшего им добрую погоду. Их рыжий «ветродуй» никогда не обманывает! Додик отличный парень и, бесспорно, лучший синоптик Советского Союза!

Пристроившись на мягком тюке, с удовольствием вытянув поперек гондолы длинные ноги — ничего, никто на них не в обиде! — бортмеханики Костя Шмельков и Николай Кондрашев блаженствовали перед вахтой. Термос стоял у них прямо на полу, и его даже придерживать не надо было.

Надевая на ходу шлем, кивнув всем: «Живем!» — прошел в радиорубку Вася Чернов. Через минуту стал подавать невнятную трескотню, писк.

— Не забыть мне мой первый детекторный приемничек, что сам смастерил, — подливая в кружки кофе, сказал вдруг Кондрашев. — Помнишь, Костя, какие они бы-

ли? Тычешь, тычешь тоненьким волоском по кристаллику... И вдруг в наушниках: «...Говорит Москва!..» Аж мороз по коже! Ты вон где, Москва вон где, а слышишь! В деревне про радио тогда никто понятия не имел, приходили все к нам послушать. Дивились. К приемнику относились уважительно, даже побаивались... Когда мужики проходили мимо нашего дома, еще издали сдерживали матерок: Кондрашевы Москву слышат, а уж нас-то подавно.

— А я раньше от техники очень далек был, — как бы повинился перед другом Шмельков. — Рисовать любил, даже в Строгановку поступил. И сейчас иной раз за краски взяться хочется, особенно когда глянешь с высоты...

Оба невольно повернули головы к иллюминатору. Снаружи по-прежнему неповоротливо шевелился туман.

Штормовая ночь про-

шла для корабля благополучно. Материальная часть в полном порядке, никаких нарушений. Скорость хорошая — сто километров в час.

Об этом, словно выпуская крылатого почтаря с доброй весточкой, Вася Чернов отстучал в Дирижабельный порт. Уловив в радостной ответной морзянке почерк своей Ани и представив ее чуткую, легкую ладонь на ключе, быстро перевел связь на микрофон.

— Это здорово, что ты на дежурстве! Как Галочка? — закричал он громко, потому что слышимость по микрофону сразу стала хуже.

Она тоже закричала перехваченным от волнения голосом, и он услышал издалека, приглушенно:

— Мы с Галочкой целуем тебя... Счастливого вам плавания!

Перед самым Петрозаводском туман стал редеть. В рваных прорехах чернобыльником на белом снегу мелькали кусочки леса и тут же снова укрывались пеленой. Потом в разрывах тумана появились крыши домов

— Под нами Петрозаводск, — громко объявил Мячков.

Сквозь туманную дымку город разглядеть было трудно. Появлялись и исчезали неясные очертания домов, трубы заводов, выныривали и снова растворялись снующие по улицам машины, неторопливые пешеходы.

Гудованцев дал приказ идти над городом по кругу. Сейчас, когда координаты города, над которым они находятся, а значит, и их координаты, точно известны, надо было устранить девиацию и уточнить курс дальнейшего следования.

Девиация. Сказалось ли на стрелке компаса влияние дополнительно взятого металлического груза или встретившихся на пути залежей в недрах земли железных руд — магнитных аномалий — только она была чуть отклонена от своего постоянного северного направления.

Мячков кончиком остро отточенного карандаша несколько раз чуть подвинул крошечный магнитик внутри компаса, пока стрелка, покачавшись, не замерла, показывая точно на север. Теперь можно было быть спокойным. Ведь малейшее отклонение от курса привело бы в конце пути корабль к отклонению на десятки километров.

Георгий удовлетворенно захлопнул крышку, конечно, не компаса, а компаса, как он по-морскому называет его. Друзья подшучивали над этой его приверженностью, а он в ответ лишь иронически усмехался. Прослужив пять лет в Севастополе, в гидроавиации, он и сейчас продолжал считать себя моряком. Возможно, он прав: воздухоплавание — сродни мореплаванию.

Стоящий на штурвале глубины четвертый помощник Виктор Почекин крутанул ручку телеграфа, давая приказ бортмеханикам снизить обороты. Ответный перезвон телеграфа подтвердил: приказ принят. Гул моторов сразу умерился. Корабль, словно получив свободу, стал легко покачиваться, отдыхая от напряженного хода.

Надо было заново проверить статическую уравновешенность корабля в воздухе. За время полета часть горючего израсходовалась, корабль облегчился, и в то же время моторы, гондола, все металлические части обледенели, насколько-то утяжелив этим корабль. Статическая уравновешенность могла быть нарушена.

Почекин взглянул на стрелку альтиметра. Динамическая сила корабля сейчас почти на нуле, и стрелка сразу покажет тенденцию корабля — куда его потянет: вверх? вниз?

Стрелка, вздрагивая, колебалась возле нейтральной линии. Но для уверенности надо было проверить еще и на скорость подъема и спуска корабля — если корабль статически уравновешен, они должны быть одинаковы.

Штурвал заходил в руках Виктора. Корабль, приподняв нос, плавно шел вверх, потом так же плавно опускался. Виктор следил за показаниями вариометра. Ра-

ботал сосредоточенно, не замечая доносившихся из пассажирского салона голосов, взрывов смеха. Порывы ветра играючи подбрасывали корабль и уносились дальше, путая все показания, и Почекин начинал выверять снова.

Резкая поперечная морщинка разрезала лоб, что-то неотступно упрямое проглядывало в четко очерченном лице. Характер у Почекина был беспокойный. Возникавшие в жизни препятствия вызывали обычно одно лишь желание: преодолеть во что бы то ни стало. Всегда, еще с мальчишества так было. Из-за этого нелегкие сложились отношения с отцом — инженером-путейцем, директором шпалопропиточного завода в городе Навле под Брянском, где они жили.

Первое столкновение произошло, когда они, комсомольцы, члены группы «легкой кавалерии», явились на завод для проверки работы. Взялись за дело рьяно, со всем комсомольским запалом и без особых сомнений. Отец, сощуриив такие же, как у Виктора, цыганские глаза, холодно и сухо докладывал им о заводских делах.

А дома взорвался:

— Молокосос, сам еще ничему не научился, а учишь отца!

А Виктор был твердо убежден, что именно они, молодые, знают все самое важное в жизни, чего старшим никак не понять.

Второе столкновение, еще покрепче, произошло, когда Виктор, едва достигнув восемнадцати лет, вдруг, не спросив у отца ни совета, ни согласия, женился и уже после сказал об этом.

— На ногах еще не стоишь! — вскипел отец. — Специальности никакой не имеешь. На что жить будете?

Виктор молча покидал в чемодан свои вещи, и в тот же день они с Марусей уехали в Москву пытаться счастье. Ушел из дому, ни на секунду не задумавшись.

Трудностей пришлось хлебнуть по горло. Хотелось учиться дальше. В школе учеба давалась легко. В каби-

нете отца было полно книг, Виктор читал их. Возможно, это помогло, девятилетку в Брянске, куда ездить приходилось каждый день полтора часа на паровичке, окончил с отличием. В Москве устроился работать ночным сторожем, чтобы днем учиться. Когда спал, одному богу известно. Жили с Марусей в разных общежитиях. Денег не хватало, но буквально на последние гроши, забыв про усталость, вечерами радостные бежали в театр, на галерку.

В этом они и сейчас не изменились, такими же театрами остались. К его приезду Маруся наверняка обещит все театральные кассы, раздобудет билеты.

...За два круга над городом закончили статическое уравнивание, Мячков уточнил курс. Передали Петрозаводской радиостанции благодарность за отличную работу. И легли курсом на Мурманск.

К полудню облака, вдруг разорвавшись, поспешно разбрелись по сторонам, открыв чистейшую синь неба. Тумана словно и не было, растаял, не заметили как. Широко, во всю свою доброту, распахнулся горизонт — необозримый, видимость тридцать километров, куда же еще?! Для штурвальных благодать! Предсказание Давида Градуса полностью оправдалось.

Внизу неторопливо проплывали бесконечные карельские леса, неисхоженные, необжитые. Ни дорог, ни поселков, лишь топорщились острой щетиной деревья, и низкое солнце отбрасывало от них длинные синие тени на заснеженные поляны, на густо разбросанные повсюду гладкие блюдца озер. Поражал снег. Он сиял такой ослепительной первозданной белизной, что глазам больно становилось. В гондоле стало по-праздничному светло. Словно играя в догонялки, по стенам бежали солнечные зайчики, перескакивали на потолок, снова на стену, на лица людей...

Пассажирский салон опять полон. Кому охота идти после вахты в киль, залезать в спальный мешок, когда

здесь такая благодать! Ребята расстегнули куртки, шлемы... Посыпались шутки, острые словечки. Курильщики, лишенные папирос, с хрустом грызли леденцы, смачно посасывали. Щурясь от солнца, посматривали на четкую, казавшуюся очень близкой землю.

Вернувшийся с вахты в моторной гондоле Митя Матюнин совсем прильнул к иллюминатору. Вспомнилось родное липецкое приволье, где не только леса, а и поля просторные, сочные... Мальчишкой ему довелось их исходить вдосталь — пас скотину по найму. Шести лет остался сиротой — отец погиб в империалистическую. Потом довелось быть и землекопом и грузчиком... В Долгопрудный бортмехаником на дирижабль попал, когда уже закончил повышенные курсы механиков и индустриальный техникум. А до этого служил в военной авиации под Ленинградом. Там и полюбилась специальность моториста.

— Смотрю: хороши леса! — показал он в иллюминатор Новикову. — А наши — липецкие, воронежские — куда лучше, верно, Костя? Они же у нас густые какие! Орешника, калины сколько! А грибов летом...

Новиков даже развел руками:

— Еще бы!

— Сравнили кукушку с ястребом! — раскатисто рассмеялся Демин. — Да в ваших липецких лесах зайца порядочного не подстрелишь. А тут, я вам скажу, медведи... Под каждой елкой по мишке. Эх, прилететь бы сюда в другой раз да поднять косматого из берлоги...

— Ага, прямо из гондолы рогатиной, — подхватил Новиков.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Из гондолы же сподручнее. И безопаснее. — Он лихо подмигнул. — Подцепил рогатиной и полетел.

В радиорубке умолкла морзянка. Вася Чернов прочитал последние сообщения:

— «В Кронштадте «Ермак» заканчивает ремонт. Две тысячи моряков спешно грузят уголь».

— Вот это аврал! — даже присвистнул стоявший у иллюминатора бортмеханик Бурмакин.

— Понятно, спешат, — сказал, подходя ближе, Новиков. — Счет времени сейчас идет на часы.

— «Таймыр» прошел половину пути до Гренландии... — продолжал читать Вася. — У них там двенадцатибалльный шторм, им достается! Корабль здорово обледеневаает. Крен достигает пятидесяти семи градусов. Матросы привязываются веревками, чтобы не смыло волной, и обкалывают лед. Из Мурманска сегодня выходит ледокольный пароход «Мурман» с двумя самолетами на борту — летчиков Черевичного и Карабанова.

— А на «Таймыре» звено самолетов летчика Власова, — добавил Градус. И вдруг взорвался: — Только что там делать летчикам? Вот же, смотрите. — Он выхватил из-под пачки карт газету: — В папанинской телеграмме ясно сказано: «В пределах видимости посадка самолета невозможна». Это же Гренландское море! Подумайте только: там с Гренландских ледников адский холод жмет, а рядом теплое течение Гольфстрим. Представьте, какое там непрерывное столпотворение, как льды кожат?

— «Таймыр», «Мурман», «Ермак», сторожевой мотобот «Мурманец»... — перечислял Гудованцев. — Самолеты, гидросамолеты... Одновременно с нами вышли три подводные лодки Северного флота. Кто-то же должен пробиться! Главное — скорее. А кто это сделает?... — Он немного помолчал. — Мы должны, — решительно сказал. — Мы прилетим раньше. Установилась бы у них погода денька на два, нам больше не надо.

...Временное, недолгое затишье было сейчас и на далекой от них папанинской льдине. Пользуясь им, четверо

безмерно уставших людей спешно перетаскивали, укладывали на нарты все, что уцелело в этой бешеной ледяной ломке, — меховую одежду, коробки с патронами, считанные бидоны с продовольствием. Крепко увязывали ящики с научной аппаратурой, с бесценными образцами планктона, грунта.

Розовая нежная заря от еще не выходящего из-за горизонта полярного солнца освещала настороженный лагерь, взломанные океанские льды.

Взобравшись на торос, Петр Ширшов неожиданно увидел среди движущихся льдов чернеющую вдали их базу. Там уплывали основные запасы продовольствия, горючего. А сколько им еще придется блуждать на своем ледяном обломке? Скоро ли сможет прийти к ним помощь? Еще только начало февраля. Впереди лютые гренландские морозы, штормы!

Соскользнув с тороса, Ширшов побежал к базе. С ним побежал и Евгений Федоров.

Они отталкивались от обломанного, скользкого края, перепрыгивали на новую льдину, карабкались на обломки торосов, бежали дальше, высматривая место поудобнее, выжидая подходящий момент, когда льдины сближались. Перепрыгнув, снова бежали, забыв про опасность, не думая, что их может унести от лагеря. Они видели только базу.

Как хорошо, что возле нее они всегда держали нарты! Погрузили бидоны с продовольствием, теплую одежду, мешок с керосином — это же горячая еда, это тепло, это жизнь! — и скорее в обратный путь. Льды ведь не шутят! Груз тяжелый, но все равно бегом! Нарта помогает. С разгона перекидывали ее через трещину, и какой-то момент она служила мостом.

А горизонт уже сгладил туман. Он наползает на лагерь. Только бы не сгустился, не скрыл лагерь совсем. До чего же он сейчас мал. Две палатки, ветряк, антенна да сбитые в кучу нарты...

...Все полностью были согласны с командиром — они должны прийти первыми! Но почему-то вспомнилась вдруг, всплыла притаившаяся давнишняя горечь. Ведь один раз они уже так же рвались на помощь попавшим в беду людям, и опоздали...

В 1934 году в Чукотском море был раздавлен льдинами пароход «Челюскин», везший на полярные станции смены зимовщиков. Сто четыре человека, среди них несколько женщин и детей, оказались на дрейфующей льдине. Вся страна тогда горячо переживала за них, были приняты все меры по оказанию им помощи. К берегам Чукотки направились ледоколы, самолеты. Рванулись на помощь и они, дирижаблисты. Разобрали дирижабли В-2 и В-4 (в таком виде они много места не занимают), погрузили в специальный вагон и поездом отправились на Дальний Восток.

От Владивостока до Петропавловска-Камчатского доплыли на пароходе «Совет». В Петропавловске перегрузились на ледокольный пароход «Смоленск». На нем должны были идти к мысу Уэллен и там, собрав дирижабли, лететь к лагерю челюскинцев. Но дойти до мыса Уэллен им не довелось. Их ли в том вина? В Беринговом проливе вблизи необитаемого скального острова Матвея им преградили путь тяжелые льды. Вначале пароход кое-как продвигался, расталкивая льды боками. Но вскоре льды сплотились, и преодолеть их было уже невозможно. «Смоленск» пятился, с разгона ударял форштевнем по льдинам, крошил, подминал... и продвигался всего на несколько метров. А вскоре и совсем встал. Царственно-голубые, невероятно красивые льды были неумолимы. Жечь попусту уголь было ни к чему. Капитан дал команду гасить котлы. Надежда была только на ветер, может быть, он разгонит льды. Но шли дни, недели... Ничто не менялось. Только еще сильнее сжимали льды. Под их напором затрещали шпангоуты, обшивка корабля, появилась течь. Команда стала спешно ставить распорки, за-

платы. Какая обида! Они спешили, чтобы вырвать людей из ледяного плена, а сами оказались в плену у льдов.

Челюскинцев тогда сняли со льдины летчики Ляпидевский, Слепнев, Молоков, Каманин, Доронин, Водопьянов, Леваневский — первые Герои Советского Союза. Они летали много раз, забирая со льдины по два, по три, по четыре человека. Молоков со штурманом Ритсландом умудрились вывозить сразу по шесть, они сажали людей даже под крыльями самолета, в ящики для парашютов. Последним был снят со льдины их старый друг, бывший бортрадист дирижабля В-3, теперь уже прославленный полярный радист Эрнст Кренкель. Тогда его и биолога Петра Ширшова, который тоже был в той, челюскинской экспедиции, сняли другие. Теперь снимут они. Обязательно.

...Зимнее солнце, вроде и не горячее, пригрело оболочку, а значит, и находящийся в ней газ. Корабль стал быстро подниматься. Стрелки манометров резко пошли вверх. Сменивший Почекина на штурвале глубины Лянгузов, не глядя, протянул руку к висевшему на тросике костыльку. Рванул его. Потом второй, третий, открывая клапаны баллонета*. Воздух в баллонете, который регулировал давление газа в оболочке, стал выходить, давая водороду возможность расширяться. Стрелки манометров заняли нормальное положение.

Лянгузов взглянул на стоящего у штурвала направления Тараса Кулагина. Тот, перехватывая ручки штурвала, менял курс.

Прямо на них, быстро приближаясь, шло продолговатое, с кучевыми нагромождениями, похожее на плывущий айсберг облако. Оно рдело розоватым цветом, местами холодно синели в нем напоминавшие гроты прова-

* Баллонет — мешок для воздуха (на В-6 емкостью 7500 кубометров), находящийся в оболочке корабля под газовыми отсеками.

лы. Облако им не помеха, корабль, когда войдет в него, даже не ощутит этого, и все же лучше его обойти. Закроет оно своей ватой солнце, нагретая оболочка охладится, и корабль станет резко терять высоту.

Чуткость, большое мастерство, умение вовремя предвидеть опасность и быстро принять решение необходимы командирам, пилотам-штурвальным, чтобы держать в повиновении корабль, необычайно остро реагирующий на перепады температур, атмосферного давления, восходящие и нисходящие воздушные потоки, изменение ветра. Даже в самую тихую солнечную погоду он требует неусыпного внимания.

...Всегда заразительно-компанейский Сережа Демин — без него и разговор не в разговор — что-то притих. Чертит в блокноте, высчитывает... Какая-то идея опять одолела, мучает его, «несчастливого».

— Бойтесь трех Сереж, — с ужасом говорил строгий и непреклонный бухгалтер Дирижабельного порта, — Сережу Демина, Сережу Попова и Сережу Егорова (Попов и Егоров тоже инженеры их порта, эксплуатационники). Их изобретения нас по миру пустят!

Бедный их старенький бухгалтер! Не в силах понять всю ценность и необходимость этих, как казалось ему, излишних «выдумок», он каждый раз с болью в сердце отрывал средства для их реализации.

А три Сережи просто не могли не изобретать. Они были неистощимы. К тому же молодое еще дирижабельное дело остро требовало новых и новых усовершенствований.

Идеями, как подсмеиваются над Сережей Деминым друзья, у него «полны» все одиннадцать карманов летного костюма. Сейчас кто-кто, а уж Кулагин и Градус не упустили бы случая вернуть, что ему надо срочно пришивать двенадцатый. Но Кулагин, отрешенно глядя вперед, стоит сейчас у штурвала, а Градус уткнулся в свои карты, мрачно сосредоточенный. Погода лучше не надо,

а он чем-то недоволен... Чего мрачнеть, когда все так великолепно?..

Что деминские карманы полны идей, это, конечно, шутка — не таков Сережа, чтобы прятать их по карманам, он щедро раздает их: бери и пускай в дело!

Этому улыбчивому, необыкновенно располагающему к себе парню отказать в чем-либо при осуществлении его замыслов никто не мог — слесари, механики все делают для него с радостью. Коля Голиков — есть у них такой отчаянный пилот-штурвальный — первым испытывает на себе все эти вначале рискованные конструкции.

Уже применяется деминский якорь для посадки дирижабля на воду. Вместе с Гудованцевым и Шевченко на дирижабле В-8 они не раз испытали его на Плещеевом озере. Зачерпнув якорями воду, корабль мягко сядил без швартовой команды на гладь озера и потом так же мягко поднимался.

Испытывается автопричал, который позволит так же без швартовой команды погасить скорость корабля в первый момент причала, приняв сброшенный с корабля гайдроп* в стальную развилку.

Его лебедка для поднятия с земли горючего и людей без посадки корабля (вот где крепко досталось при испытаниях Коле Голикову!) летит сейчас с ними и очень пригодится, когда они будут снимать папанинцев.

До сих пор не дает ему ни сна ни отдыха разработка механического вывода дирижабля из эллинга. При выводе вручную даже усиленной стартовой команде, если дует боковой ветер, бывает трудно предохранить корабль от ударов и поломок. Предложенные Деминым движущиеся по рельсам вагонетки должны устранить

* Г а й д р о п — пеньковый канат 80—150 метров длиной. Во время посадки его сбрасывают с корабля, и швартовая команда, ухватившись за него, подтягивает корабль к земле.

эти трудности. Самым сложным оказалось рассчитать жесткое крепление корабля к вагонеткам. И Сережа даже сейчас, в полете, не упускает свободной минуты — делает новые и новые расчеты.

— Родиться бы тебе лет на двадцать раньше, — говорят ему друзья, — сейчас ты бы уже все осуществил.

— Да нет, — смеется Демин, — первые воздухоплаватели родились за двести лет до нас, а до сих пор дел еще...

...Мечта подняться в воздух и парить в нем подобно птицам владела людьми издавна. Об этом говорят дошедшие до нас сказки, мифы... А вот осуществить эту мечту люди смогли не так уж давно.

В России первое упоминание в летописи о полете человека относится к 1731 году. В ней сказано: «1731 года в Рязани, при воеводе, подьячий Нерехтец Крякутный Фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы и ударила его о колокольню, но он зацепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив...»

В 1783 году, в канун французской буржуазной революции, в городе Аннонэ, на юге Франции, братья Жозеф и Этьен Монгольфье, физик и инженер, наполнив сшитый из холста и оклеенный бумагой шар горячим дымом из подставленной под ним жаровни, запустили его ввысь. Шар поднялся на высоту больше километра.

Через полгода в Париже поднялись на воздушном шаре — монгольфьере (так эти шары были названы в честь изобретших их братьев Монгольфье) — первые воздухоплаватели Пилатр де Розье и д'Арланд. Сняв шляпы, они приветственно махали с высоты собравшимся.

В том же году французский физик Шарль запустил

в воздух шар, наполненный более легким, чем горячий дым, газом — водородом. Шар унесся ввысь, но в разреженной атмосфере газ, не имея свободного выхода, разорвал оболочку, и она упала на землю. Тогда Шарль усовершенствовал свой воздушный шар (шарльер), сделав на верху оболочки клапан, открывая который можно было, постепенно выпуская газ, опустить шар на землю. Внизу этого шара была незавязанная кишка — аппендикс, — через которую шар наполнялся газом. Через это же отверстие излишек газа во время полета мог выходить наружу. Газовые клапаны и аппендикс предохраняли оболочку от разрыва газом на высоте, в разреженных слоях атмосферы. Эти приспособления до сих пор используются в аэростатах. Газовые клапаны используются и на дирижаблях.

Первый управляемый воздушный шар — дирижабль — с электродвигателем, работающим на аккумуляторах, был построен только через сто лет, в 1884 году французскими инженерами Реннаром и Кребсом. Этот еще несовершенный аппарат мог летать лишь очень короткое время.

Только в последние годы XIX века, с появлением двигателя внутреннего сгорания люди смогли начать по-настоящему осваивать воздушный океан.

В 1892 году великий русский ученый К. Э. Циолковский опубликовал разработанную им конструкцию дирижабля с цельнометаллической, из волнистого металла оболочкой.

В 1900 году поднялся в воздух немецкий дирижабль с моторами внутреннего сгорания Ф. Цеппелина.

...Демин поудобнее пристроился в легком кресле. Карандаш вычерчивал в положенном на колени блокноте схемы. До вахты еще есть время. Под широкое, мерное раскачивание корабля можно собраться с мыслями.

— Мам, а Москва скоро? А Коля нас встретит? Мам, ты думаешь, да? Про что?

Анна Федоровна обернулась.

— Сиди, сиди, — сказала она вертевшейся рядом Томке. — Коля встретит... если только он в Москве.

Анна Федоровна Гудованцева сидела на жесткой вагонной лавке, положив на колени тяжелые, непривычные к покою руки. В строгом, покрытом тонкими морщинками лице проглядывала тревога. Зачем она уехала? Коля настоял. «...Поезжай, мама, отдохни, сердце меньше болеть будет». И еще — это уже с улыбкой: «Будешь возвращаться, привези яичек, привези муки — будет свадьба!» Эти слова и сейчас не выходят из головы...

Кисловодск почти родной им город. Переехали туда из Сибири, со станции Каргат, когда тяжело заболел муж. Семен Григорьевич работал машинистом, водил поезда Омск — Новосибирск — Томск. Так надеялись, что теплый, с целебным климатом южный город поможет ему. Нет, не помог...

В Кисловодске у них друзья, добрые знакомые. И все же какой там отдых? Поехала на две недели — и недели не пробыла. Она привыкла провожать Колю в полеты. И терпеливо ждать. Но вот не волноваться, не прислушиваться к каждому стуку в дверь... Ни одной ночи не спала, когда Коля в полете. Ничего с собой сделать не может, нету сна, и все. А тут уехала за тысячи километров...

Муку и яички она везет, стоят под лавкой две сумки. А на душе...

Анна Федоровна медленно провела ладонью по лбу. Чего ей тревожиться?! Лена красивая. Умная. Радость с собой приносит. Коле она бесконечно дорога — ей ли, матери, этого не видеть! А все же как-то не по себе. Рев-

ность хоть и глупая, а куда от нее денешься?.. Нет, она сыну не враг, она сама сколько раз говорила:

— Что же, Коля, не присмотришь девушку, не женишься? Поди, скучно одному-то?

— Что ты, мама, — отмахивался он, — надо сначала всю эту мелюзгу поднять.

В двадцать три года, после смерти отца, сам еще в жизни не успев ничего повидать, взвалил себе на плечи все заботы о семье, о шестерых младших и о ней, матери. Он еще учился тогда в авиационном институте. И уже летал командиром корабля.

К нему, в Долгопрудный, в семнадцатиметровую комнату в «доме итальянцев» — так назывался двухэтажный деревянный дом, где жили приехавшие к ним из Италии специалисты-дирижаблестроители, — и прикатили они тогда из Кисловодска всем большим, шумным табором. Восьмерым в одной комнате тесновато, зато все вместе. Из мебели, кроме стола и нескольких табуреток, ничего не было. Спали на полу, все рядом.

— Мам, ты опять думаешь? Ну о чем?..

Томка потерлась о мамино плечо.

— Да так... — встрепенулась Анна Федоровна. — Ты, верно, и не помнишь, как мы жили в «доме итальянцев»?

— А вот и помню, — вскинула глаза Томка. — Он весь дощечками был обшит, да? Так и так — елочкой. Мы жили внизу, а над нами красивая тетенька, Арабелла. Она громко песни пела. И говорила быстро-быстро... И еще... голубей кормила белой булкой!

Томка внимательно посмотрела на мать.

— Только я никогда не просила, вот честное...

Трудный был тот, первый по приезде год. Это сейчас Коля уже институт окончил, Нина и Саша на работу поступили. А тогда восемь человек на одну Колину зарплату.

— А как мы с Нюсей и Витькой из-за валенок дра-

лись... — Томка даже подскочила, ударившись о верхнюю полку, и вжала голову в плечи.

— Ты-то чего дра-лась? — укоризненно посмотрела на нее Анна Федоровна. — Они же тебе по уши были.

— Ну и пусть. Коля для всех принес!

Он принес всего-то две пары. Вытряхнул из мешка — как все набросились, растащили по одному, стали мерить. Валенки взрослые, всем велики. Все равно как были рады! Ведь в школу бегали за три километра. Коля сам повесил над столом расписание: кому когда надевать. Проверял, не шельмует ли кто.

Анна Федоровна вздохнула. Если бы не Коля, как бы она управилась со всеми? Случилась с Сашкой беда, школу стал пропускать. Мать — говори не говори — разве послушается? А Коля подсел как-то к нему:

— Мы с тобой взрослые люди. Объясни, почему пропускаешь школу?

— А я работать хочу. Хочу быть мотористом.

Коля не стал его уговаривать. А наутро разбудил не в семь, как обычно, в школу, а в шесть:

— Вставай, работничек.

Сашке ох как не хотелось вставать, а встал. Поработал недельку, другую. Промывал в керосине части от моторов, другой работы не доверяли. Вскоре уразумел: не очень-то это веселое занятие, а чтобы суметь в моторе разобраться, знаний не хватает. Седьмой класс Сашка закончил. А потом все же пошел работать на верфь мотористом.

Коля все дни в порту, в полетах. И дома до полуночи над чертежами сидит. Худой, вот как Томка. Хотела подкормить его получше — сил-то ведь ему надо много, один ведь работник, — стала готовить ему посытнее. Так чуть не рассорились. Подаст ему блинков, горячих, румяных. Он обязательно спросит:

— А дети ели?

— Ели, ели...

А что ребятам — они и картошки поедят, и каши, вон какую кастрюлю сварила, что тебе ведро.

Только Колю не проведешь. Подозвал Томку:

— Томусик, поди сюда.

Та рада, бежит. Все ее зовут — кто: «шкода», кто «кощей», только Коля — Томусик!

— Вы это ели?

Томка глянула, повела носом — пахну-у-т!.. Слюнки сразу потекли. Молчит. Только глаза моргают. Знает: скажет — не ели — от матери трепка будет, а неправду она Коле сказать никак не может.

— Мама, наверно, забыла нам дать...

Анна Федоровна только глянула на Томку.

Коля отодвинул миску.

— Я так и знал. Сколько раз я, мама, говорил, что всем, то и мне. Или я дома вовсе есть не буду.

Схватил миску и к ребятам.

— Ешьте, пока горячие.

Сейчас в их новой квартире, в доме инженерно-технических работников, у Коли уже своя комната есть. Анна Федоровна строго следит, чтобы ребята туда ни ногой. Колин письменный стол завален бумагами и чертежами. Во всю стену висит карта Союза, на ней флажки наколоты — это маршруты, по которым уже летали дирижабли и по которым еще предстоит летать, осваивать новые трассы. Москва — Ленинград, Москва — Смоленск, Москва — Киев... Харьков... Севастополь... Казань... Архангельск... Свердловск... Новосибирск... Этих флажков все прибавляется, все дальше уходят они от Москвы. Ребят только впусти туда, они такие там свои «маршруты» наведут, все флажки перетасуют!

Томка смотрела на пробежавшие за окном столбы, обсыпанные снегом деревья.

В Кисловодске ох и скучно было, думает она, и поиграть не с кем. А дома!.. Их, ребят, там много, и всегда то игра, то драка. И в самый разгар — тут как тут — Коля! Идет по улице, в большущих унтах, заложив руки за спину, насвистывает свою любимую «Ноченьку». А в комнате!..

Все опрометью бросаются застилать сбившуюся постель, собирать все с пола, приглаживают всклокоченные волосы, вытирают носы.

Когда Коля входит, они все уже сидят на стульях, чинно, как на фотографии. И как он догадывается, что у них тут было?

— Когда уж вы научитесь в мире жить? — с горечью скажет Коля. И махнет рукой. — Марш по углам!

Он очень не любит драки и раздоры.

Хорошо Сашка уже большой, а то раньше у них и углов не хватало.

Коля достанет из кармана французский словарь,

заглянет в него, заложит руки за спину и начинает ходить по комнате, повторяя:

— Л'анфан, ле паран, ле гарсон, ля физ...

Остановится, наморщит лоб, припомнит и опять:

— Ле гарсон, ля физ...

Французские слова ужасно смешные, Коля говорил их в нос и картавя. Наверно, трудно ему было, у него, должно быть, язык во рту переворачивался. Попробуй тут, удержишься, не засмейся! Все терпят-терпят, а потом как прыснут разом. И остановиться не могут.

Коля смотрит на них растерянню, ничего не понимает. А строгости уже нет.

— Мама, — крикнет, — да возьми их, с ними много не наработаешь!

А когда он приходит домой и у них по-настоящему мир, они все гурьбой бросаются раздевать его.

Томка с Нюсей стягивают унты — Томка всегда правый, Нюся — левый. Витька отстегивает тугие пуговицы комбинезона. Лида снимает шлем.

Раздевать Николая после полета стало у них обычаем, обязательным и приятным для всех. А началось это с того дня, когда он вернулся из полета с перебинтованными руками и долго потом не мог ничего ими делать.

Они тогда не сразу все узнали. Коля не хотел пугать их, главное, маму, и, придя домой, быстро прошел в свою комнату, запрятав руки в карманы. Ужинать не стал, сослался на срочную работу.

Анна Федоровна все же понесла ему в комнату поесть. Приоткрыла дверь... Коля сидел на кровати к ней боком, дул на ладони, осторожно снимая окровавленные бинты. Кожа на пальцах и ладонях была содрана страшно. У Анны Федоровны потемнело в глазах, она схватилась за косяк двери.

— Ну что ты, мама, — стал успокаивать ее Ко-

ля, — это же я головешку у костра схватил, — И засмеялся. — И чего, дурак, хватал?!

Она не поверила про головешку. Потом его товарищи рассказали ей совсем другое. А вскоре прочитала в газете: «Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР 9/X с. г. постановил: «За героизм, проявленный при спасении дирижабля В-2 «Смольный» 6 сентября 1935 года, наградить командира дирижабля т. Гудованцева Николая Семеновича орденом Красной Звезды».

...Это был один из многих агитперелетов, которые они совершали в разные города, чтобы множество людей своими глазами могли увидеть, каков он, дирижабль, какие огромные возможности таит он в себе. Об этом дирижаблисты увлеченно рассказывали прямо на аэродромах, в клубах, Дворцах культуры, на предприятиях, куда их приглашали.

Полет был по маршруту Ленинград — Донбасс. Последним пунктом был Донецк. Корабль медленно плыл над городом, над возвышавшимися прямо посреди улиц копрами шахт, черными конусами терриконов. Они сбрасывали идущим внизу людям пачки листовок, тоненьких брошюр. Сверху видно было, как кидались к ним люди, подхватывали на лету. Останавливались, читали. Задирали головы, махали этими листовками.

На аэродроме было полно народу. Сбежались посмотреть на дирижабль, а может, и помочь. Начальник аэроклуба — в спортивной майке и форменной фуражке с «крабом» * на бритой голове — энергично отдавал распоряжения наскоро организованной им швартовой команде. Тут же рабочие порта ввинчивали в землю

* Эмблема, помещенная на головном уборе летного состава, в просторечии именовалась «крабом».

метровой длины авиационные штопоры. Причальной мачты на аэродроме еще не было, эти штопоры должны были временно заменить ее.

Посадка прошла вполне благополучно. Десятка три хлопцев ловко подхватили сброшенный с дирижабля гайдроп, а потом и причальные тросы, подтянули корабль к земле.

Большая часть экипажа сошла с корабля. Гудованцев отдал рапорт о завершении агитперелета. Восторженные возгласы, громкие аплодисменты были ему ответом.

Экипаж занялся швартовкой. Корабль без экипажа значительно облегчился и, натягивая канаты, тянул вверх.

— Эй, хлопчики, — окликнул Николай толпившихся тут же, таращивших глаза мальчишек, — хотите в гондолу?

Ребята замерли.

— А можно?

— Можно, влезайте, заодно балластом будете.

Они засверкали голыми пятками по шаткому трапу. Несбыточной мечтой было их желание хотя бы одним глазом заглянуть внутрь. И вдруг влезайте!..

Их набралось в гондоле больше десятка. Разбежались по сторонам, все осматривают, дивятся.

Неожиданно вдали гроыхнуло. Небольшое облачко у горизонта, которое они видели еще до посадки, разрасталось в тучу. Надвигалась гроза.

Гудованцев посматривал на нее, на рабочих, которые ввинчивали последние штопоры. Их уже было ввинчено больше полусотни. Руководил работой начальник аэроклуба.

— Быстрее, ребята, — поторапливал он, — надо кончать швартовку. — Илья-пророк не будет ждать!

Он то и дело стаскивал фуражку, вытирал вспотев-

шую голову. Было невероятно душно и как-то отрешенно-тихо, ни малейшего ветерка...

И тут, в один миг, закрутив, перемешав все, на них обрушился шквал. Вздрыбился серый вихрь пыли, сухой травы, хлестко ударил в лица людей, в дирижабль. Мгновенно все пришло в движение, забились платья, рубахи, всплеснули сорванные с голов платки, тут же затерявшись в несущейся колючей мути. Свист ветра, испуганные голоса детей, женщин, треск лопающихся канатов и чей-то пронзительный крик:

— Держи-и-и!!

Дирижабль, этот шестидесятиметровый парус, метнулся в сторону. С силой ударила о землю гондола. Люди шарахнулись. Новый шквал, и, вырывая штопорные якоря, обрывая канаты, сбрасывая последние путы, дирижабль рванулся ввысь.

— Держи-и-и!! — Крики людей потонули в вое ветра.

Перед Николаем мелькнул конец пляшущего в серой мгле каната. Мгновенно решившись, он кинулся к нему и схватился. Его рвануло и понесло.

В воздухе оказалось еще два человека: милиционер и начальник аэроклуба. Они все еще надеялись удержать корабль.

— Прыгайте! Отпускайте скорее! — кричали им снизу.

А они оглянуться не успели, как были уже на десятиметровой высоте. Разжали наконец пальцы и хлопнулись на землю. К ним на помощь кинулись люди.

Николай висел на размахисто раскачивающемся канате и карабкался вверх. Ему во что бы то ни стало нужно было быть там, на корабле. В гондоле оставались три члена экипажа и мальчишки. Он в ответе за них, за корабль.

Гондола чиркнула по какой-то крыше. Николая швырнуло в сторону и тут же вынесло выше всех крыш. Дома стремительно уходили назад. А на него также

стремительно надвигалась возвышавшаяся над ними заводская труба. Ржаво-бурая, в черно-сажевых натеках, она быстро вырастала, приближаясь. Стиснув зубы, Николай лез по канату. Перехват руки... еще перехват... еще... Край трубы наступает. Дирижабль кинуло вверх, и нацеленное в небо черное жерло прошло совсем рядом. Краем глаза Николай успел увидеть его нутро, мерцание облитых черным глянцем стен.

Все тяжелее становилось тело. Руки отказывали. Николай сжимал их, собирая последние силы. Только не останавливаться! Вверх. Еще. На далекую, затянутую вихрями пыли землю он не смотрел. Сейчас земля была не для него. Он слышал испуганные ребячьи голоса в гондоле. Он напрягал все силы. Ладони горели так, словно он поднимался по раскаленному тросу. Только бы там, наверху, не убрали трап!

В гондоле было смятение. Когда шквал сорвал дирижабль со швартовых, рвануло так, что все полетели на пол, друг на друга, кто куда и как попало. Когда смогли подняться, ребята кинулись к иллюминаторам, к двери, зовя на помощь.

— От двери! — громко и решительно прозвучал девичий голос.

Штурвальный Людмила Эйхенвальд мгновенно взяла командование на себя. Решение надо было принимать немедленно. Не понимая, что дирижабль летит уже выше домов, ребята могли начать выпрыгивать из гондолы.

— По местам! Поднять трап! Заккрыть дверь гондолы!

Не видя никого, кто мог бы выполнить ее приказ, Люда сама бросилась к трапу. К ней на помощь подбежал какой-то паренек. Заглянув вниз, он вскрикнул. Там, раскачиваясь на канате, карабкался вверх человек.

Люда не узнала, скорее угадала, что это был коман-

дир. Затаив дыхание, боясь помешать ему, она, прильнув к косяку двери, еле слышно шептала:

— Ну давай, Коля, давай, совсем еще немножко...

До трапа действительно оставалось совсем немного. Ему надо помочь. Как?.. До каната из гондолы не дотянешься.

Еще последнее усилие.

— Коля, держись!

Николай дотянулся до трапа, схватился одной рукой. И замер. Силы были на исходе, и он копил их по крохам. С минуту висел так, потом резким броском схватился и другой рукой.

— Коля, держись, держись крепче! — сначала тихо, потом громче, чтобы он услышал, крикнула Люда. — Мы тебя вытянем!

Она, паренек и подоспевший на помощь бортмеханик быстро втянули трап, на котором висел Николай, в гондолу.

Николай тяжело дышал. Прислонившись к стене, он оглядел гондолу, ребят. Притихшие, они смотрели на него во все глаза. Тыльной стороной руки он смахнул со лба струйки пота. С ладоней капала кровь.

Неожиданно огненным всполохом гондолу осветила молния. Осветила лица невероятно ярким неестественным белым светом. И почти в то же мгновение, казалось, прямо по гондоле ударил гром.

— Заводить моторы! — громко отдал команду Николай и, чуть качнувшись, оторвался от стены. Прошел в рубку управления. Бортмеханик мгновенно кинулся к мотору. А Люда, схватив в аптечке бинты, бросилась в рубку.

Дирижабль летел неуправляемый, по воле ветра. И продолжал подниматься. Высота уже восемьсот метров. С минуты на минуту появится угроза повышенного сверхдавления в оболочке. Вспышки молний продолжались. Случись молнии пронзить оболочку, и шесть ты-

сяч кубометров водорода вспыхнут огненным факелом. От грозы надо было уходить как можно скорее.

Снова прокатился гром. Ливень гулко зашумел, ударяясь о зонтичные водоотводы гондолы. Задержись Николай хотя бы на минуту там, на канате, и отяжелевшая от дождя одежда не дала бы ему подняться.

Негромко, словно не решаясь заглушать шум дождя, заработал мотор. Вскоре был запущен и второй. Николай взял забинтованными руками штурвал глубины.

— Курс норд-норд-вест!

— Есть норд-норд-вест!

Люда уже стояла у штурвала направления.

Скоро внизу стала видна желто-серая стерня уже убранных хлебов. Вспышки молний были уже не такими яркими, и раскаты грома доходили с большим опозданием. От грозы они уходили. Хотя серые клубы туч висели сплошной пеленой, ливневого дождя уже не было. Моросил лишь мелкий дождик.

Быстро темнело. На земле сизо сгущались сумерки. В окнах домов загорались светлячки. Корабль проплывал над поселками. Что это были за поселки, они не знали. А карты в планшете у штурмана, там, на земле

— Товарищ командир!

Николай обернулся. Перед ним стоял веснушчатый, с выгоревшими на солнце волосами паренек и вопросительно, с надеждой смотрел на него.

— Товарищ командир, если нужно что сделать, вы только скажите.

— А что ты умеешь? — улыбнулся Николай.

Парнишка весь зарделся:

— Все. Почти все. Я в кружке Осоавиахима занимаюсь.

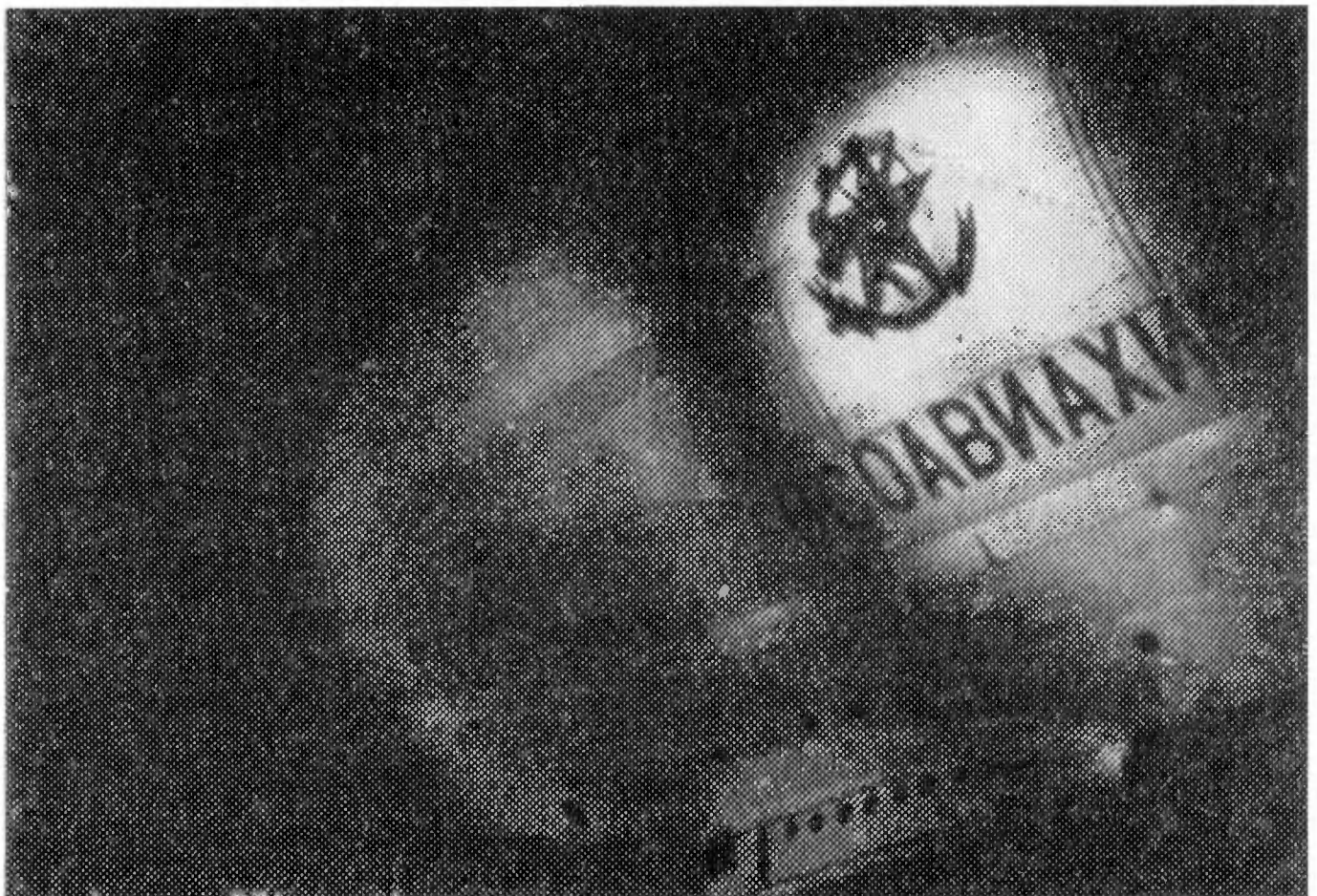
— Вон как? — Николай заинтересованно глянул на него. — Тебя как звать-то?

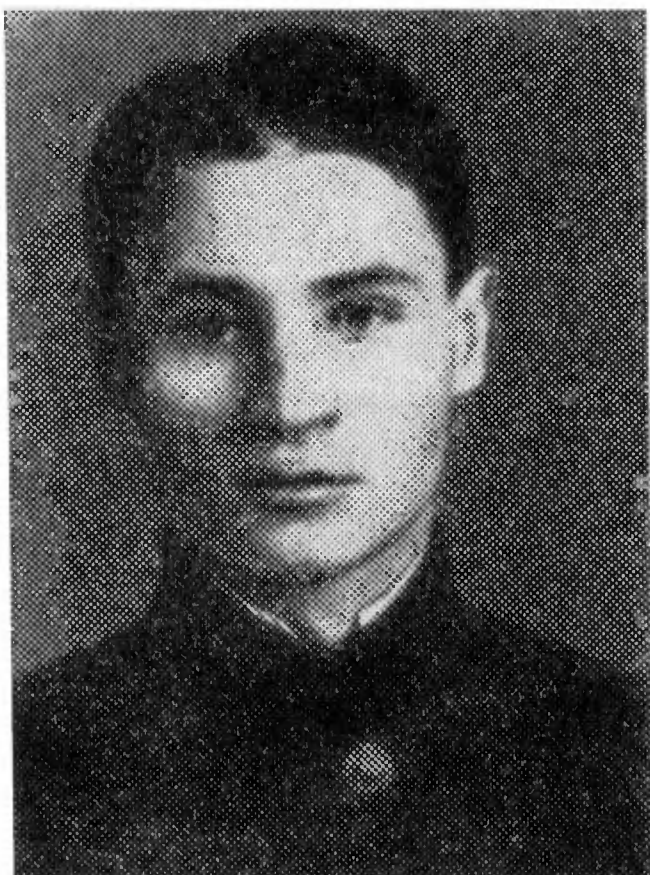
— Ваня. Ваня Ветренко.

Николай Гудованцев — первый командир дирижабля «СССР В-6».

Старт дирижабля «СССР В-6» 5 февраля 1938 года. Таким его видели с земли в последний раз.

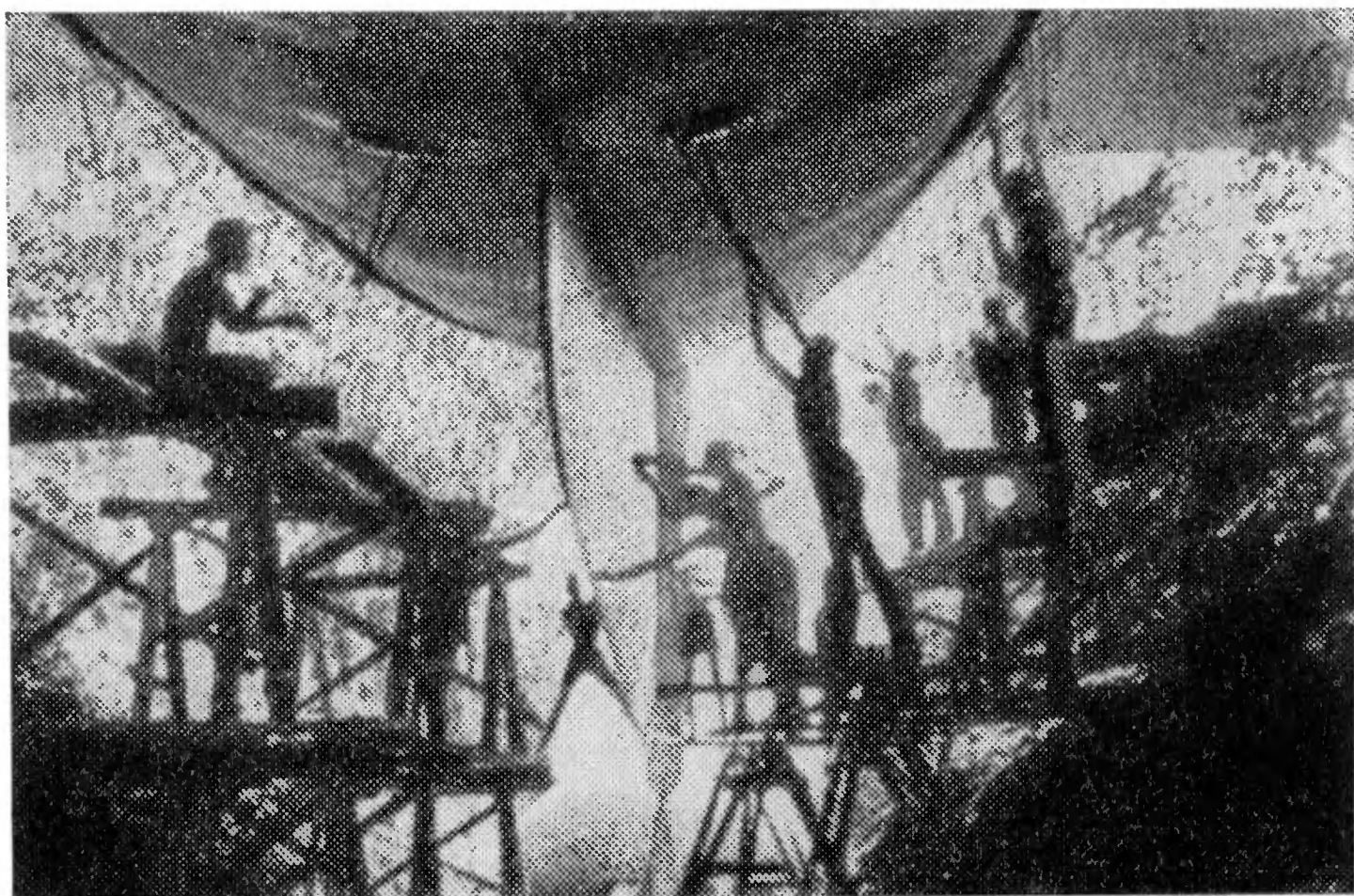

Иван Паньков — второй командир.

Сергей Демин — первый помощник командира.

Сборка дирижабля «Комсомольская правда» в одном из кунцевских оврагов.

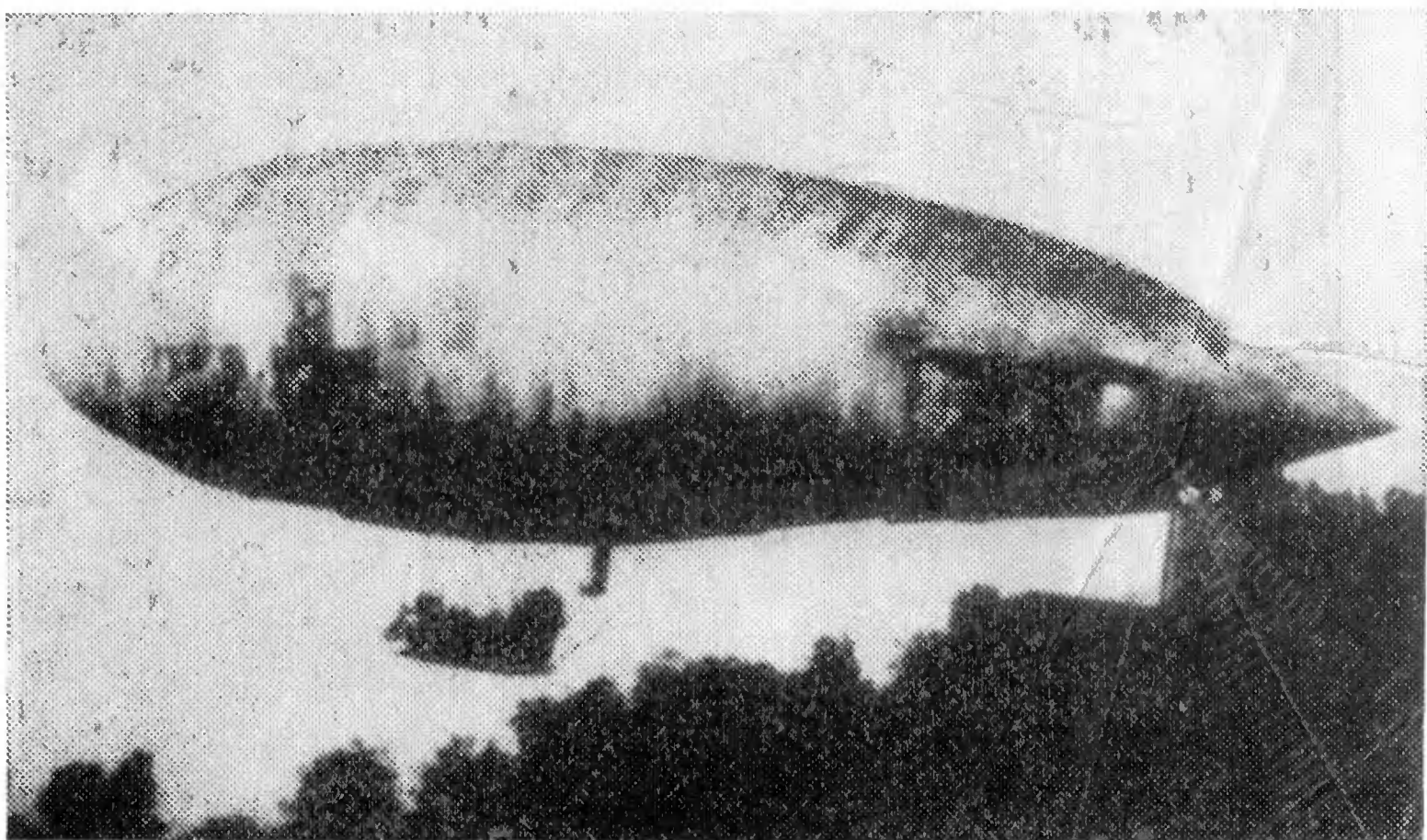

Владимир Лянгузов — второй помощник командира.

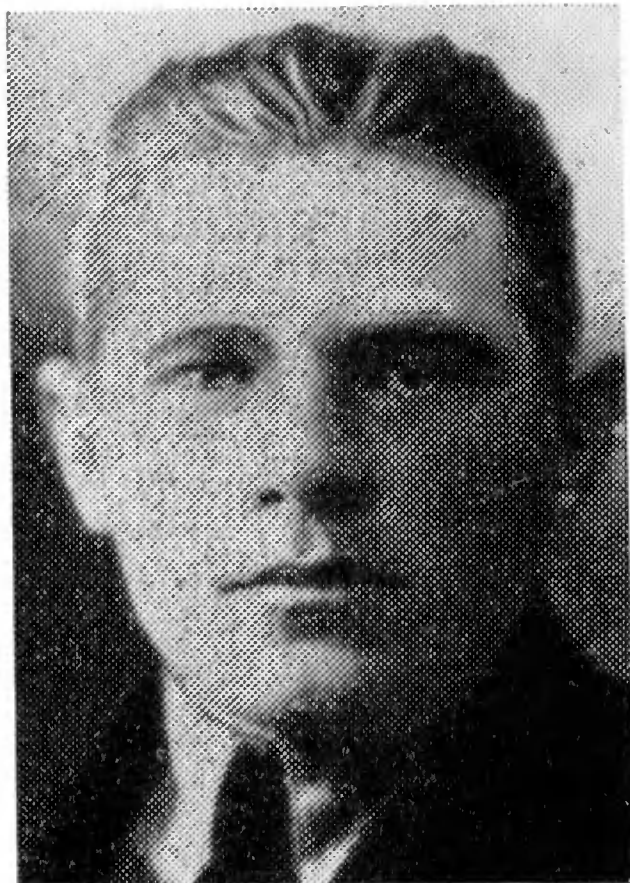
Тарас Кулагин — третий помощник командира.

Первый взлет «Комсомольской правды» 29 августа 1930 года.

**Виктор Почекин — четвер-
тый помощник командира.**

**Алексей Ритсланд — первый
штурман.**

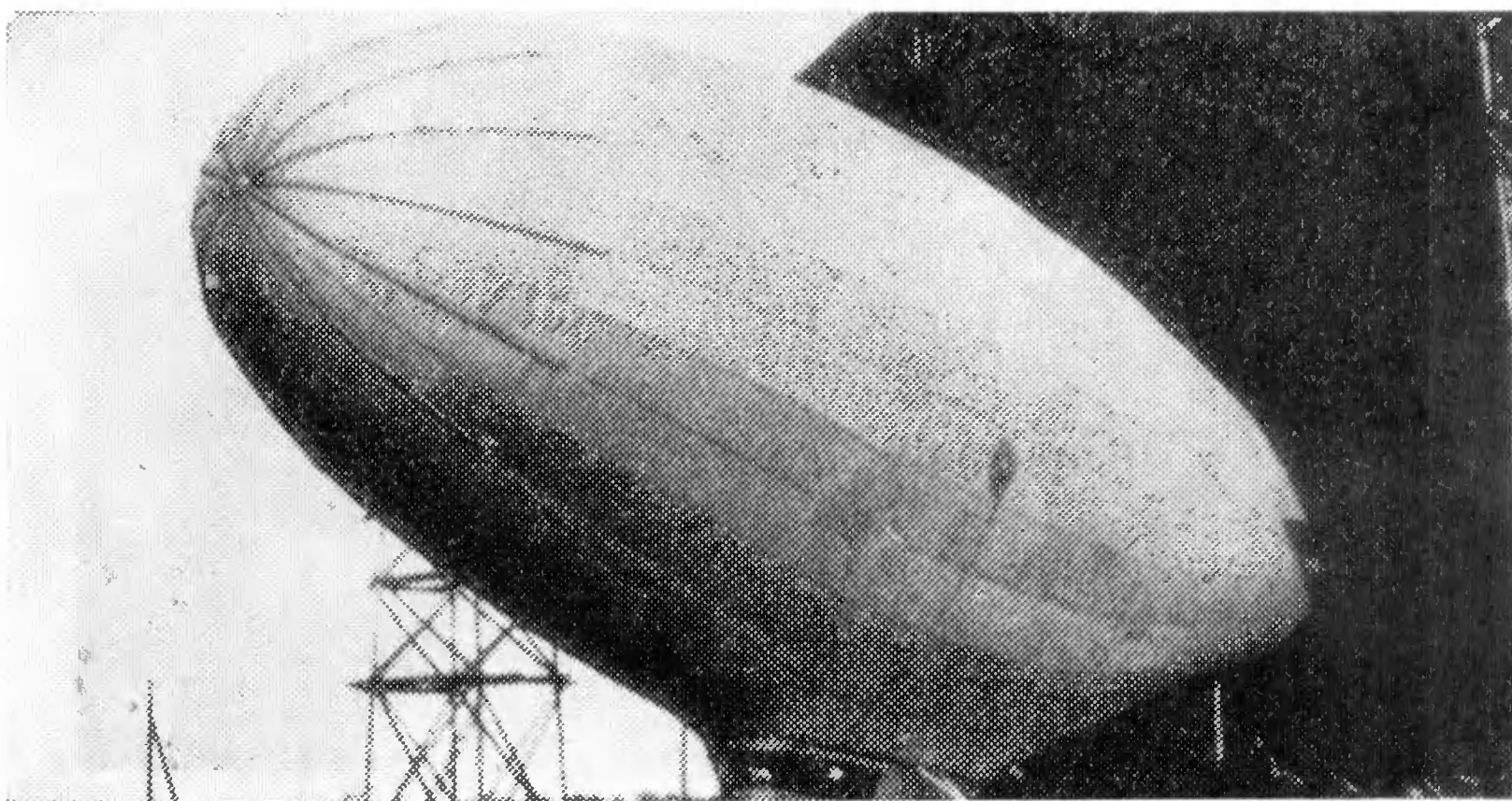
Сбор средств на постройку советских дирижаблей.

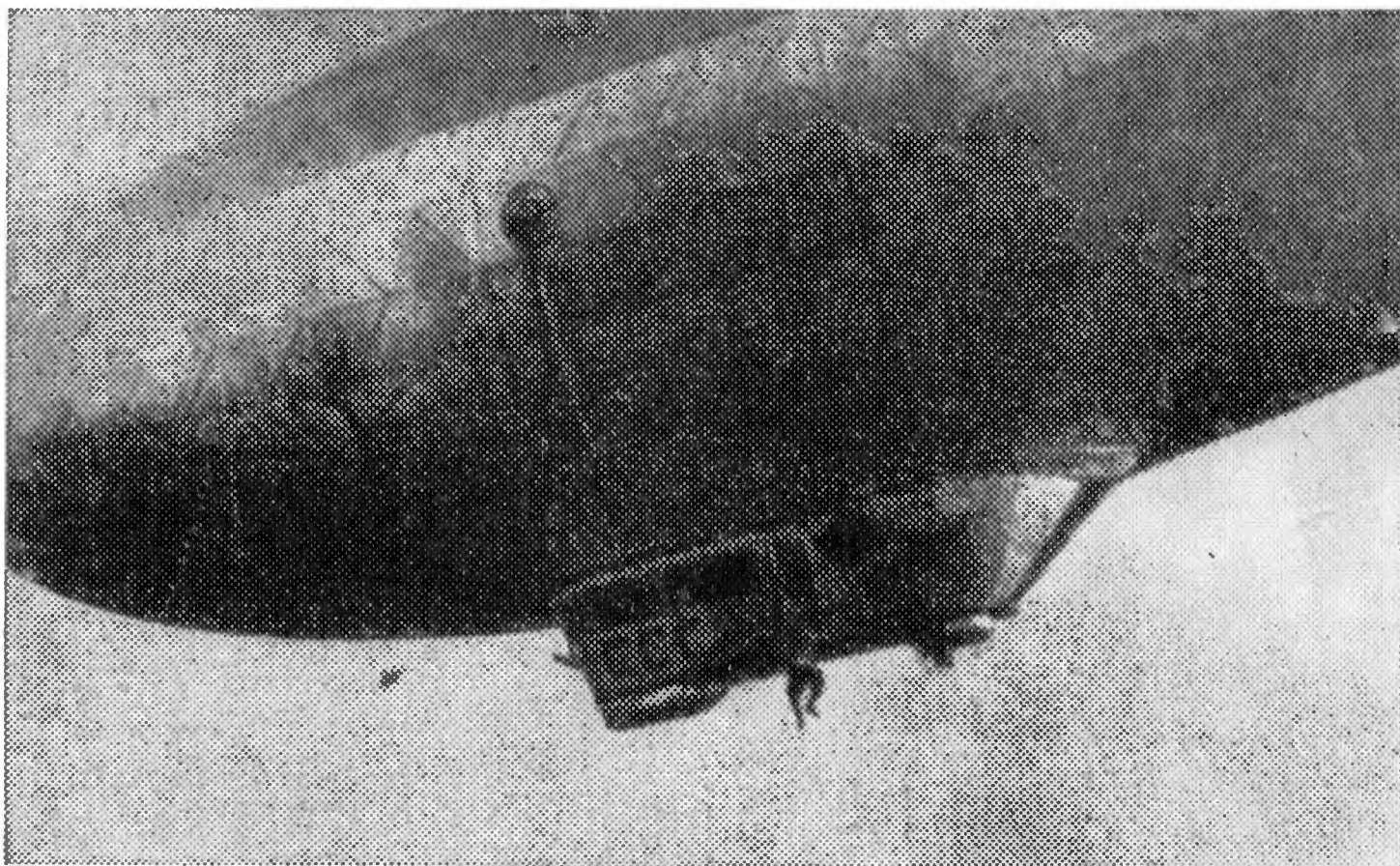

**Первые жители палаточного поселка Долгопрудный — курсанты
Воздухоплавательной школы.**

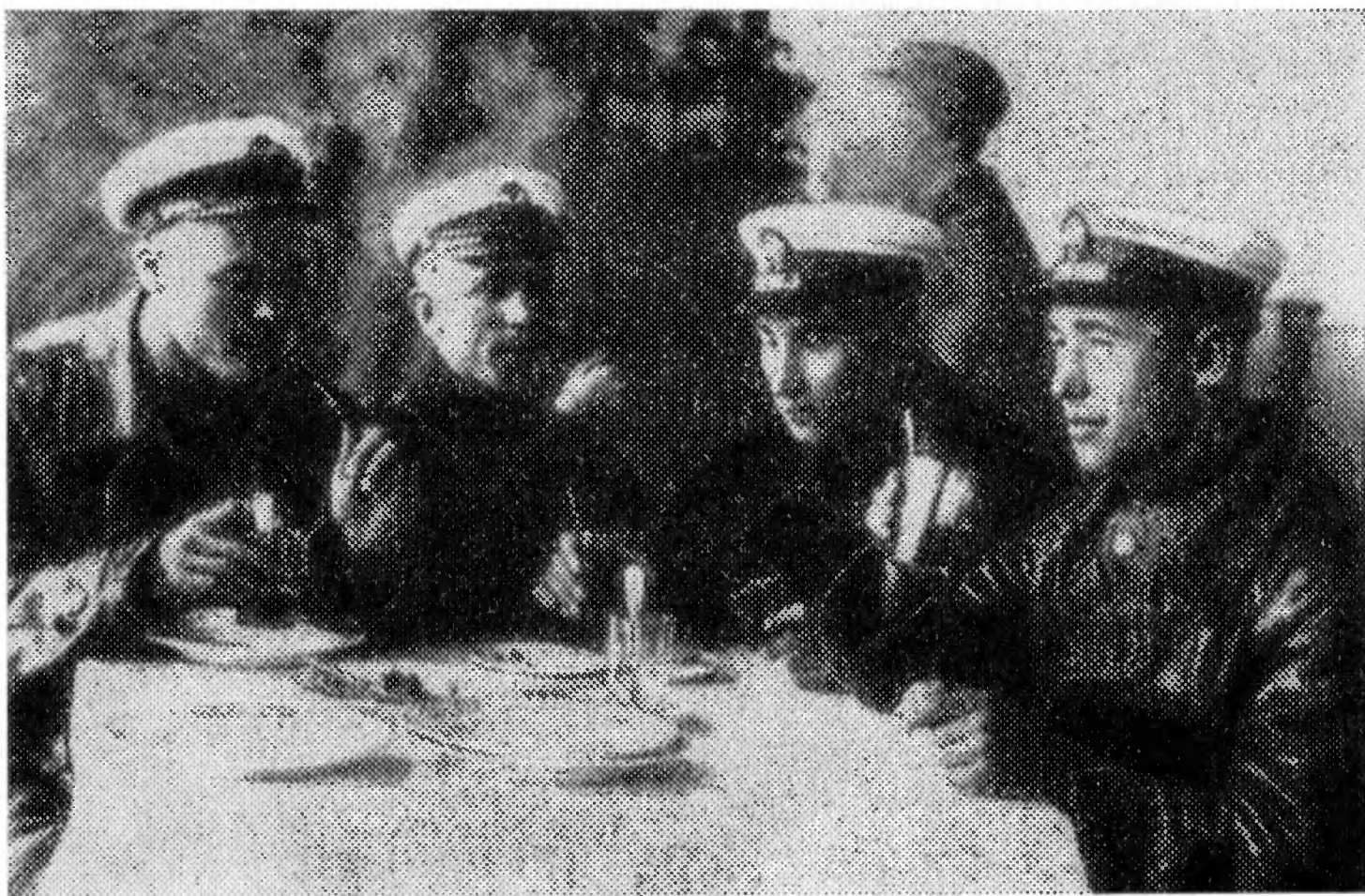
Вывод дирижабля «СССР В-1» из эллинга.

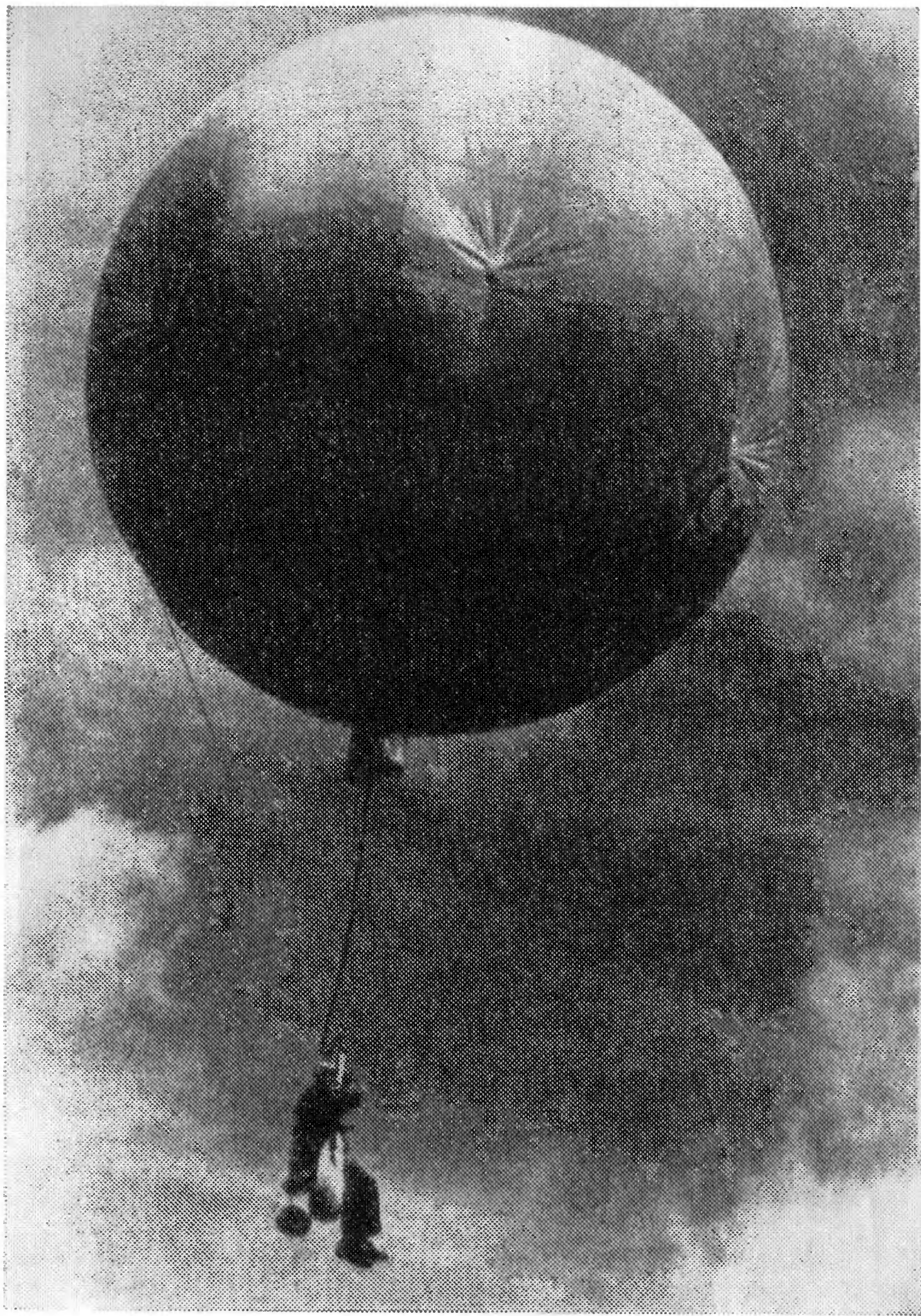

Пилот-штурвальный Н. Голиков впервые поднимается на зависший в воздухе корабль.

Минута отдыха перед полетом. Слева направо: Н. Гудованцев, И. Ободзинский, И. Паньков, В. Устинович.

Один на один со стихией. Аэронавт в небе на шаре-лилипуте.

Георгий Мячков — второй штурман.

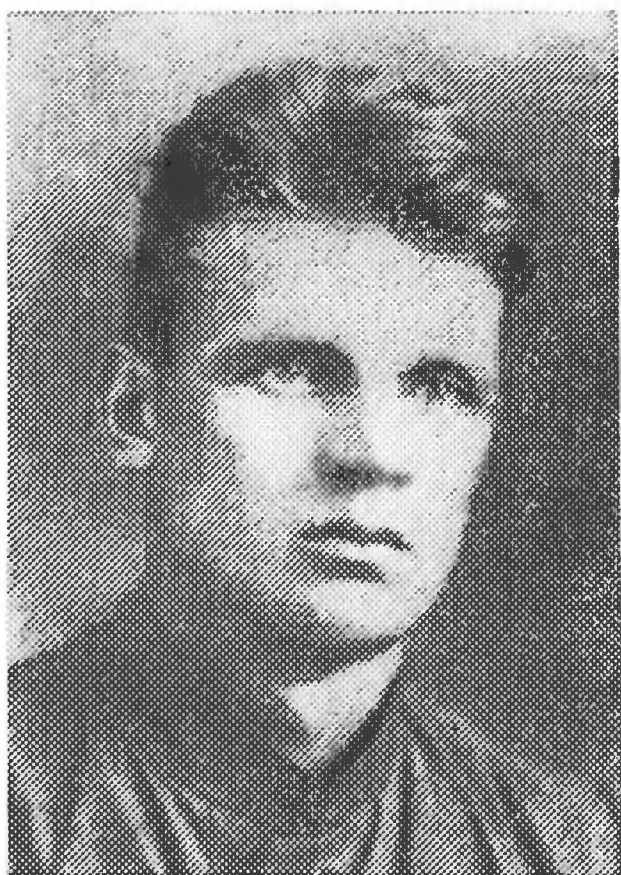
Владимир Устинович — корабельный инженер.

Дирижабль «СССР В-2 «Смольный» на взлетном поле.

**Николай Коняшин — стар-
ший бортмеханик.**

**Константин Шмельков —
первый бортмеханик.**

**Курсанты Воздухоплавательной школы в гондоле дирижабля
«СССР В-4».**

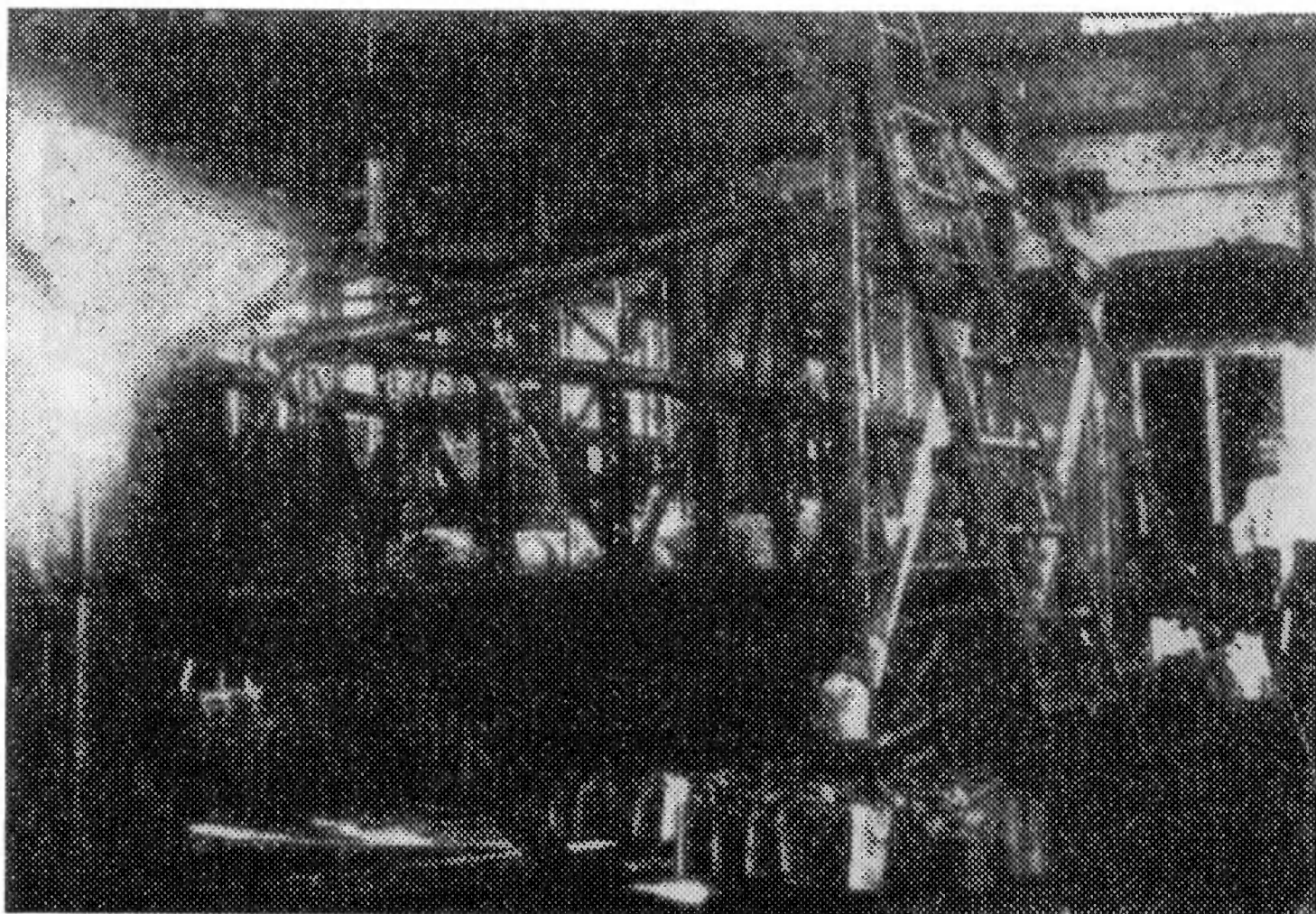

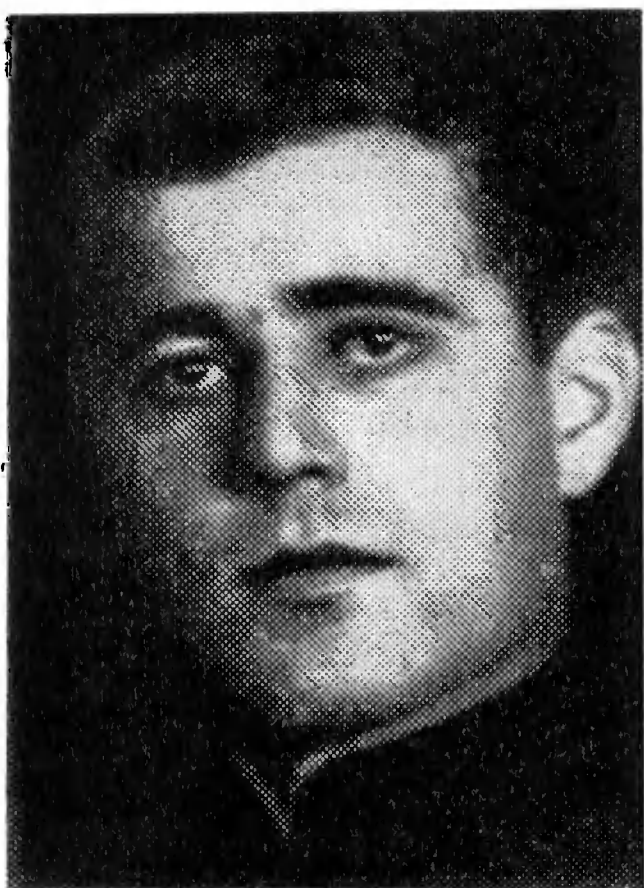
Михаил Никитин — бортмеханик.

Николай Кондрашев — бортмеханик.

Сборка гондолы дирижабля «СССР В-6».

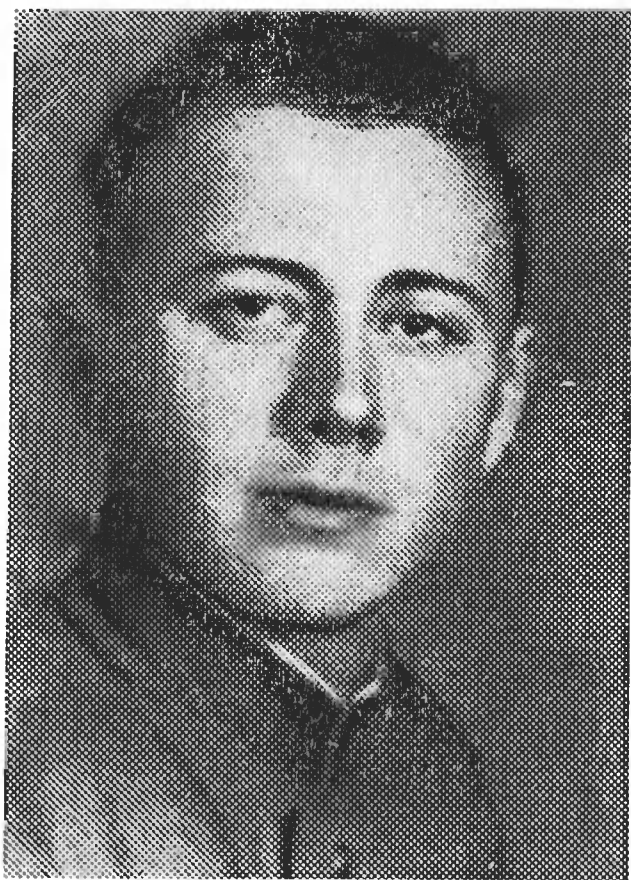
Константин Новиков — борт-механик.

Дмитрий Матюнин — борт-механик.

И. Паньков у штурвала.

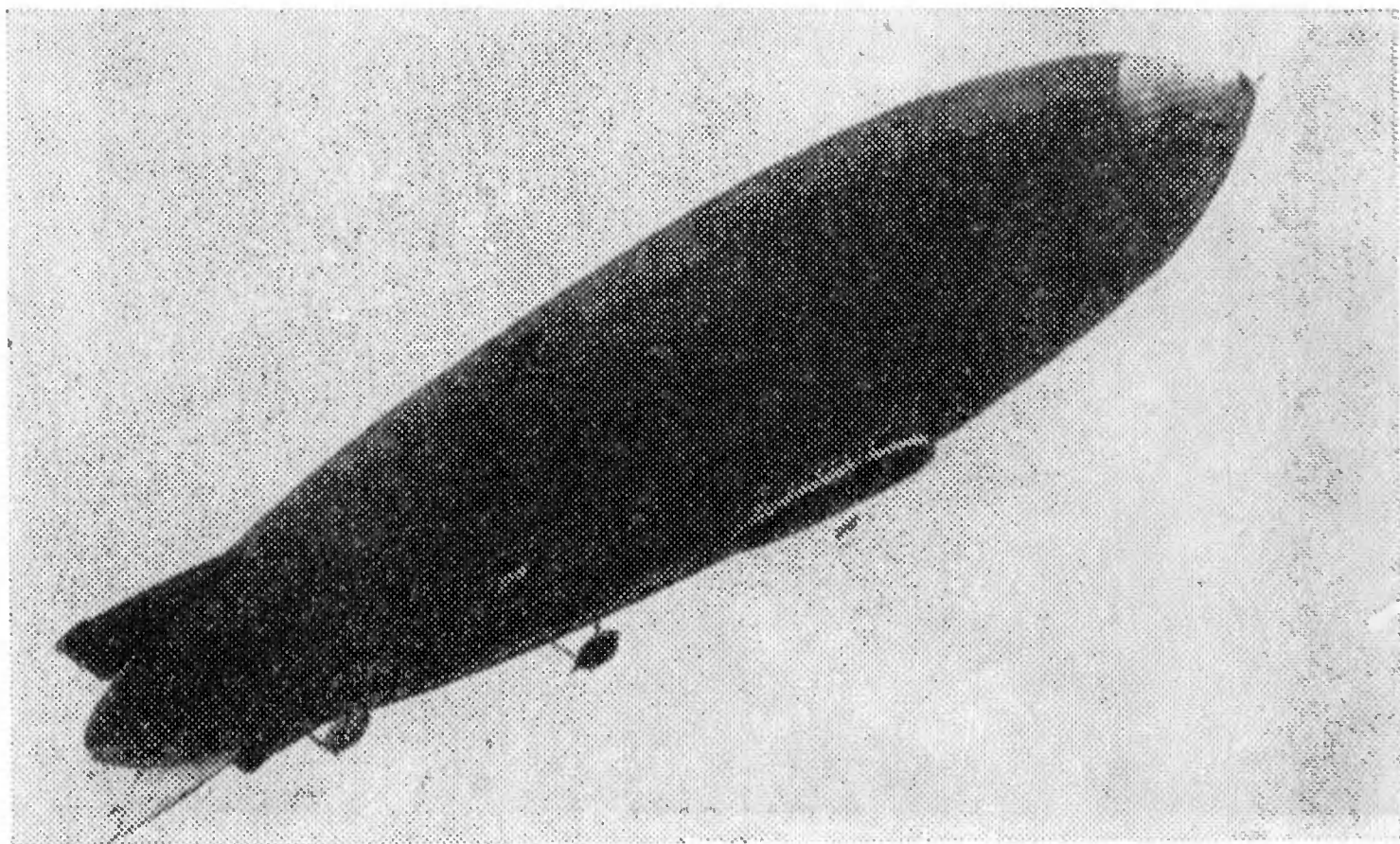

Алексей Бурмакин — борт-механик.

Василий Чернов — бортрадист.

Дирижабль «СССР В-6» на взлете.

Давид Градус — бортсиптик.

Арий Воробьев — радиоинженер.

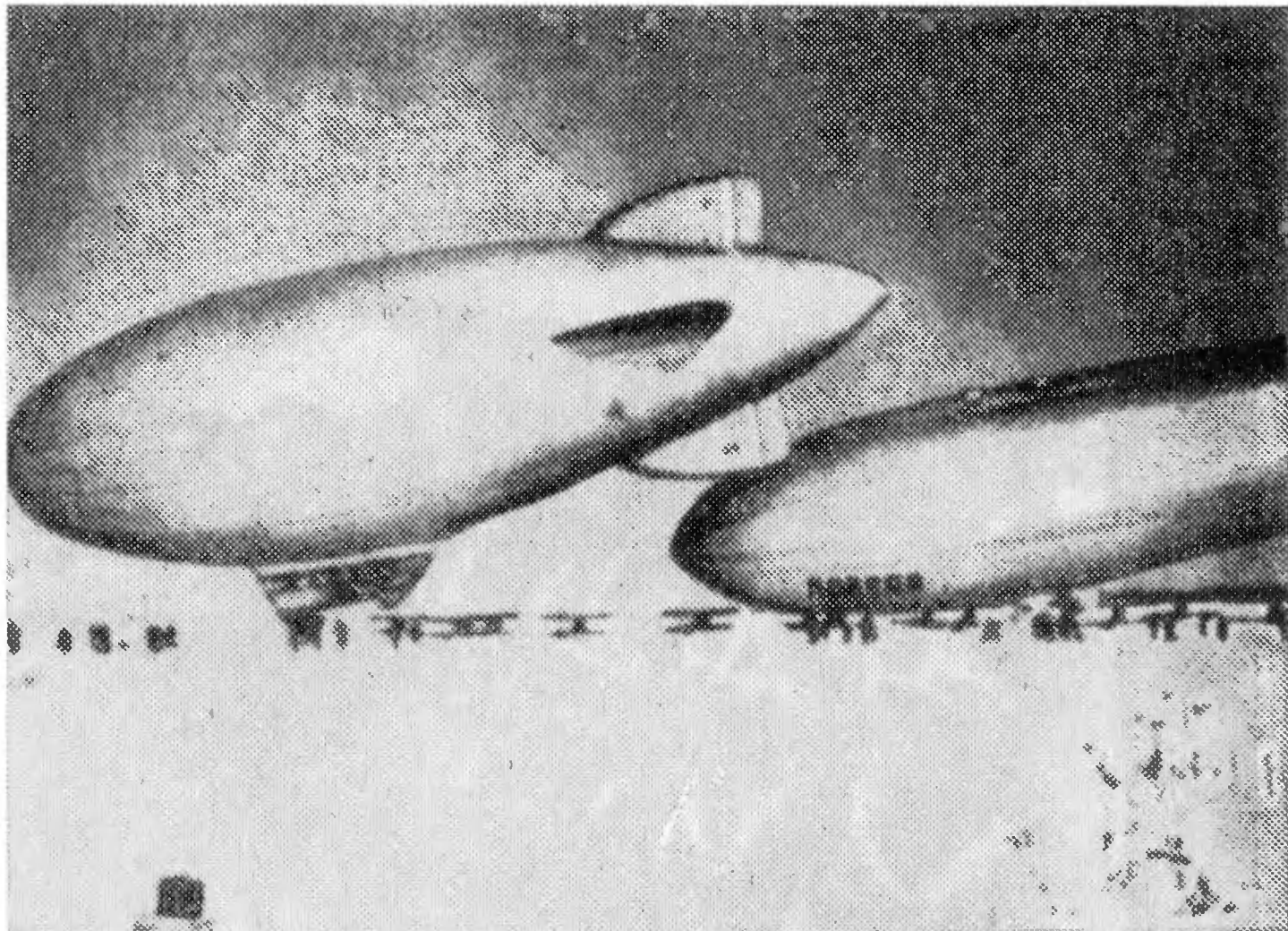
Экипаж дирижабля «СССР В-6» после рекордного полета. Слева направо: И. Паньков, С. Демин, К. Шмельков, Т. Кулагин, Г. Мячков, Н. Зубов, В. Сидоров, Н. Голиков, А. Мозголев, А. Белкин, А. Бурмакин, Д. Градус.

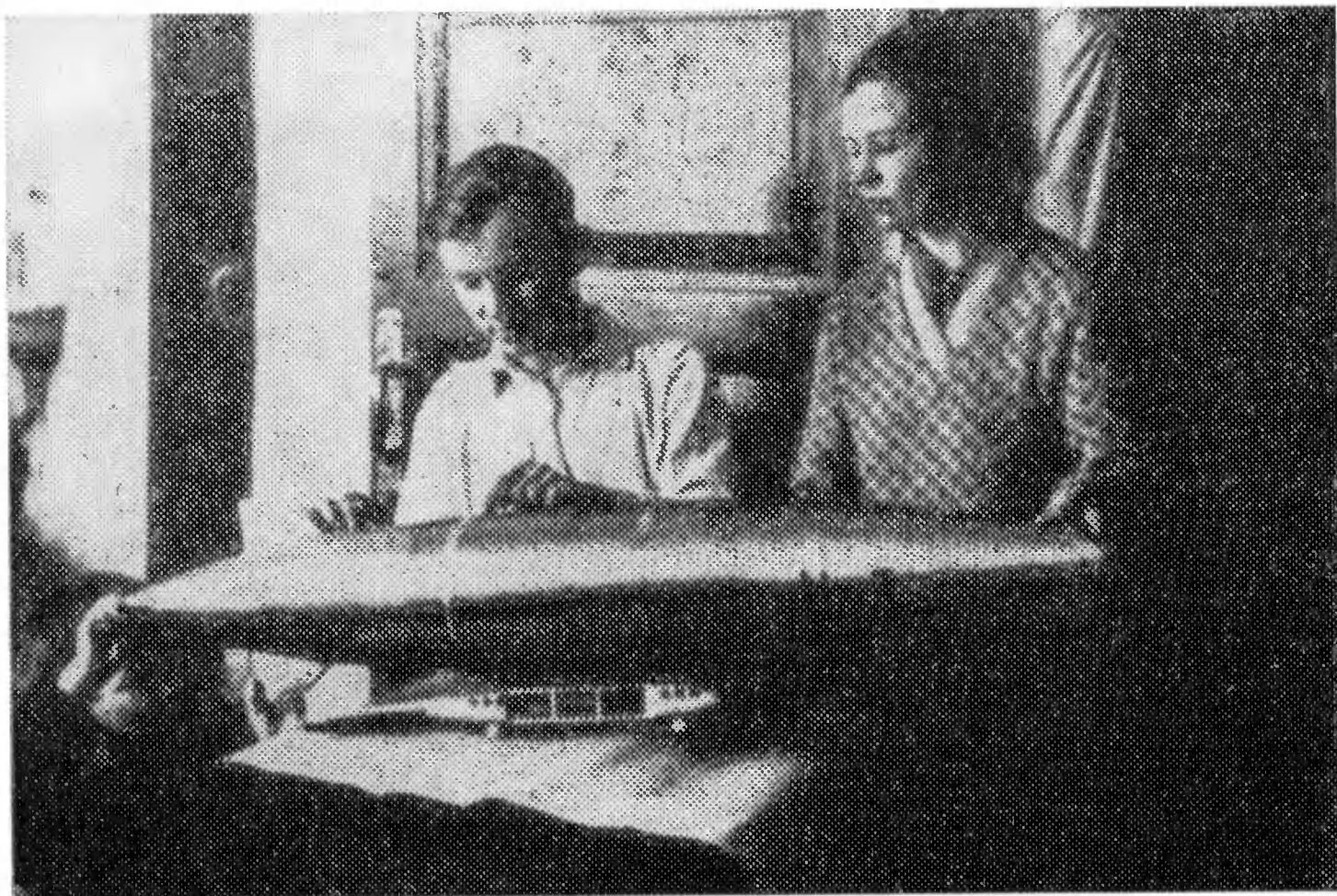
Вера Демина и Людмила Иванова — первые женщины — командиры дирижабля.

Дирижабли «СССР В-12» и «Победа» — неутомимые труженики военных и послевоенных лет.

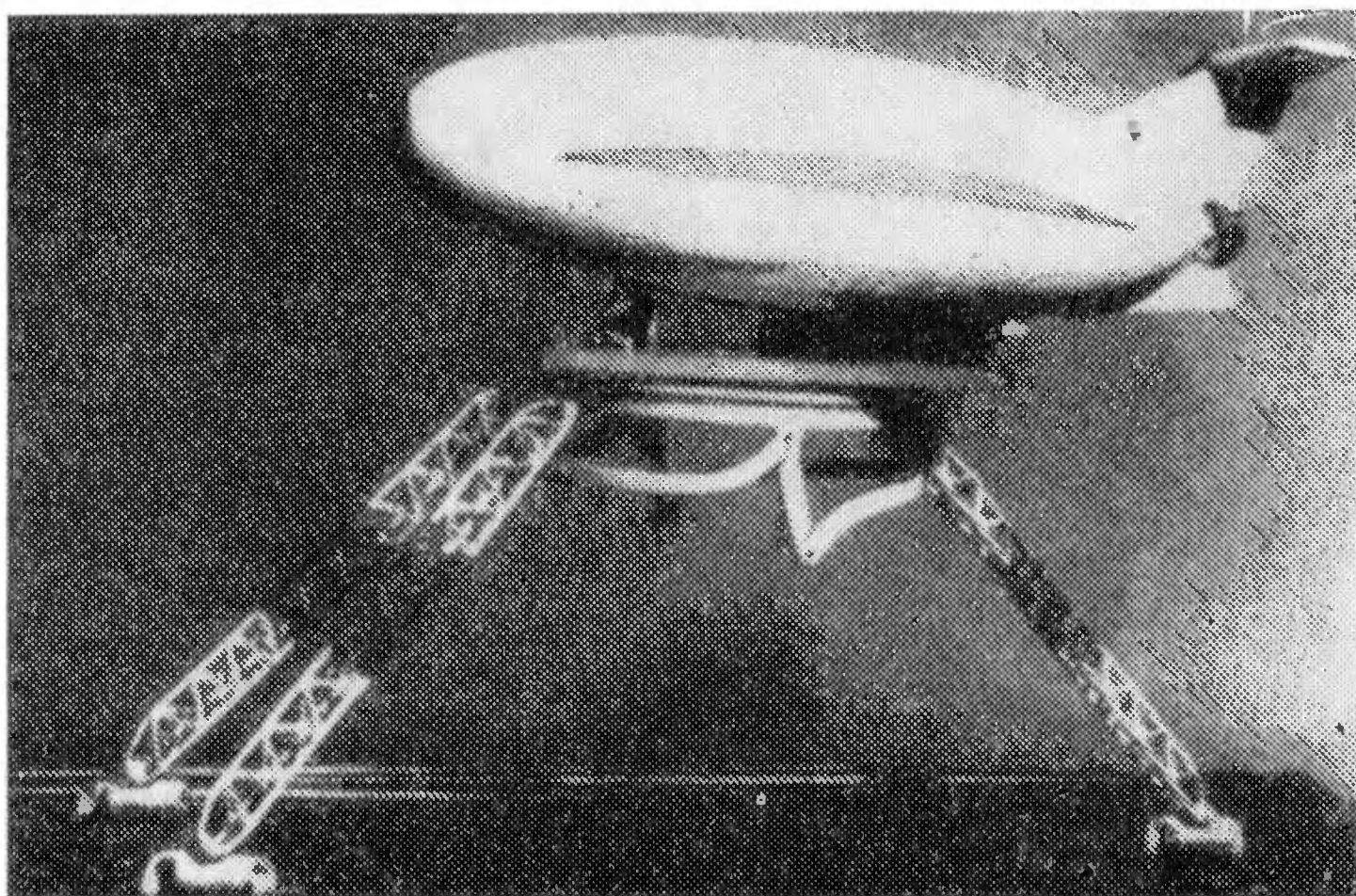

Дважды Герой Советского Союза И. Д. Папанин в городе Долгопрудном в день 35-летия со дня гибели отважных дирижабlistов.

Макет цельнометаллического дирижабля конструкции К. Э. Циолковского.

Летающая модель дирижабля конструкции Киевского общественного конструкторского бюро по воздухоплаванию.

Мальчик замер, ожидая, что скажет командир.

— Ты здешний? — немного подумав, спросил Николай.

— Ага.

— Ну тогда давай, помогай нам. Становись к окну и, как только увидишь знакомую местность, поселок, городок, тут же докладывай. Ясно?

Глаза парнишки заблестели.

— Есть смотреть, узнавать местность, докладывать, — очень серьезно отчеканил он.

Все ребята, намаявшись, приткнулись друг к другу прямо на полу, уже спали.

Ваня не отходил от окна. Всматривался.

Они пересекли железную дорогу. Рельсы, поблескивая в темноте, уходили вправо. Слева показалось множество огней. Город. Николай повел корабль к нему.

Вдруг Ваня радостно вскрикнул:

— Товарищ командир, это Макеевка, точно, Макеевка! Я узнал. Вон две трубы и еще одна... Это мартеновские печи.

— Не ошибаешься?

— Нет, мы летали здесь. Макеевка это.

— Тогда все в порядке, — обрадованно сказал Николай. — От Макеевки по компасу дойдем.

В три часа ночи, прокружив над полями и долами пять часов, на последних литрах бензина подошли они к Донецкому аэродрому.

Их там ждали. Вовсю светили прожекторы. Когда луч ударил в окно гондолы и осветил все очень ярко, проснулись разом все ребята, бросились к окнам.

— Где мы?

— Домой прилетели.

— Ну, Ваня, — Николай крепко обнял мальчишку. Так по сердцу ему он пришелся, даже расставаться жалко было. — Что я тебе скажу: глаз у тебя примет-

ливый, смелость есть, в беде не теряешься. Будешь летчиком. От души желаю *.

...Каких только полетов не бывает у дирижаблистов! На дирижаблях, на аэростатах... Но разве это все? Тут еще шары-лилипуты, или, как их еще зовут, шары-прыгуны, появились. Зачем их только придумали?! Когда Анна Федоровна видит в воздухе эти маленькие, словно игрушечные, шары и под каждым сидящего просто на дощечке, свесив ноги, как на качелях, аэронавта, у нее сердце совсем обмирает. Иной раз они летят прямо над домом, и Коля кричит ей оттуда:

— Мама, готовь наши, сибирские, пельмени, скоро придем впятером!..

Махнет ей рукой, и ветер унесет его.

До чего же любят они эти полеты! И не только парни, девчонки не меньше. Усядутся на дощечке, оттолкнутся от земли ногами и пошли вверх, сбрасывая по горстке-другой балласт (песок) из мешка. И так, видно, хорошо им там, в вышине! Анна Федоровна только дивится, глядя на них...

А понять их можно. Это ведь совсем особое ощущение, когда аэронавт высоко в небе один на один со стихией. Тут-то и вырабатываются необходимые аэронавту быстрота реакции, мастерство. Шар плывёт в свободном полете по воле ветра и со скоростью ветра. Внизу лес шумит, макушками машет, а здесь никакого движения, положи на колени листок бумаги — не улетит... Регулировать направление невозможно, а высоту вполне. Сбросил побольше балласта — пошел вверх, стра-

* Иван Яковлевич Ветренко действительно стал летчиком. В годы Великой Отечественной войны сражался с гитлеровцами на штурмовиках Ил-2 и Ил-10.

вил газ — стал опускаться. Правда, бывает, воздушный поток подхватит и бросит шар на сотни метров вверх или вниз. Дух захватит, в ушах засвистит, земля дыбом встанет, а аэронавт зорко следит за приборами.

Бывает, полет продолжается пять, шесть часов, ветер уносит их за сотни километров. В воздухе шары то сходятся, то расходятся. Они перекинутся словечками, и опять ветер разбросает их. От долгого сидения ноги устанут болтаться. А рядом облако, взбитое, как перина, чистое. Прилечь бы на него. Только обманчива эта перина: дотянулся, взял горстку облака, а оно между пальцев ушло...

На закате, в тишине с земли особенно ясно все слышно. Как женщины ведрами гремят у колодца, голосисто переговариваются, собаки лают, балалайки бренчат...

Когда пролетают над деревней, вызывают несусветное удивление, а то и переполох. Николай рассказывал: надо было ему как-то срочно сообщить в порт о месте приземления, а телеграфных столбов не видно. Он снизился и закричал:

— Эге-е-й, где у вас телефо-о-н?

Все сразу стихло: и ведра, и женщины, и балалайка, даже собаки лаять перестали...

— Скажите, где у вас поблизости телефо-о-н?

В ответ ни звука. Как вымерло все. И вдруг:

— Ша-а-р! Воздушный ша-ар!! — завопили мальчишки и бросились вдогонку вдоль улицы.

— Ну и напужал, нечистая сила! — загорланил мужик. — Вертай наза-а-ад, там сельсовет и почта-а-а! А сельпо уже закрыто, ничего уже не купишь!

Легко сказать: вертай назад! Что он, на дирижабле или на самолете?!

Мужик сорвал с головы шапку, замахал:

— Спускайся скорее, самовар у нас поспел!

— Спасибо за ласку, но нужен телефон, обязательно.

Высыпал остаток балласта и пошел вверх.

— Улета-а-а-е-т!!.

В голосах мальчишек слышалось разочарование, даже обида...

Потом Николай жалел: надо было, наверно, ему опуститься не в большом селе, где сельсовет и почта, а в той заброшенной среди лесов деревушке, где так душевно были ему рады.

...Сибирских пельменей Анна Федоровна крутила не на пять человек, а целую гору. Друзей у Коли много, приходили запросто. Молодым, еще не устроенным в жизни ребятам было хорошо в обжитом семейном доме, где хозяйка угостит по-домашнему, а если когда и отчитает за что, видно, так и надо. Характер Анны Федоровны они знали — что думает, скрывать не станет, выложит все до конца — и не обижались.

Заходили и позаниматься перед экзаменами, и когда готовились к полетам. Народу в комнату набьется полно, на кровати, на стульях, на подоконнике примостятся. Спорят, спорят... К шуму Анне Федоровне не привыкать, у нее все равно от своих ребят он в доме не прекращается.

Когда нарабotaются, устанут, запустят патефон. Поставят на подоконник, чтобы дальше слышно было, а сами вниз.

Сверху, прыгая через две ступеньки, уже сбегает Костя Новиков вместе со своей Тоней и, подхватив ее высоко на руки, кружит. А потом опустит на землю и осторожно ведет в танце. Уж очень много у него силушки, так и рвется наружу, а Тоня хрупкая, тоненькая.

Когда-то, еще в империалистическую войну, Костю, пятилетнего, потерявшего родителей, совсем обессиленного от голода, подобрали и приютили бездетные Ме-

ланья Григорьевна и Павел Андреевич Новиковы из села Волоконовка, что под Воронежем. Дали ему свою фамилию, отчий дом, материнскую и отцовскую любовь. А жизнерадостный характер у него, может, от рождения такой.

Алеша Бурмакин танцует небрежно, как бы с ленцой, изредка встряхивая свесившимся на глаза русым чубом: я, мол, и не так могу!

А Тарас Кулагин подхватит хорошенькую Нюсю, плутовски подмигнет Николаю:

— Красивые у тебя сестренки, Коля. Подрастут, всех разберем, ни одной тебе не оставим.

Нет, видно, не станет Тарас дожидаться Колиных сестренок. Закружил, завертел Нюсю, так что у той косички взметнулись от восторга, и нет уже Тараса... Понятно! Есть тут одна девушка, синоптик их порта — Нина...

...В вагоне было тихо. Свернувшись калачиком, не раздевшись, уснула на верхней полке Томка. Анна Федоровна раздела ее, сонную. За окном метель туманила бегущие по обочинам деревья. Светлое пятно их окна скользило по сугробам.

Подсевший под Орлом летчик в новом синем мундире со скрипучими ремнями и крылышками на рукавах, как у Николая, взглянув на Анну Федоровну, спросил:

— Что, мамаша, пригорюнились?

Анна Федоровна замялась. Летчик совсем не походил на Николая. Ниже ростом, плечистее. И глаза не голубые, хотя такие же внимательные. А вот взглянула на него и еще больше растревожилась.

— Сын у меня в полете, — доверительно сказала она.

— Что вы, мамаша! — удивленно собрал на носу морщинки летчик. — В такую-то погоду?! Вы уж поверьте мне, ваш сын сейчас наверняка дома, пьет чай. Или, еще лучше, с девушкой в кино.

Анна Федоровна покачала головой:

— В полете он, чувствую.

И, сев на лавку, прикрыла глаза, слушая drobный перестук колес. Скорее бы Москва!..

Летчик был лишь в одном прав. В эту разгулявшуюся непогоду все самолеты действительно были на приколе. А дирижабль В-6 продолжал свой полет.

VII

Плыли на высоте двухсот метров. За окнами гондолы снова за клубилась, неохотно отползая, белесая масса. Солнце покинуло их, и надвинувшаяся толща облаков все упрямее прижимала корабль к земле. Снег потускнел, и уже не мчались от него навстречу мириады искорок.

Пока была видимость, старались держаться под облаками, временами цепляли оболочкой за их взлохмаченные уступы, без всяких усилий таранили свисающие на пути бесформенные глыбы.

Внизу, в серой хмурости дня, виднелись все те же заснеженные, покрытые лесом холмы. Сверху казалось, что кто-то перепахал всю эту землю, а заборонить и засеять не успел. И выросли на вывороченных глыбах бурьян и игрушечные елочки.

Неожиданно буераки, навалы снежных сопот расступились, показалось гладкое заснеженное поле — Янд-озеро. Ого, где они уже — скоро Кольский полуостров! Не успели поравняться с озером, как снова вошли в облака.

Снаружи доносился ровный гул моторов. Несмотря на меховые комбинезоны, всех понемножку стал пробирать холод. Поеживаясь, все чаще разминались, чтобы

согреться. Сказывалось, что в полете они уже почти сутки.

Запела морзянка, в эфир вышел Мурманск. Ободзинский.

«Коля, имей в виду: не четыре, а две тысячи. Погода изумительная. Играет северное сияние. Команда на месте. Горючее на месте. Что тебе еще надо?»

Как только было получено от правительства разрешение на вылет В-6, Иван Ободзинский специальным самолетом вылетел в Мурманск. По дороге сделал остановку в Ленинграде, подобрал в Управлении Главсевморпути карты Кольского полуострова, необходимые в дальнейшем полете карты Скандинавских стран, Норвежского и Гренландского морей, Исландии, Гренландии, Шпицбергена. За два дня подготовил в Мурманске стартовую команду, подвез на Кильдин-озеро, где В-6 должен швартоваться, горючее, газгольдеры.

«...Не четыре, а две тысячи...»

Гудованцев нахмурился. Впереди Хибины, чтобы пройти над ними, надо будет подняться на высоту тысяча пятьсот метров, а для этого придется сжечь часть газа. И тех двух тысяч кубометров, завезенных на Кильдин-озеро, будет недостаточно. Очевидно, больше газа там нет. Был бы, Иван бы из-под земли достал. Выход искать придется им. Скорее всего надо будет облегчить корабль, отказавшись от какой-то части груза, оставив его в Мурманске. Это не так просто. Все взятое крайне необходимо.

— Передай: пусть приготовит поесть и обогреться, — сказал он ожидавшему ответа Чернову. — Долго задерживаться не будем.

— Есть.

Чернов чуть помедлил.

— Николай Семенович, — вдруг сказал он, — а помните северное сияние на подлете к Свердловску, в декабре, когда мы летали туда? Вдруг среди ночи будто заря занялась, и мерцает то сильнее, то тише... Я сначала ничего не понял.

— Еще бы! — сразу откликнулся Гудованцев. Он посмотрел в окно на появляющийся вдали и исчезающий в облаках горизонт. — Вот так, слева по курсу сияние горит, а справа, помнишь, темнота, и в ней огни новостроек рассыпаны. Удивительное зрелище!..

— Как думаете, застанем в Мурманске? — с надеждой спросил Чернов. — Там же оно во все небо!

— Обязательно, — понимающе кивнул Николай. — Если не в Мурманске, то уж дальше-то увидим, мы же в Арктику летим. Там оно куда более мощное!..

Вася Чернов снова подсел к передатчику. Необыкновенная, фантастическая картина северного сияния захватила воображение. Представились сказочные, неправдоподобные, почти живые нити красок, в трепет-

ном непрекращающемся движении уходящие в бездонную высоту... Очень хотелось увидеть наяву.

...С мальчишеских лет не давало ему покоя желание увидеть, что скрывается там, в далекой неизвестной дали, где он еще не бывал. Родной город Барнаул на Алтае. Летом во время каникул, взвалив на спину рюкзак, отправлялся вместе с друзьями-одноклассниками в глубь этого дикого, полного тайн края. Они шагали по охотничьим тропам и без троп, стараясь идти по отметинам копыт диких косуль — где прошел зверь, там и человеку легче.

Рядом в прорези гор пенно металась Чара, кричала им:

— Поборемся!

— Поборемся! — отвечали они.

И, раздобыв у местных жителей лодчонки, крепили к их бортам бревна — для устойчивости — и неслись вниз по норовистым перекатам, с головы до ног окаченные ледяными брызгами. Гнулись в их руках шесты, отводя удары о камни.

Гудованцев подошел к Ритсланду и, увидев, с какой озабоченностью тот рассматривает навигационные карты, спросил:

— Что у тебя?

Алексей поднял голову:

— Старые карты, командир, неточные. Большие расхождения с рельефом местности. И они все равно что плоскостные. Смотри. — Ритсланд кивнул в окно. Вдали, в дымке, медленно плыли покрытые лесом холмистые гряды. — А на карте одна зеленая низменность.

— Других карт нет, — с сожалением сказал подошедший к ним Мячков. — Мы с Николаем в институте геодезии все переворошили.

— Пока видимость есть, не страшно, — подумав, сказал Гудованцев. — Стемнеет, пойдем выше. Но до Хибин гор здесь не должно быть.

...Забравшись под бьющий заледенелыми краями брезент, Ширшов и Федоров прикручивали к лыжным палкам магниевые ракеты, готовили факелы. Если опять начнет ломать лед, надо же хоть что-то видеть — куда, на какой мало-мальски надежный обломок перебраться.

Угломонится ли хоть немного этот сумасшедший ветер?! С двадцатиградусным морозом он нестерпим, словно теркой сдирает на лице кожу.

Неожиданно ветер выхватил из-под брезента бидон с продовольствием и погнал к полынье. Эрнст метнулся к нему, успел схватить, но, не удержавшись, сам покатился. Только у края льдины сумел ухватиться за спасительную ледышку. Подлетевший Папанин так рванул за малицу*, что крепкая оленья шкура затрещала.

— Ближко к краю не подходить, — объявил после этого всем Папанин. — Если что-либо случится с кем-нибудь из вас, считайте: пропали двое, мне тогда тоже нет смысла возвращаться на землю.

Быстро нашел в темноте нужный тук — полярная ночь научила работать на ощупь. Достал связку черных флажков и тут же стал расставлять по краям льдины, отгораживая пропасть.

— Теперь у нас один девиз: смотри да смотри!

...Иван Паньков шел по килю к корме. По бокам, у самой килевой дорожки, в метровые иллюминаторы лился снизу свет, и в них было видно, как под кораблем

* М а л и ц а — одежда из оленьих шкур.

мерно покачивалась и уходила назад земля — все те же леса, снега... На киле было светло, и глаз привычно охватывал все сразу: отходящие от стальной балки килы шпангоуты, соединяющие их стрингеры — они шевелились на шарнирах, дышали вместе с оболочкой, — подвешенные на шпангоутах красные баки с горючим и маслом, голубые — с балластом, тянувшиеся через весь киль к рулям штуртросы, тросы газовых и воздушных клапанов, идущие к манометрам газовые трубки, трубки бензопроводов — все это кажущееся хаотичным, а на самом деле строго упорядоченное переплетение.

Придирчивым взглядом он осмотрел все до каждой мелочи, проверил натяжение штуртросов, наличие горючего в баках. Все было в норме.

Паньков уже четвертый год летает на этом корабле — с ноября 1934 года, когда В-6 был выпущен дирижабельной верфью. С тех пор корабль был много раз испытан в сложных и дальних полетах. Самое трудное испытание было пять месяцев назад, когда в штормовой ветер, туман, ливневый дождь корабль прошел без посадки и пополнения горючим пять тысяч километров, пробыв в воздухе сто тридцать часов.

Они установили тогда мировой рекорд длительности полета, побив рекорды дирижаблей всех типов — норвежского «Норге» (конструкции Нобиле), английского R-34, немецкого LZ-127. И, возвратившись в порт, рады были увидеть, что корабль в полной исправности, и они могут тут же отправиться на нем в новый полет.

Не сразу научились они строить такие мощные, сложные по конструкции корабли, как В-6. Не сразу научились водить их.

Специалистов вначале остро не хватало. Поэтому в Советский Союз были приглашены итальянские дирижаблестроители во главе с прославленным конструктором дирижаблей и командиром-пилотом Умберто Нобиле.

Возглавив конструкторское бюро, Нобиле взялся за дело с горячностью итальянца и деловитостью ученого. Он никогда никому ничего не порекомендовал, сам ходил между столами и кульманами, проверял, помогал найти лучшее решение. Порою был упрям, отстаивал свое, непримиримо спорил, как-то особенно чеканно выговаривая трудные для него русские слова. Советские конструкторы, набираясь опыта, с каждым днем все больше предлагали своего и тоже отстаивали. Особенно убежденно отстаивал свои конструктивные предложения ведущий инженер по сборке дирижабля В-6 комсомолец Михаил Кулик. Уловив что-либо ценное, Нобиле отбрасывал горячность и заинтересованно вникал в предложенное.

В-6 по своей конструкции подобен итальянским дирижаблям «Норге» и «Италия», созданным Нобиле. Но он строился уже из иных материалов, с иной технологией. Для металлического киля, шпангоутов, стрингеров, носового и кормового усиления была использована лучшая, не поддающаяся коррозии легированная сталь отечественного производства. Сварка заменила устаревшую, менее совершенную пайку. В специальной лаборатории каждый узел корабля проходил сложные испытания на прочность.

Итальянцы приехали в Долгопрудный с семьями. Привезли с собой по-южному темпераментную речь и не менее темпераментную жестикуляцию. К непонятному, быстрому и в то же время напевному говору раньше всех привыкли, приняли его как что-то свое дети. Они быстро перезнакомились, в общих играх легко перемешивались русские и итальянские слова, азарт игры сглаживал все недомолвки. А когда из раскрытых окон разносилось: «Марьюча-а! Кончита-а-а! А каза, престо!!!» — Все понимали: это же наше — Маша-а, Катя-а, домо-о-й!!

Нобиле приехал без семьи. Только некоторое время

спустя, уехав ненадолго в Италию, вернулся оттуда с дочкой — пятнадцатилетней, синеглазой, черноволосой красавицей Марией. На рукаве у него появилась черная траурная повязка: в Италии он похоронил жену.

Жил он замкнуто. Вечерами можно было видеть его неторопливо шагающим по дощатым тротуарам поселка (ни булыжника, ни тем более асфальта тогда еще не было). Он уходил по улице далеко, к самому парку, а вернее, к их долгопрудненскому лесу, по-прежнему густому, тенистому, с пробитыми уже кое-где аллеями.

Худощавый, подтянутый, с седеющей головой и пронизательным взглядом черных очень живых глаз, в которых пряталась никогда не оставляющая его боль пережитой трагедии — катастрофы дирижабля «Италия».

Из-за отворота серого английского кроя пальто, поблескивая золотым зубом, выглядывала его любимица — маленькая белая с черными пятнами собачонка. Титина! Он с ней никогда не расставался, она была как бы его талисманом, во всех полетах неизменно была с ним.

Он спускал ее на землю, она носилась, задиристая, а вокруг нее крутились ребятишки, в восторге крича:

— Титина, покажи свой зуб!

Незаслуженно униженный за постигшую его неудачу, преследуемый фашистским правительством Муссолини, Нобиле на советской земле нашел понимание и достойную оценку своей работы, таланта конструктора — создателя дирижаблей. В ответ на бескорыстную помощь, которую оказала ему Страна Советов в страшную минуту постигшей его экспедицию катастрофы, он отдавал все свои силы и знания советскому дирижаблестроению.

...Нобиле довелось дважды участвовать в арктических полетах на дирижабле к Северному полюсу.

Первый на дирижабле «Норге» состоялся в 1926 го-

ду. Организовал и возглавил его великий норвежский исследователь Руал Амундсен (за год до этого Амундсен пытался достигнуть полюса на двух гидросамолетах, но его постигла неудача).

Дирижабль «Норге» конструкции Нобиле был куплен в Италии на деньги американца Элсворта, который сам принял участие в полете, Нобиле летел командиром корабля.

Старт состоялся в городе Кингсбей (архипелаг Шпицберген). Нобиле благополучно провел дирижабль над Ледовитым океаном, над Северным полюсом и посадил на Аляске. За этот полет ему был присвоен чин генерала.

В 1928 году Нобиле предпринял второй полет к Северному полюсу, уже как руководитель экспедиции и командир дирижабля «Италия».

Стартовал опять из Кингсбея. Полет этот закончился трагически. Долетев до Северного полюса, дирижабль два часа кружил над ним. Сильный ветер так и не дал возможности высадить на лед группу ученых для проведения океанографических и астрономических наблюдений, как это предполагалось сделать. На обратном пути к Шпицбергену дирижабль неожиданно стал резко терять высоту. Никакие принятые меры не помогли. От страшного удара о торосы гондола оторвалась, и десять человек (в их числе и Нобиле) оказались выброшенными на льдину. Один из них — моторист Помелла — был убит при падении. Остальные в разной степени ранены. Шестеро из экипажа были унесены облегченным дирижаблем и бесследно исчезли. По счастливой случайности на льдине вместе с уцелевшими людьми оказались запасы продовольствия, палатка и запасной коротковолновый радиопередатчик.

Десять дней мир ничего не знал о судьбе дирижабля и находившихся на нем людей. Радиостанции многих стран, тысячи радиолюбителей с волнением искали

в эфире, звали исчезнувший корабль. Ответа не было. И вдруг на десятый день молодой советский радиолюбитель из деревни Вознесенье-Вохма Северо-Двинской губернии комсомолец Коля Шмидт своим самодельным коротковолновым приемником поймал неясные обрывочные позывные дирижабля «Италия» и «SOS».

Корабли и самолеты Норвегии, Швеции, Финляндии, Советского Союза, Франции поспешили на помощь терпящей бедствие в Ледовитом океане экспедиции. Советский Союз направил в предполагаемые районы катастрофы ледокольные пароходы «Малыгин», «Седов», «Персей» и самый мощный в мире ледокол «Красин». На борту «Малыгина» и «Красина» находились самолеты лучших полярных летчиков: Михаила Сергеевича Бабушкина и Бориса Григорьевича Чухновского.

Одно лишь фашистское итальянское правительство не спешило с оказанием помощи своим соотечественникам. С самого начала отказавшись субсидировать эту экспедицию, оно отнеслось к ней как к частному мероприятию и даже создавало немало препятствий при ее подготовке. Правда, в случае удачи, как это было уже при полете «Норге», успех экспедиции был бы тут же приписан фашистскому режиму и считался бы успехом этого режима. В случае же неудачи...

Нобиле было отказано в получении двух гидропланов, которые могли бы стоять в Кингсбее наготове на случай беды, хотя авиационная фирма согласна была предоставить их бесплатно. А когда беда случилась и норвежское правительство предложило Италии поставить во главе спасательных работ Руала Амундсена, как никто другой знавшего сложные арктические условия, итальянское правительство отказало и в этом. Прилетевшие из разных стран на Шпицберген летчики вынуждены были действовать в одиночку, несогласованно, каждый по своему усмотрению. Амундсен все же вылетел на поиски Нобиле на французском самолете «Ла-

там». Но до Шпицбергена он не долетел. Самолет бесследно пропал, потерпев аварию где-то в океане.

Командир стоявшего у Шпицбергена вспомогательного итальянского судна «Читта ди Милано», которое являлось базой экспедиции, полностью бездействовал. Радист с «Читта ди Милано» выходил на связь с лагерем Нобиле лишь раз в сутки, да и то на такое короткое время, что радист лагеря не всегда успевал сообщить координаты. А из-за непрерывного дрейфа льдов они все время изменялись.

Почти месяц прошел, прежде чем летчикам удалось обнаружить затерявшийся во льдах лагерь потерпевших катастрофу. Еще через четыре дня шведский летчик Лундборг смог опуститься на своем легком самолете на льдину и вывезти раненого, с переломанной ногой Нобиле.

Как и положено командиру, Нобиле намеревался покинуть льдину последним, так он и записал в составленном им списке очередности вывоза людей. Но Лундборг наотрез отказался взять на борт кого-либо другого, заявив, что у него приказ командования вывезти в первую очередь именно Нобиле. Нобиле колебался. Зная о полной бездеятельности капитана «Читта ди Милано» Романья, он рассчитывал, что, прилетев в Кингсбей, получит возможность принять самые действенные меры по спасению своих товарищей — и тех, что сейчас находились с ним на льдине, и группы шведского ученого Финна Мальмгрена, месяц назад ушедшей из лагеря по льду в направлении земли, и тех, кого унес при катастрофе искалеченный, неуправляемый дирижабль. Посоветовавшись с товарищами, он согласился лететь. Какой же ценой пришлось ему потом расплачиваться за это решение!

Едва он очутился на «Читта ди Милано», как тут же был отстранен от всех дел. По существу, он очутился под домашним арестом. Отдавать распоряжения он

уже не мог, его советы игнорировались. Он мог лишь умолять летчиков лететь — во имя человечности! Он просил взять его с собой, потому что лучше кого-либо другого мог навести самолет на лагерь! Но и в этом ему было отказано. Все действия по спасению потерпевших катастрофу людей намеренно затормаживались.

Вся надежда оставалась на советские ледоколы и советских летчиков. Ледокол «Малыгин» шел с восточной, наиболее трудной в ледовом отношении стороны Шпицбергена. Летчик Бабушкин, проявляя чудеса в искусстве пилотирования, непрерывно летал в разведывательные полеты. Но частые туманы препятствовали поискам, ему приходилось делать вынужденные посадки на незнакомый, уже сильно подтаявший лед. Пятнадцать раз он совершал такие посадки, пока не доломал лыжи на самолете и вынужден был прекратить вылеты.

А Чухновскому выпала удача. Ледокол «Красин», шедший с западной стороны Шпицбергена, сумел пробиться сквозь тяжелые льды до таких широт, куда до него не доходил еще ни один корабль. У ледокола сломалась лопасть винта, повредился руль, в любую минуту льды могли проломить его стальные бока. Аварийный запас продовольствия и горючего, палатки и спальные мешки уже были сложены на палубе на случай катастрофы. А они все пробивались. Понимали: если не пройдет «Красин», никакому другому кораблю тут уже не пройти.

Через полтора месяца со дня катастрофы, 10 июля, на трехмоторном самолете «Красный медведь» поднялся в воздух летчик Чухновский. Пролетав в безрезультатных поисках более двух часов, он уже повернул назад, когда бортмеханик Шелагин, чуть не задохнувшись от радости и волнения, вдруг закричал: «Люди!» Это была никем еще не обнаруженная группа

Мальмгрена, о судьбе которой после ее ухода из ледового лагеря не было абсолютно ничего известно. Посадить тяжелый самолет на мелкобитый лед Чухновский не мог. Из-за налетевшего тумана не смог он и вернуться к ледоколу. Горючее было на исходе, и ему пришлось сделать вынужденную посадку на ледяном припае у пустынного острова Вреде, поломав при этом шасси и винты. Но он сумел передать на «Красин» по радио координаты увиденных им людей. От помощи себе категорически отказался. «Считаю необходимым «Красину» срочно идти спасать Мальмгрена», — радировал он. «Целую Чухновского!» — пришла короткая радиограмма от Нобиле.

Через два дня «Красин» поднял на борт двух итальянских офицеров — Цаппи и Мариано. Мальмгрена уже не было в живых. Раненный при катастрофе, он не вынес тяжелого перехода через ледяные торосы и погиб в пути. В тот же день «Красин» снял со льдины и основную группу пострадавших — пять человек. Радости спасенных и тех, кто пробивался к ним чудовищно трудным ледовым путем, не было границ...

«...Бог спас их руками безбожников», — сказал об этом потом папа Пий XI.

Судьба третьей группы, унесенной дирижаблем, — группы Александрины — продолжала оставаться неизвестной. Несмотря на полученные повреждения, «Красин» готов был продолжать поиски. Руководитель экспедиции Рудольф Лазаревич Самойлович обратился к капитану Романья с просьбой выделить ему два самолета, без которых продолжать поиски было невозможно. Капитан Романья отказал, ответив: «В соответствии с указанием моего правительства не считаю необходимым идти на поиски третьей группы».

«На фоне этих гнусных поступков еще ярче сверкает легендарный подвиг «Красина», подвиг, который останется в анналах истории полярных исследований не-

превзойденным примером солидарности людей», — сказал впоследствии Нобиле.

При возвращении «Красина» все встречавшиеся с ним корабли поднимали флаги в знак великого уважения к отважным, самоотверженным морякам Страны Советов.

Устранив в Норвежском порту полученные повреждения корабля и самолета Чухновского, «Красин» снова ушел во льды Арктики и искал группу Александрины до поздней осени, избороздив многие километры ледового океана. Только когда арктические морозы стали накрепко сковывать льды и дальнейшие поиски были уже совершенно невозможны, ледокол повернул назад.

За неудачу экспедиции Нобиле был сразу же лишен генеральского чина, который он получил за полет на «Норге». А по возвращении в Рим был даже судим. Вскоре был подписан приказ о его отставке. Герой, потерпевший неудачу, фашистскому правительству был не нужен. Тем более что Нобиле никогда не скрывал своего неприязненного отношения к фашистскому режиму. (Долгое время он был в эмиграции, вернулся на родину только после падения фашизма. В 1946 году Нобиле баллотировался в Учредительное собрание как независимый, по списку коммунистов.)

...Когда В-6 был построен, Нобиле много летал на нём, консультировал экипаж в полете. Летал и когда необходимость в консультациях отпала, когда командиры и штурманы полностью освоили особенности вождения этого корабля. Нобиле любил летать, у него сразу поднималось настроение, как только он входил в гондолу. Он был горд, когда видел красивое решение командирами и штурманами какой-либо аэронавигационной задачи. Был строг в соблюдении дисциплины, зная, как важна она в полете. И все же одну вольность, недозволенную другим, себе разрешал. Не дожидаясь

посадки корабля, еще на стометровой высоте, распахнув дверцу гондолы, стоял в проеме, наслаждаясь прекрасным ощущением полета — какой-то очень легкий, праздничный, в своем неизменном синем свитере, с развевающимися на ветру густыми волосами. Титина, преданно поглядывая на него, вертелась тут же, у его ног.

Ох уж эта Титина! Удивительно, как свято верил Нобиле в инстинкт и чутье своей собачонки. Он, и садясь в корабль, первой пускал ее, и входил в гондолу лишь после того, как Титина вскарабкается туда по трапу. Если же она не желала лезть, крутилась возле гондолы и всячески увивалась, он даже отменял полет. Он говорил: «Если бы я послушался Титину тогда, в Кингсбее, не было бы того несчастья...»

А на корабле от этой неугомонной собачонки никому не было покоя. В течение всего полета она шныряла по тесной гондole, лезла под ноги, мешала работать.

Как-то Миша Никитин перед отлетом возился с масляными фильтрами, протирал, очищал их. А Титина тут как тут — лезет, нюхает, фыркает от недовольства...

— Топай, топай отсюда, — внушал он ей.

Только прогнал, а она вынырнула с другой стороны, маленькая, настырная, поблескивает золотым зубом, словно подсмеивается. А потом хватить лапой, и смахнула все фильтры на пол.

— Ну, погоди, я тебя проучу! — не выдержал Миша. — Митя, встань, загороди, чтобы никто не видел, — попросил он Матюнина.

И когда тот, заговорщицки усмехнувшись, загородил его собой, схватил собачонку за шиворот, сунул в мешок и отнес в кладовку.

— Посидишь весь полет, может, поумнеешь.

Но не тут-то было. Нобиле сразу же хватился своей любимицы. Заволновался, стал искать.

— Где Титина?

— Нет Титины.

— Пока не найдется, не вылетим.

Пришлось вытряхнуть торжествующе залаявшую собачонку из мешка. Только после этого корабль пошел в воздух.

...Проработав в Долгопрудном около пяти лет, Нобиле возвратился на родину. К тому времени на дирижабельной верфи уже были заложены новые корабли еще большей мощности по проектам советских конструкторов — ДП-16, ДП-9 (дирижабль полужесткий) емкостью 28 тысяч кубометров.

«...Пребывание в России принадлежит к счастливейшим периодам моей достаточно трудной жизни», — сказал позже о своей жизни и работе в нашей стране Умберто Нобиле.

...Плотно застегивая комбинезон и шлем, в рубку вошел Устинович. Окинул взгляд открывшийся перед ними широкий обзор. Солнце еще не село, лишь впереди, у горизонта, сгущались темные краски. Земля была видна хорошо. Сплошные облака немного приподнялись, дав кораблю какой-то простор.

— Иду на хребет, — сказал он штурвальным.

Те согласно кивнули. Значит, будут особо следить за ровностью хода корабля, не давать ему вскидываться.

Поднявшись в киль, Устинович прошел на нос корабля. В мягком свете плафона слегка поблескивало нержавеющей сталью ажурное переплетение носового усиления оболочки. В колодец между газовым отсеком и носовым усилением уходила вверх веревочная лестница. Перехватывая дюралевые перекладины, Устинович полез по ней. Он лез на самый купол летящего дирижабля. Этого требовала его работа корабельного инженера.

Добравшись до верха, открыл люк в оболочке, вы-

сунул наружу голову, плечи, привыкая к упругости ветра, который ударил его в затылок. Перед ним простирался покрытый снежной коркой хребет корабля, он мерно покачивался, опускался в глубину, снова всплывал, как огромная океанская рыба. По хребту, вдоль всей оболочки тянулся пеньковый канат, сейчас он был облеплен жестким снегом.

Устинович нащупал с боку лесенки мешочек с песком, взял его и, схватившись за канат, вскарабкался на оболочку. Постоял немного, входя в ритм движения корабля, и, слегка наклонясь, принаравливаясь к бьющему в спину ветру, пошел, пружинисто ступая. Снег звонко захрустел под ногами. Снежные корочки, разламываясь, с шуршанием заскользили по пологим бокам, сначала медленно, потом все ускоряя бег, пока где-то на крутизне не срывались стремительно в пустоту. Володя видел перед собой далеко уходящий к корме хребет корабля и каким-то вторым, боковым зрением эти скользящие кусочки снега, пустоту с обеих сторон, далекие контуры горизонта...

Он шагнул в сторону от каната, нагнулся, очистил от неподатливого снега небольшое углубление — колодец, где находился клапан, — послушал, не свистит ли, вырываясь сквозь щелку, газ. И, убедившись, что не свистит, все же постучал легонько мешочком с песком по клапану, чтобы предупредить образование малейшей щелочки.

Вернулся к канату. Пошел дальше, просматривая целостность перкала. По всей длине оболочки В-6 расположено десять клапанов. Кроме носового и кормового, они стоят попарно.

Газовые клапаны, пожалуй, самое уязвимое место в конструкции дирижабля. Большие встряски корабля, треплющий его ветер беспрестанно влияют на них, нарушая герметичность. Как знать, может, именно из-за них произошла катастрофа с дирижаблем «Италия»?..

Конструкторы немало поломали над ними головы и в конце концов сконструировали более надежные, автоматические. Их уже ставят на вновь строящихся кораблях. Но на этом корабле пока еще приходится, поднимаясь на хребет, заботливо ухаживать за постоянно требующими к себе внимания устройствами.

Устинович шагал по хребту этого почти «живого», лениво шевелящегося великана, настороженно следя за ним. Корабль вел себя дружелюбно, лишь иногда, как бы подразнивая, заваливался немного на бок. Устинович осмотрел четвертый и пятый клапаны, шагнул к следующей паре. И вдруг его резко качнуло. Он увидел, как корма, вздыбливаясь, пошла на него горой. Вздыбились и метнулись в сторону облака. Реакция у него сработала мгновенно, он кинулся грудью на канат, вклеивая тело в оболочку, схватил канат руками, а ноги, отыскивая упор, скользили, не находя его. Нет, не зря он был все время настороже! Хребет дирижабля не палуба морского корабля. Там есть леера (перила), а здесь, кроме лежащего на хребте каната, ничего...

Корма остановилась на мгновение, плавно повела рулями и, как бы вздохнув, пошла вниз. Корабль выровнялся и как ни в чем не бывало поплыл дальше. А Устиновичу пришлось расстегнуть ворот комбинезона — несмотря на мороз и ветер, стало жарко. Выждав немного, он поднялся и зашагал дальше.

Дойдя до кормы, обошел стабилизатор, проверив на ощупь натяжение расчалок. И, усевшись на хребте, достал бинокль, приложил его к глазам. Находящиеся ниже его рули, идущие к ним штуртросы, ролики вплотную придвинулись к нему. Внимательно оглядел все. Главное — ролики, чтобы штуртросы не соскочили с них. Убедившись, что все в норме, убрал бинокль.

Над головой всклокоченные облака. Багровое пятно солнца, пробившись где-то у горизонта, кинуло на них розовые краски. Серые, нахмуренные, они вдруг зарде-

лись. От них заиграла багряным цветом и оболочка корабля. Но ненадолго. Скоро все стало тускнеть. Внизу все затянуло сизой дымкой, накрывшей темные пространства лесов, снежные просветы полей. Там уже подступала ночь.

А здесь было еще светло и очень хорошо. И такой невероятный, хватающий за душу простор вокруг! Корабль медленно поднимался и опускался на большом дыхании. Спокойно, по-прежнему дружелюбно, и не подумаешь, что только что он чуть было не сыграл с ним злую шутку!.. Ветер хотя и напористо, но приятно обдувал. Уходить с «крыши» не хотелось. Но темнело очень быстро, земля становилась почти невидимой. Устинович поднялся.

Спустившись в гондолу, доложил Гудованцеву:

— Командир, наверху порядок.

Гудованцев удовлетворенно кивнул. Потом сказал громко всем, кто был в гондоле:

— На Кильдин-озере нас ждут. Заправка займет полчаса. И дальше, на север!

С кия после короткого отдыха спускались Паньков, Почекин, Мячков. Скоро смена вахт.

VIII

Двери квартир в этот день беспрерывно распахивались. 6 февраля — выходной, и все дома. Но у себя никому не сидится. Ведь в этом доме живут только дирижаблисты — волнения здесь одни на всех, и судьбы здесь так тесно переплелись, что каждый понимает другого без слов.

Вчера проводили в полет В-6. Ни один корабль не улетал еще в такую ожесточенную погоду. Но никогда еще и не было у них такого неотложного полета.

Все скрывали тревогу, прятали и от себя и от других. Женщины брались за домашние дела — их ведь всегда много, — старались только о них и думать.

Вернулась с дежурства Аня Чернова, радист их порта. Радостная, еще поднимаясь по лестнице, крикнула всем, кто там был:

— Полет идет хорошо. Прошли Петрозаводск. Погода наладилась. Я с Васей говорила. Всем привет!

И застучала ботиками к себе наверх.

— У Коли все в порядке! — крикнул сестрам Сашка Гудованцев и, перескакивая через две ступеньки, умчался на улицу.

Следом на площадку выскочила Нюся. Глянула по сторонам — подружек нет, кому бы рассказать хорошую новость. И, запахнув пальтишко, мурлыча Колину любимую «Ноченьку», тоже побежала вниз.

Вчера так же стояла

она здесь, прислонившись к двери, когда Коля уходил, и смотрела ему вслед, ждала, когда на повороте лестницы он махнет ей на прощание. А в квартире патефон протяжно и грустно играл: «...Ах ты, ноченька, ночка темная!..» Коля попросил ее поставить эту пластинку, пока он собирается в дорогу. И она запустила ее — один раз, а потом во второй и в третий... А когда внизу, в парадном, за Колей захлопнулась дверь, она побежала в комнату и, взобравшись на окно, открыла форточку, чтобы Коле слышно было, когда он будет проходить мимо...

Из квартиры напротив, вытирая мокрые руки, выглянула Шура Панькова.

— Ой, слава богу, а то места себе не находила!

У Шуры день сегодня особенный, у них с Ваней сегодня праздник, даже двойной. Но сейчас она не хочет об этом думать. Вот вернется Ваня, тогда уж...

А пока дала дочурке тряпочку — помогай, будь при деле. А сама на кухню.

Во всей квартире сейчас пусто, кроме них с Люсей, никого нет. Давид Градус и Миша Никитин там же, на В-6. Валя Градус уехала с Ниночкой в Ленинград, к родным, она еще и не знает об этом полете. Аня Никитина, несмотря на выходной, уехала в Москву, на работу, вернется поздно. Она всегда поздно приезжает, Миша горюет: совсем не видимся. И мечтает:

— Летом, в отпуск, увезу тебя в Гагры!..

Долго Шуре вдвоем с дочуркой быть не пришлось. В наброшенном на плечи пальто, принеся с собой морозный дух и снег на валенках, прибежала сестра Маруся, жена Володи Устиновича.

— Не могу дома одна, — поеживаясь, сказала она.

У Маруси с Володей, можно сказать, еще не прошел «медовый месяц», они на ноябрьские праздники поженились. Тогда тут сразу две свадьбы играли: Маруси

с Володей и Миши Никитина с Аней. Веселого шума было — на всех этажах, до самого верха!

— Это что за послание?

Маруся подняла упавший на пол листок бумаги.

Шура расхохоталась:

— Ваня написал, прочитай-ка!

— «Шуруп, вернись, керосинку отмою. Ты не трогай».

— Это он утром молоко поставил, — объяснила Шура, — а сам стал бриться. И не углядел. Как же, буду я дожидаться!

Она уже терла толченым кирпичом закоптелые, в накипи бока керосинки.

«Как ему жалко всегда бывает упущенного времени, — думала Шура, — видно, это потому, что ему самому времени всегда так не хватает!»

Она вспомнила, как однажды, застав ее за штопкой огромной груды чулок, он' покачал головой, а потом сказал:

— Эти часы из твоей жизни... Их не вернешь. Мы имеем возможность чулки купить новые.

Сгреб всю охапку — и в печку! (Они тогда еще в старом доме жили.)

Проводить Ивана в этот полет Шура не смогла. Не разрешил, как ни просила. Волновался за нее и за будущего сына. В том, что будет именно сын, оба уверены, только еще не решили, как назовут...

Она перебегала тогда от одного окна к другому, вслушивалась в свист ветра, стараясь уловить в нем гул моторов, высматривала ходовые огни поднявшегося корабля...

— Погода-то вон какая хорошая, гулять пойдем, — этажом выше говорила, заворачивая малышку в одеяло, Ксения Кондрашева. — Это вчера была метель, а сейчас и у них прояснилось. Не-ет, я за них спокойна. — Ксения приостановилась, глянула в подернутое инеем

окно. — Ведь перед отлетом всю оболочку еще раз осмотрела, в эллинге на стремянках всю облазила, каждый шов, каждую связку проверила. Глупенькая, разве ты знаешь, что такое оболочка? Это ведь в корабле самое главное.

Ксения окинула взглядом комнату — ничего не забыла? Вдруг какой-то непроизвольной волной нахлынуло воспоминание: как они здесь поселились год назад.

Они были так рады, что получили свою комнату! Пришли в нее в первый раз — втроем (Колин брат Жора тогда с ними жил). В комнате ничегошеньки нет, пусто. Коля кинул на пол кожаный реглан, уселись на него. А что дальше?

— Так и будем сидеть сложа руки? — встрепенулся Коля. — Ну-ка, Жора, бери деньги, беги в магазин, будем новоселье справлять.

И тут вдруг стук в дверь:

— Чего же на полу сидите? Вот вам табуретка, у меня лишняя.

И опять стук. Откуда-то стол появился. Потом топчан. Посуда самая разномастная... Когда Жора вернулся из магазина, стол уже накрывали по-настоящему. И все вокруг него.

Ксения вдруг встрепенулась:

— Нет-нет, нечего нам с тобой бояться, все у них будет хорошо! Коля нам обоим наказал, когда уходил: будьте всегда веселыми! И еще в дверях обернулся: — «Слышишь, Жучок, что бы ни случилось, всегда будь веселой!»

На улице зажмурилась от яркой белизны снега — за сутки его нанесло столько! По протоптанной глубокой тропке навстречу ей, смешно переваливаясь, катился пушистый меховой шарик. За красный шарфик, как за вожжи, придерживала этот «шарик» мама — Надя Лянгузова. Она нетерпеливо смотрела на Ксению.

— Все хорошо, не волнуйся, — поспешила успокоить ее Ксения, — они уже Петрозаводск прошли.

Над женщинами было ясное, чуть прикрытое дымкой небо. Они молча смотрели на него. Пусть оно все время будет таким для В-6! До самой цели!..

...Вечером, будто сговорились, к Вере Деминой одна за другой стали приходить подруги: Женя Ховрина, Люда с мужем Сашей Ивановым, Катя Коняшина...

— Ой, девочки, как хорошо, что пришли! — обрадовалась Вера. — Так грустно одной было. Давайте чай пить. Люда, доставай чашки.

И побежала на кухню ставить чайник. Потом бережно собрала со стола брошенные там блокноты, исписанные листочки, переложила на заваленный грудой ватмана, угольниками, линейками письменный стол.

— Сережа сказал: «Ничего не трогай, прилечу, доделывать буду».

Придвинули к столу стулья. Завесили газетой абжур, чтобы свет не падал на спящую Аллочку. Только голоса приглушить было трудно. Они непроизвольно то и дело вырывались громче, чем надо.

Тут собралась почти вся их летная девичья компания. (Саша не в счет). Ведь теперь они — первый в мире женский экипаж дирижабля. Вера — командир дирижабля В-1. Люда — пилот-штурвальный. Женя их бортмеханик. Не хватает сейчас только бортрадиста Ани Черновой.

Они уже летают самостоятельно, своим экипажем. В день 1 Мая участвовали в параде, в кильватерном строе дирижаблей проплыли над Красной площадью. А потом весь вечер низко летали над праздничной Москвой.

Сейчас всем им так хотелось бы быть на В-6! Очень уж трудно переживать со стороны.

Как там сейчас? Ведь В-6 первым летит в Арктику в зимнее время. Летавшие до него дирижабли «Норге», «Италия», «Граф Цеппелин» * были в Арктике летом, когда там полярный день, все время светит солнце. В-6 полетел в полярную ночь, чтобы не опоздать.

У этих парней с В-6, своих товарищей, девушки учились мастерству вождения корабля, умению не теряться в непредвиденных обстоятельствах, а трудные ситуации у них бывают нередко, когда в доли секунды надо принять решение и действовать. Люда много летала пилотом-штурвальным у Гудованцева (теперь квалификационной комиссией присвоено ей звание помощника командира). Вера, до того как стать командиром, летала помощником командира у Демина. Хорошо было в небе с ним рядом, надежным, сильным и требовательным! Даст ей штурвал глубины, самый ответственный, и отойдет, будто не смотрит, справляйся! А сам весь начеку, готовый прийти на помощь. И ведет она легко, смело, сама не верит, что корабль ее слушается!

А в начале-то даже поступить в воздухоплавательную школу девушкам было не так-то просто.

— Благодарю моего Колю, что тебя приняли, — рассмеялась Катя. — Они с Мишей Никитиным тогда в приемной комиссии сидели.

Как Вере хотелось летать! Это было первое в ее жизни самостоятельное решение. Вполне серьезное.

* Экспедиция в Арктику на дирижабле «Граф Цеппелин» в 1931 году была совместной германо-советской научной экспедицией. Руководителем научной части экспедиции был советский ученый, полярный исследователь Р. Л. Самойлович. Кроме него, советскую группу представляли: известный аэролог, изобретатель первого в мире радиозонда профессор П. А. Молчанов, один из ведущих специалистов по дирижаблям инженер Ф. Ф. Ассберг и радист Э. Т. Кренкель. Стартовав в немецком городе Фридрихсгафене, «Граф Цеппелин» пролетел по маршруту: Земля Франца-Иосифа (делая остановку в бухте Тихой) — Северная Земля — мыс Челюскин — остров Диксон — Новая Земля и возвратился обратно в Германию.

А ей не поверили, уж слишком зелена была. Сказали: подрасти сначала. Она, конечно, в слезы, хоть и старалась изо всех сил сдержаться.

Коняшин и Никитин увидели в ней что-то такое решительное, что сердца их дрогнули. И она была принята, правда, условно, вольнослушательницей.

На занятия она прибегала раньше всех. Любое задание выполняла так, как будто оно и есть самое важное. Любой наряд: промывать ли в керосине заржавевшие коробки от приборов, картошку ли на кухне чистить — пожалуйста! Только бы не выгнали!

А первый полет на аэростате!

— Вер, ты помнишь его?

— Еще бы!..

Надо же — первый полет — и почти катастрофа! Не всякая стала бы после этого снова летать.

Они стартовали тогда в Останкине. В корзине два парня и Вера. Когда сбросили часть балласта, земля сразу ушла вниз, Москва вдруг показала свои крыши, качнулась там, уже далеко... И все. Дальше они услышали странный свист и треск рвущегося перкаля. Аппендикс — тот самый, что придумал на их беду Шарль — оказался завязанным (а должно ему было быть развязанным), и образовавшееся на высоте сверхдавление в шаре разорвало оболочку. Спасло только то, что нижняя часть лопнувшей оболочки мгновенно втянулась внутрь, образовав вместе с верхней частью купол, как бы парашют. Они быстро выбросили за борт тяжелые мешки с балластом, приборы, все, что можно было...

Все же удар о землю был основательный. Не сразу пришли в себя. Но ни ног, ни рук никто не поломал, а синяки да шишки не в счет.

Упали посреди площади, где трамвай делает кольцо, чуть не на головы прохожих. Тотчас же к ним подбежал возмущенный нарушением порядка милиционер. Тяжело переводя дух, сердито сказал:

— Надо знать, где садиться! Нарушаете...

Но, увидев смущенные, расстроенные лица, разорванную оболочку, сразу подтянулся, отдал честь:

— Прошу прощения.

И обернулся к сбежавшимся людям:

— Граждане, граждане, расходитесь. Ну, чего не видели? Обыкновенный воздушный шар.

— Мы тогда решили: «Ну все, больше Верка в корзину не полезет», — потягивая из блюдечка чай, забасил Саша.

— Да нет, — засмеялась Вера, — все произошло так быстро, я даже испугаться не успела. А потом мы зачинили, заштопали оболочку и через неделю продержались в воздухе уже восемнадцать часов.

Да, девушки умели встречать опасность и в решительный момент делать именно то, что нужно.

А прыжки с парашютом! По-разному к ним привыкали. Кто быстро, кто не очень. Миша Никитин, заядлый планерист, перед прыжком неизменно бурчал:

— Пусть медведь прыгает, у него четыре лапы! — И... прыгал.

— Ой, девчонки, а как мы все без памяти в Колю Гудованцева влюблены были?! Саш, ты не слушай! — вздохнула Люда.

— Еще бы! — загорелась Женя. — И боялись! Как глянет синими глазами...

— Помните, как расхрабрились, пригласили его в Большой театр? — продолжала Люда. — Раздобыли четыре билета. В ложу! Я вот, Вера, Женя... Сидим в ложе, ждем. Его нет. Уже свет стал гаснуть, сейчас увертюра начнется. Вдруг вбегает... Запыхался, вспотел... наш старый начальник порта. Плюхнулся в кресло, скосил глаза: — «Так это вы-ы тут?! А я-то думал... У Николая полет. Отдал билет мне. Иди, — говорит, — в великолепную компанию попадешь!»

— А что, плохая компания? — вспыхнула Вера. —

Нам тогда только-только парадную форму выдали. Весь Большой театр на нас засматривался!

— Хотите, покажу одну вещь?.. — таинственно подмигнула Вера и, вынув из-за спины, кинула на стол толстую, сшитую грубыми нитками тетрадь.

— О-о, журнал Воздухоплавательной школы! — уважительно повертел его в руках Саша. — Год 1930-й. Сейчас посмотрим. Та-а-к, прямо, Вер, на тебя и попал. «Объявить выговор Митягиной В. Ф. за озорство в столовой...» Неплохо. Идем дальше. «За баловство в строю поставить на вид Чаадаевой Е. В.». Это тебе, Катя.

— Ну-ка, ну-ка, дай сюда, тут и про тебя, наверно, найдется.

Катя схватила журнал.

— Вот, пожалуйста: «...Иванову А. И. и Эйхенвальд Л. В. за хищение тарелок в столовой...» Ого!..

— Так это же из-за вашего пса Цеппелина, — пробурчал Саша. — Подобрали этого лохматого бродягу! Надо же было его из чего-то кормить.

Несмотря на столь пышное имя, пес был на редкость непредставительный, но удивительно добродушный и привязчивый, невозможно было не откликнуться на его ласку.

— А здесь вот что, смотрите. — Катя высоко подняла журнал. — «...поставить в пример выдержку и самообладание Эйхенвальд Л. В., проявленные ею в аварийной ситуации полета». Это когда в гондоле вдруг запахло горелой резиной и все бросились выяснять причину, помните?

Минута была тогда очень тревожной. Где горит? Что? Стоявшая у штурвала Люда не повела глазом — делала свое дело, вела корабль.

...В квартиру заходили новые люди — их друзья. Сережа Попов, Володя Шевченко. Вчера все так были огорчены, что не им довелось лететь. Володя находил-

ся в моторной гондоле, помогал запускать мотор. Вот уж кому не хотелось сходить с корабля! С досады даже шмякнул ушанку оземь. На корабле улетели лучшие друзья: Сергей Демин, Тарас Кулагин... Но сейчас ничего, все смирились. Нельзя же всем летать на одном корабле.

Подсаживаясь, рассказывали разные истории. Как всегда, было шумно, говорливо и компанейски, быть может, даже слишком говорливо? Все же каждому чего-то не хватало.

— Эх, Сережки нет, — посетовал Володя Шевченко. — Без него что-то все не то...

Кутаясь в теплый платок, в дверях показалась Тоня Новикова.

— Ой, сколько вас тут, я и не думала...

— Заходи, заходи.

Вера вскочила наливать еще чаю.

За столом все потеснились. Тоня откинула на плечи платок.

Люда подошла к стене, осторожно сняла зазвеневшую в руках гитару.

— Тонь, спой, а?

— Аллочку разбужу, — колеблясь, посмотрела на детскую кроватку Тоня. — Ну ладно, я тихонько. Хотите, Костину любимую?

Знали: ее Костя ни петь, ни играть не мастак. Но вот слушать... Не даст Тоне пол вымыть, отберет тряпку — сам помою!

Тоня заберется на кушетку, возьмет гитару и поет ему. Он драит пол — старательно, размашисто, как всегда все делает. Остановится, поднимет голову, улыбнется, — пой еще!..

...Дорогой длинною
да ночью лунною...

Все чуть слышно стали подпевать Тоне, сливая голоса, тревоги свои...

Вера наклонилась над кроваткой.

— Всего несколько дней потерпим, Алка, а? Всего несколько дней, и Сережа вернется!

...Давно погашен свет в тесной комнатке трехэтажного дома на улице Разина. Раскачивающийся на ветру фонарь бросает украдкой с опустевшей улицы пучки света на притемненную стену.

Обхватив колени руками, прильнув к ним подбородком, сжалась тугим комочком на диване Лена. Рядом разбросанные, так и не раскрытые учебники.

За окном, как и вчера, мечутся в диком хороводе, ищут себе пристанище бесприютные снежинки. Лена смотрит на них неотрывно...

IX

В шестнадцать часов на корабле была произведена последняя перед Мурманском смена вахт. К штурвалу глубины встал Иван Паньков, к штурвалу направления Виктор Почекин. Штурман Георгий Мячков сменил Алексея Ритсланда. Всего лишь час отдыха в гамаках, кажется, и вздремнуть-то не успели, а встали освеженные, в каком-то особенно приподнятом настроении. Паньков, обыкновенно не позволявший во время вахты ни себе, ни другим ни малейшего размагничивания, тут, повернувшись к друзьям, как-то особенно лихо подмигнул:

— Скоро конец земли!

Мячков и Почекин поняли. За Мурманском действительно земля кончается, и они пойдут над северными морями — сначала Баренцевым, потом Гренландским. Над морем нет резких перепадов восходящих воздушных потоков, нет таких болтанок, как над сушей, зна-

чит, дальше, к цели; они смогут идти на предельной скорости.

Позади почти сутки нелегкой борьбы с метелью, шквалистым ветром, неистовой болтанкой, когда всей корабельной оснастке приходилось принимать на себя напор не в меру разгулявшейся непогоды. Радостно было знать, что корабль выдержал все это, ни один узел, прибор, ни одна деталь не получили повреждения, не вышли из строя.

А погода опять стала портиться. По хорошей проскочить так и не удалось. Вдоль горизонта, преграждая им путь, темной стеной поднимался и наступал на них циклон. Он быстро приближался, обволакивал все серой густотой. Становилось темно. Появившаяся справа еле видная ниточка железной дороги то и дело исчезала. Холмы, впадины сглаживались.

С наступлением полной темноты завела пурга. Снег ударял в окна, бешено метался, не желая уступать дорогу. Ветер, тоненько напевавший в трос-визире, загудел басовитее, распаляясь, по-волчьи завыл в такелаже. Перемена погоды не пугала, только еще больше настораживала. Они пробьются, одолеют эту чертову куролесицу!

Мячков, прильнув к окну, всматривался в снежную кутерьму. Она била в глаза, запутывала своей бессмысленной круговертью, не давала уловить, что за ней. Ничего зримого, того, что можно ощупать взглядом, охватить мысленно.

Свободный от вахты Алексей Ритсланд оставался за штурманским столиком. Так же напряженно всматривался в мятущуюся темноту.

Вернувшиеся с осмотра корабля Тарас Кулагин и Николай Коняшин коротко доложили командиру о состоянии материальной части и отошли к печурке. Радясь теплу, растирали замерзшие руки, встряхивали плечами, выгоняя холод — в киле, а особенно на мости-

ках моторных гондол мороз крепко прихватил.

В радиорубке тонким бисером звенела морзянка. Вася Чернов посылал в Долгопрудный, в Диржабельный порт рапорт: «Корабль, экипаж, полет — все в полном порядке».

Гудованцев и Демин, разложив на столе в пассажирском салоне бумаги с перечнем взятого груза, пересматривали их, мысленно взвешивая все взятое. Из-за тех злосчастных двух тысяч кубометров водорода, что не довезли им на Кильдин-озеро, придется что-то из груза оставить в Мурманске. Но что?

Посадку — они сразу это решили — будут делать, не выпуская из оболочки ни кубометра газа, на повышенной скорости, придав кораблю отрицательный дифферент — это позволяет низкая температура в Мурманске. Стартовая команда справится, Ободзинский наверняка ее отлично подготовил. Заливку

горючего в баки постараются провести в самые сжатые сроки. Немного времени надо дать ребятам, чтобы смогли обогреться в теплой избе и поесть на дорогу. Впереди ведь Ледовитый океан!

...Звонящий треск, грохот ломающегося льда не смолкали.

Неожиданно в мешанину звуков, в перепалку льда и ветра ворвался крик. Звал на помощь Эрнст.

Схватив палки с железными наконечниками — без них ветер валит с ног, — бросились к нему.

Шелковая палатка, в которой находилась радиостанция, не выдержала: лопнула как пузырь. Эрнст лежал на ней всем своим длинным телом, отчаянно удерживая. Ветер вырывал обрывки шелка, провода.

Их радиостанция! Случись что с ней, кто их найдет в этой искореженной, искромсанной на куски ледяной пустыне?!

— Товарищ командир!

Чернов озабоченно доложил:

— Слышимость резко упала. Антенну опустил до конца, все сто пятьдесят метров. Улучшения нет. Пурга. И летим низко. — Он чуть задумался. — Не зацепить бы антенной, Николай Семенович.

Гудованцев понимал: корабль основательно кидает, и антенну может захлестнуть за верхушки деревьев на каком-нибудь из поднявшихся высоко холме и оборвать. Надо идти выше. Кстати, там и слышимость должна улучшиться.

Он прошел в рубку управления и отдал приказ идти на высоте пятисот метров.

— Есть на пятьсот, — не оборачиваясь, ответил Паньков и переложил штурвал влево.

— Справа по борту огни, — удивленно сказал вдруг Ритсланд. Все разом посмотрели туда. Гудованцев подошел ближе к окну. Внизу, еле проглядывая сквозь пелену облаков, кутерьму снега, проплывала рассыпчатая цепочка оранжевых огней. Что это? Кем? Они ее уже прошли. А для Кандалакши еще рано...

Когда светлые пятна затерялись в темноте, Ритсланд и Гудованцев, не сговариваясь, глянули на карту, хотя оба твердо знали, что никаких селений на их пути не должно быть. Карта подтвердила это. Что же это за огни?! Самое неприятное — неизвестность.

В рубке было тихо. Все напряженно всматривались в темноту. Через несколько минут все еще стоявший у окна Мячков сказал:

-- Огни прямо по курсу.

Значит, это все же Кандалакша? Других огней здесь быть не могло. Очевидно, они подошли к ней раньше, чем рассчитывали. От Кандалакши им надо будет менять курс, идти восточнее, к Мурманску, уже напрямик.

Вновь появившаяся цепочка светлых пятен проплывала под кораблем, а дальше опять ничего не было видно. Где же город?..

Ритсланд резко раздвинул плексигласовое окно. Снежная пылюга ворвалась в рубку, всплеснула краями лежавших на столе карт, запорошила людей, мигом обежала все углы. Высунув голову наружу, в хлещущий ветер, Ритсланд пытался разглядеть эти огни. Задвинув окно, смахнул с лица ледяную мокроту.

— Костры, — повернувшись ко всем, сказал он. — Это горят костры. Кому они нужны в такую погоду?..

Гудованцев сосредоточенно сдвинул брови.

— Чернов! — позвал он.

Радист молниеносно вынырнул из своей рубки.

— Слышимость наладилась, командир! — довольно доложил он. — Будет приказ?

— Запроси Мурманск: для чего жгут костры?

— Есть.

Впереди по-прежнему чернота — такая, что в окне видно лишь собственное отражение. Смотришь самому себе в глаза.

— Может, дать прожектор? — повернулся к Гудованцеву Почекин.

— Давай, — решительно сказал Гудованцев.

Почекин потянул висевшую над головой ручку. Мгновенно непроглядная чернота снаружи обернулась такой же непроглядной белизной. Отблеск ее ударил в глаза, осветил лица, рубку. А впереди перемешивающиеся, слепящие белые потоки... Теперь они заслоняли, отгораживали все, что было за ними.

Гул моторов то нарастал, и тогда казалось, что они придвинулись вплотную к гондоле, то неожиданно замирал, заставляя Коняшина с тревогой вслушиваться, поглядывать на сигнальную лампочку корабельного телеграфа — не подает ли сигнал кто-либо из вахтенных бортмехаников.

С подъемом на высоту началось обледенение всех металлических частей корабля. Дюралюминиевые переплеты окон быстро утолщались, тоненький трос-визир на глазах превращался в канат и поблескивал ледяной коркой. Обледеневали, конечно, и моторы, и даже дающие тысячу шестьсот оборотов винты. Срывающиеся с них кусочки льда с силой ударяют в оболочку, предусмотрительно усиленную здесь дополнительными слоями перкаля. К счастью, самое большое на корабле по объему — его стометровая оболочка — не обледеневает, потому что она все время как бы дышит, то чуть сжимаясь, то расширяясь, и ледяная корка на ней непрерывно ломается и отлетает. Порою эти кусочки льда ударяют по гондоле, и тогда кажется, что снаружи кто-то кидает камешки. Паньков время от времени помогает «дыханию» оболочки — открывает клапаны, выпускает из бал-

лонета немного воздуха, а затем открывает заслон на носу корабля, и встречный ветер снова наполняет баллонет.

Неожиданную беду обледенение принесло Арию Воробьеву. Отказали оба его радиополукомпаса: и тот, что у штурвала направления, и тот, что в радиорубке. Погасли, явно обесточили. Воробьев проверил ручку включения. Контачит. Осмотрел проводку — обрыва тоже нет. Может, что с динамо-машиной? Она снаружи, за иллюминатором. Там темно, ничего не видно. Не раздумывая, Воробьев открутил зажимы, и иллюминатор распахнулся. В лицо хлестко ударил морозный ветер со снегом. Воробьев высунул руку, дотянулся до укрепленной на кронштейне динамо-машины с ветрячком. Они были покрыты толстым слоем льда. Все стало понятно. Никакому ветру не повернуть такие обледенелые крышки.

Весь изогнувшись — иллюминатор небольшой, с головой в него не высунешься, — Воробьев на ощупь, торопливо обкалывал отверткой намертво приросший лед. Ветер жег руку, пальцы немели, вот-вот выпустят отвертку...

За спиной Чернов нетерпеливо просил:
— Давай я.

Пока Воробьев, отогревая, тер руку о меховую куртку, дышал на нее, Вася также упорно обкалывал лед пассатижами. Ветряк надо освободить во что бы то ни стало. Вот-вот Кандалакша, от нее на Мурманск пойдут опять по радиомаяку, и приборы должны работать.

Ветер попутный, корабль идет со скоростью сто десять километров в час. До Мурманска лета два часа с небольшим. Скорее бы туда, там сейчас ясно!

Вспомнив, как мало остается у него времени, Гудованцев подсел к Ритсланду за штурманский столик, и они занялись уточнением дальнейшего курса — от Мур-

манска до льдины папанинцев. К старту с Кильдин-озера у штурманов должна уже быть детально разработанная навигационная карта дальнейшего пути.

Скоро девятнадцать. И Николай Коняшин поднялся по трапу в киль, направляясь в последний перед Мурманском обход. В киле мороз, ветер гуляет, зато свежо. Все свободные от вахты отдыхали в гамаках, зарывшись с головой в спальные мешки. Только Кондрашев почему-то еще не улегся, сидел в гамаке, свесив ноги, покачивался.

— Чего не спишь? Скоро ведь на вахту, — сказал ему Коняшин.

— Так... — неопределенно ответил тот.

И вдруг светлые глаза его сощурились в улыбке.

— Знаешь, какое дело, — немного смущенно сказал он, — у Ксении сегодня день рождения.

— Да что ты?! — обрадовался Коняшин. — Ну поздравляю. Так с тебя причитается.

— Понятно, — с готовностью согласился Кондрашев. — Вернемся — обязательно отметим.

— Поспи все ж таки, — сказал Коняшин, отходя, — часок-полтора у тебя еще есть.

Он пошел дальше, останавливаясь у бензомеров.

Кондрашев стал неторопливо укладываться. Когда уже лежал в гамаке, невольно заскользил взглядом по чуть вздрагивающей перкалевой стенке, по четким дорожкам тянувшихся по ней швов, которые, он знал, были прострочены, проклеены, тщательно проверены заботливыми Ксениными руками.

Разве это просто — сделать так, чтобы газ во всем огромном мешке не мог найти даже игольной дырочки, чтобы вытечь? Недаром все ребята говорят: «Если ты, Ксения, строчила, летим спокойно!»

Коняшин, ослепленный снежной заварухой, ветром, который стегал по лицу и рвал одежду, уже шел по мостику к бортовой моторной гондоле. Когда отодвинул

дверцу и шагнул в нее, сидевший там Алеша Бурмакин широко открыл глаза:

— Что там твори-и-тся! А здесь и не видно.

От мотора приятной волной шло тепло. Коняшин смахнул ладонью снег, вроде как умылся.

— Как ты тут? — спросил громко, чтобы Бурмакин услышал.

— Песни пою, разве в киле не слышно? — перекри- кивая грохот мотора, кинул Бурмакин.

«Шутит, значит, все хорошо», — довольно подумал Коняшин. Глянул на приборную доску, проверил количество оборотов, подачу горючего и масла, особенно внимательно послушал голос мотора. Сейчас он четкий, от- лаженный. А в порту перед стартом этот мотор им с Алешей дал жару. Не хотел заводиться, вскидывал свой рев до высокой ноты и замирал... Алешка, должно быть, до сих пор переживает, хоть и не показывает.

Коняшин глянул на Бурмакина, еще раз посмотрел на приборную доску и попрощался:

— Счастливо. До Мурманска.

В кормовой, у Новикова, Коняшин пробыл еще мень- ше. Убедился, что все там в норме, перекинулся с Костей парой незначительных фраз. Только бортмеханики знают цену этим простым, мимоходом брошенным словам, как сразу дают они разрядку состоянию человека, часами находящегося в тесном громыхающем ящике.

— Порядок, — уверенно кивнул Новиков на про- щание и снова уселся в кресле.

Таких, как Митя Матюнин, в моторной гондоле могло бы поместиться сразу двое. Тонкий, весь подобранный и деловитый, он был как-то очень на месте в сжатом возле мотора пространстве.

Дверца гондолы еще не отодвинулась до конца, а Ма- тюнин уже вскочил.

«Ну что там?» — молчаливо, одним лишь взглядом спрашивал он «старшего»,

«Как у тебя?» — так же молчаливо спрашивал Коняшин.

Он проверил показания приборов, прислушиваясь к мотору — нет ли хоть намек на сбой ритма. Запорошенные снегом коняшинские брови делали его лицо начальственным и строгим. Матюнин искоса поглядывал на него: ищи, мол, не ищи — у меня порядок!

Мотор действительно работал отлично. Снежинки на лице Коняшина, потемнев, растопились, и оно опять стало молодым и свойским.

— Скоро Мурманск? — наконец не удержался Матюнин.

— До Мурманска два часа осталось, — ответил Коняшин. — Горячей ушницей или флотским борщом подзаправишься. Ободзинскому уже спецзаказ передали. А там.... Командиры дальнейший маршрут разрабатывают.

Матюнину ужасно хотелось задержать «старшего» подольше, поговорить. Но вот как раз этого он и не умел делать — завести разговор, найти нужные слова... Он только спросил:

— Как дома-то у тебя? Как твои девахи?

И Коняшин сразу отпустил ручку двери, за которую он уже взялся.

— Девахи мои одна лише другой, — прищурился он от удовольствия, — но о них, Митя, потом...

И ушел, шагнув на простреливаемый ветром и снегом мостик.

Ну чтобы задержаться ему еще совсем немного, рассказать бы Мите, как его четырехлетняя Люська вцепилась в полу его реглана с «птичками» на рукавах, когда он уходил, и никак не хотела отпускать. А Катя подхватила ее, плачущую, на руки. А он подхватил Катю, поднял их обеих — что они обе, крохи, весят! — и закружил по комнате. А потом шепнул:

— Пора. Я же лечу на помощь папанинцам!

— А мы давай полетим вместе на помощь, — тут же нашлась Люська. И побежала доставать свои елочные игрушки — он их подарил ей месяц назад, на елку, под Новый год — серебристый дирижаблик с гондолой, с красными огоньками в иллюминаторах и ватную папанинскую льдину с крошечными палаткой и ветряком и даже с человеческими фигурками, вместо снега обсыпанную блестящей бертолетовой солью. Дирижаблик в Люськиной руке, жужжа, подлетел к льдине и, подцепив «лебедкой» (Люськиным согнутым мизинчиком) антенну, поднял льдину вместе с палаткой и людьми.

— Вот так! — торжествующе сказала она.

Как ругал потом себя Матюнин, что не сумел, молчун, поговорить с Коняшиным! Надо было задержать его. Хотя бы на две-три минуты! Расспросил бы еще. Сам рассказал бы ему хоть о своей Любаше, как во всей Москве не нашел он краше девушки и поехал за ней в родную деревню Большое Попово под Липецком, где леса вокруг шумливые и соловьи поют, как нигде больше. Эх, кабы знал...

...Коняшин вернулся в киль. Ребята уже спали все. Слышалось их спокойное дыхание, легкое похрапывание. «Теперь их из пушки не разбудишь», — усмехнулся Коняшин.

В пассажирском салоне, отложив на время навигационные карты и бумаги, все сгрудились вокруг Ария Воробьева, который, держа в руке какую-то деталь от радиополукомпаса, объяснял ее назначение, особенности работы всего прибора.

В Мурманске из-за перегрузки корабля Воробьеву, возможно, придется сойти, не лететь дальше. Но за сутки полета он успел детально ознакомить Ритсланда и Чернова с радиополукомпасом, они уже могут работать с ним самостоятельно.

Уже сейчас они летят по неосвоенной северной трас-

се. Пройден Северный полярный круг. Радировали об этом в порт. Впереди пустынное ледяное Гренландское море, куда не заходит ни один корабль, не залетает ни один самолет. Там этот прибор будет просто незаменим. Папанинцы не могут давать свои точные координаты, их льдина все время движется, да и закрытое тучами небо часто не дает им возможности определиться. Радиополукомпас, ловя позывные Кренкеля, и в ночь и в непогоду точно приведет корабль к дрейфующей где-то между Гренландией и островом Ян-Майен льдине. Даже если с ходу они проскочат папанинский лагерь, стрелка прибора сразу покажет, что источник радиоволн уже позади. Разворачивайся и подходи!

— Представляете, как трудно будет их увидеть, — призадумавшись, сказал Ритсланд. — В ночи, среди вздыбленных льдов! Ни палаток, ни других ориентиров там сейчас нет.

— Костер запалят, — уверенно решил Лянгузов. — В ночи костер очень далеко виден.

— Скорее все же они первыми увидят наш прожектор. — Гудованцев кивнул в сторону рубки, где по-прежнему все было залито светом. — Кренкель по радио сделает окончательную доводку.

— Прошу учесть, — обращаясь ко всем, заявил Устинович. — Я к спуску на льдину за папанинцами готов. — И, многозначительно взглянув на Демина, добавил: — Безусловно, преимущество здесь имеет человек наилегчайшего веса.

— Допустим, — согласился Демин. — Я себе представляю это так: спускаем Устиновича на льдину, поднимаем на борт всех папанинцев и на радостях... — Демин глубоко вздохнул, и полные губы его расплылись в невинно-детской улыбке, — ...забываем Володьку на льдине. Ну, в самом деле, братцы, ведь легко не заметить во льдах такую скудную фигурку!

Такого оборота не ожидал никто, даже сам Устино-

вич, и все грохнули таким неудержимым раскатистым смехом, что стоявший у штурвала Паньков недоуменно обернулся к ним:

— Вы что там, орлы?

В радиорубке опять запела морзянка. Чернов выходил на связь с портом. Устинович взглянул на часы.

— Ого, уже без десяти девятнадцать. Пойти прикорнуть на часок?

— Иди, иди, — кивнул ему Гудованцев. — В Мурманске у тебя дел будет невпроворот.

Лучи прожекторов по-прежнему бесплодно рвались вперед, не в силах пробить стену метущегося на ветру снега. Мячков и Почекин до рези в глазах всматривались в слепящую белизну, пытаясь уловить, что скрывается за ней.

Внимательно следя за приборами, стоял у штурвала глубины Паньков. Корабль размашисто переваливался через широкие, словно океанские, волны. Так же широко дышалось сейчас и Панькову. Несмотря на мороз, он распахнул ворот комбинезона.

Особенный у него сегодня день! Четыре года назад именно в этот день, 6 февраля, в день рождения Шуры (он верил и не верил тогда, что все сбылось), играли они свою свадьбу!

Иван покачал головой. Не так просто все было! Совсем незадолго до этого был у него такой день, что перед глазами белый свет померк. Шура избегала даже намека на какой-либо сердечный разговор, ему было ясно: «Поворачивай, Иван, оглобли, не видать тебе здесь счастья!» Он бродил по пустынному Долгопрудненскому парку, повторяя:

— Пропала моя головушка! Совсем пропала!

А на завтра... Ну бывает же такое! Вдруг все разом переменялось...

...Хотя ветер и попутный, но больше доставалось правому борту. Ветер шумно лизал его шершавым снежным языком. Мячков лишь мельком взглянул на компас, на Почекина.

— Дай чуть право, нас опять сносит.

— Есть чуть право.

Почекин повел штурвал на градус-два.

Ветер гуще ударил в борт. Неохотно заскрипели жесткие подвески гондолы. Корабль стал круче зарываться в невидимые волны, вскидываться на их гребни.

Паньков цепко держал глазами высотомер. Еще резче заработал в его руках штурвал.

Из пассажирского салона слышались голоса. В радиорубке звучала морзянка. В рубке управления была напряженная тишина. Слышался лишь жесткий хруст цепей Галля, идущих от штурвала вниз, к передаточным барабанам. За окнами по-прежнему метался исполосованный светом прожектора снег.

Вдруг что-то темное, еще неясное, но огромное и неподвижное проступило впереди, стремительно надвигаясь на них, закрывая собой все. И, резко выпрямившись, упершись руками в ветровое стекло, как бы стараясь отгородить всех, весь корабль, от неминуемой беды, Мячков крикнул, словно ударил в набатный колокол:

— Гора! Летим на гору!

...Пронзительный треск раскатился по всей льдине, и черные полосы трещин неудержимо побежали по ней. Без того уже небольшой их обломок раскалывался на куски. С грохотом рушились в разводья нагромождения торосов. Грозно гудели льды. Тоскливо завыл Веселый.

— Нарты! Спасать нарты! — закричал Иван Дмитриевич и прыгнул через уже расходящуюся трещину.

Ветер унес его слова, но и без того все было понятно.

Вчетвером подхватили многопудовый груз и почти по воздуху перебросили на свою сторону. Откуда столько сил взялось?!

Вторую нарту тянули уже по перекинутым наспех мосткам. Трещал лед, трещали, гнулись мостки. Под ними недобро плескалась вода.

Опять прыгали на уходящие обломки. Метались пучки света нагрудных фонарей, выхватывая из темноты куски шаткого льда, провалы разводий, уносимые льдом вещи. Перетаскивали все, что могли успеть. Складывали возле незаменимого друга — ветряка, в центре их совсем уже маленького, беспокойно раскачивающегося осколка.

То, что не смогли спасти, — прыгающий на привязи клипер-бот, палатка, в которой они только что сидели, — безвозвратно уплыло в темноту...

— Право до отказа! — одним выдохом кинул команду Паньков. — До отказа!

Почекин, рванувшись всем телом, крутанул штурвал. Паньков быстро откручивал штурвал глубины влево, тоже до отказа, задирая нос корабля. Больше он ничего не успел. Ни дернуть костыльки — открыть балластные баки, ни просигналить бортмеханикам команду выключить моторы.

Гора молниеносно навалилась на них, черная, косматая, неотвратимая... По окнам с силой ударили верхушки могучих деревьев. Гондолу подбросило, затрясло, все кругом пронзительно заскрежетало, с треском разламываясь.

Первый удар Паньков ощутил лишь короткой вспышкой света. Ударившись виском о переплет окна, он упал замертво.

Мячкова швырнуло в другой конец рубки. И, падая под рушащимися на него обломками, он на какой-то

миг вдруг увидел себя, белоголового казачонка, вцепившегося в гриву ошалелого коня, мчащего мимо белых мазанок станицы куда-то в пляшущие перед ним огни и наступающие черные провалы...

Почекин, пролетев вперед, разбил головой ветровое стекло. Залившись кровью, теряя сознание, пытался подняться и не мог.

Из пассажирского салона, из-под сметенных в одну грудку ящиков, кресел, тюков, всего, что там было, слышались стоны разбившихся, оглушенных, еще не понимающих, что случилось, людей...

Лязг, хруст ломающегося на куски металла... Выворачивая с корнем огромные, в два обхвата сосны, корабль с лета проламывал собою просеку. Свет сразу погас. Гондола стала наполняться чем-то едким, удушливым.

В киле для тех, кто спал, первый удар был не так ощутим. Их крепко потрянуло в гамаках, сбило в одну сторону, кто-то в темноте недоуменно подал голос, кто-то даже не проснулся...

Устиновича, который, свесив ноги с гамака, только еще снимал унты, смахнуло оттуда. Ударяясь о стрингеры, он боком проехал вдоль киля, вскочил и сразу же увидел, как на носу корабля всплеснуло пламя. Пожар!

— Ребята-а, гори-и-м! — всполошенно закричал он, стараясь поднять всех на ноги.

Над головой двадцать тысяч кубометров горючего газа. Устинович знал, что это значит! Высота у них сейчас пятьсот метров. Он застыл на месте. Парашютная сумка у гамака, в головах. А главное ребята! И он снова закричал:

— Вставайте, гори-и-м!!!

А может, ему только показалось, что он кричит изо всех сил? Может, голос зажало где-то в горле?.. Он понимал: ребятам уже не добежать. И ему тоже. Гайдропный

люк, в который можно было бы выброситься, далеко впереди, у носа.

Сверху полыхнул такой неистовый жар, что сразу пригнул Устиновича к самому килю. Комбинезон на спине, шлем загорелись. К люку! Может, еще успеет... Чем гореть заживо, лучше лететь с высоты. Он снова рванулся. И тут же почувствовал, что летит, проваливаясь сквозь разодранный перкаль. В лицо хлестнули ветки, тело ощутило удар о корявые сучья. Он схватился за них и, машинально перехватываясь, обдирая лицо и руки, соскользнул по стволу дерева вниз, в рыхлый снег, уйдя в него с головой.

Огонь с быстро нарастающим гулом уже полыхал по всей оболочке. Уткнувшись в гору, корабль медленно и тяжело заваливался на бок.

...Когда к Почекину вернулось сознание, он не сразу понял, где он, что с ним. Он слышал треск, что-то ломалось, с визгом корежилось. Слышал крики людей, чей-то прерывающийся, зовущий его голос:

— Витька, сюда-а!

Кто его зовет? Зачем?.. И вдруг разом вспомнил все. Только что у самого его уха Мячков закричал:

— Гора! Летим на гору!

Потом он и сам увидел эту гору, вставшую перед ним из снежной белизны. А сейчас он ничего не видел. Чернота! Он провел рукой по залитому чем-то липким лицу. Ошеломила мысль: ему выбило глаза! Боли он не чувствовал, только голова стала как большой котел, и в ней что-то все било, било... Остервенело, одурманивающее... Голос по-прежнему звал из темноты, настойчиво, не смолкая:

— Витька, где ты? Сюда!!

Он вдруг понял: это же Тарас Кулагин! Он спасся и ищет его, хочет помочь. Он потянулся на этот голос, попробовал ползти, но тут же наткнулся на что-то громоздкое, искореженное и, обессиленный, свалился.

Тщетно пытался отозваться, крикнуть: «Я тут!» Губы беззвучно открывались и так же беззвучно закрывались. Грудь наполнило что-то горькое, удушливое, и сознание снова ушло...

Оглушенный, погребенный под чем-то тяжелым и давящим, Гудованцев с трудом приходил в себя. Сознание на миг прояснилось, высветом молнии охватывая весь ужас случившегося, и снова уходило, готовое оборваться. Нельзя, чтобы оно оборвалось! Гудованцев мучительно напрягся, удерживая его, сопротивляясь обволакивающей слабости. Дышать было нечем. Хотя бы глоток воздуха! Он ловил его пересохшим ртом. Но воздух горел, он раскалился нестерпимым жаром. Горело все. Навалившиеся на него ящики, одежда.

Где-то рядом погибали товарищи, он слышал чье-то прерывистое дыхание, стон. Надо спасти их! Он командир. Он должен сделать даже невозможное. Ведь сделал же он невозможное тогда, в Донецке!..

Сжимая в напряженный комок остатки сил, выкарабкиваясь, сталкивая все это, навалившееся на него, тяжелое, пылающее, он нащупал чью-то руку, горячую, безвольную. Он сразу узнал ее. Сотни раз он жал ее при встрече. И сейчас он так же крепко сжал ее и потянул за собой. Тело друга было невероятно тяжелым. А сил не было. Но он тянул, замирал на миг, проваливаясь в цепенящий какой-то дурман, и, очнувшись, снова тянул, не видя куда, сквозь огонь, дым, удушающий жар...

Горькая, безысходная боль билась внутри, пронизывая сознание. В одно непоправимое, несправедливое мгновение рушилось все, что было в жизни дорого и свято. Надежда прийти на помощь людям. Рушился, погибал в огне их корабль. Его, Николая, беззаветные мечты.

Обостренно, с невероятной ясностью возникли перед ним изломанная льдина и люди на ней.. Легко плывущие в небе дирижабли... Зовущее откуда-то из далекой

дали, полное надежды лицо Лены... Суровое, окаменевшее лицо матери...

...Страшный взрыв пиротехники разорвал стены гондолы, приподнял навалившийся на нее сверху стальной киль, выбросил на десятки метров горящие куски переборки, жестяные коробки с продовольствием, обломки еще не совсем сгоревших ящиков, разметал по сторонам стальные швартовые тросы.

Грохот взрыва перевалил через гору, через Кандалакшский залив. Его слышали в Кандалакше, за восемнадцать километров.

Гудованцев его не слышал...

Весь корабль был уже как один ревущий огненный вулкан. С грохотом рвались бензобаки, баки с маслом, балластные баки, цинки с патронами. Пламя гигантским столбом вскидывалось к облакам. Ветер рвал его на куски, гнул, погонял. Огонь пожирал все. Куски горячей оболочки оседали, накрывая развороченную взрывом и ударами о стволы деревьев гондолу и уже притихшие моторы огненным покрывалом. Горели вывороченные, подмятые кораблем деревья. Их хвойные шапки вспыхивали трескучим фейерверком, и ветер мгновенно срывал их и уносил.

Х

В полузабытьи, задыхаясь, ничего не видя, чувствуя только наваливающийся на него сверху жар, Виктор Почекин упорно, в каком-то исступлении проталкивался между торчащих кусков разломанного металла, путаницы тросов, осколков плексигласа.

Откуда-то вдруг прорвалась к нему, пахнула в лицо струя воздуха — еще горячего, смешанного с дымом, но воздуха!.. Он судорожно глотнул его, и сознание стало

яснее. Вокруг трещало, выло, бушевало, пламя. Ни голоса Тараса, ни других голосов он больше не слышал. Краем глаза он неожиданно увидел впереди багряный снег, багряные пляшущие деревья... Значит, глаза целы! Они залиты кровью, но видят!

Он рванулся к снегу, ткнулся в него лицом и, почувствовав облегчение, стал зарываться, заползая в его спасительный холод. Радости, даже просто сознания, что он жив, что может дышать, не было. Все закрывало какое-то тяжелое, давящее оцепенение.

— Кто еще живые? Отзовитесь! Отзовитесь, живые! — раздался вблизи глухой, прерывающийся голос.

Устинович бежал, проваливаясь в снег, падал, вскакивал, бежал дальше, надсадно крича:

— Живые, отзовитесь!

Его голос терялся в гуле ветра и разъярившегося огня. В ответ лишь беспокойно шумели верхушки ели, да заряды снега хлестко стегали по деревьям. Гонимые ветром тучи снежинок стремительно неслись к гигантскому пожарищу, но, не долетев и десятка метров, растворялись в накаленном воздухе. На смену им неслись новые, сплошной пеленой, безуспешно стараясь побороть огонь.

— Живые, отзовитесь!

Из-за сугроба, как-то странно выставив одно плечо, поднялась и двинулась навстречу Устиновичу худощавая фигура.

— Алеша! Бурмакин! А еще есть здесь кто?

Устинович быстрым взглядом ощупал все вокруг, надеясь увидеть еще кого-нибудь. И никого не увидел.

— А с тобой что?

Бурмакин молча сунул руку под меховую куртку у ворота. Пальцами нащупал перебитую ключицу. Он даже не поморщился. Молча смотрел на Устиновича. Потом стал смотреть на горящий корабль. И в его широ-

ко открытых глазах металась отблески оранжевого пламени.

— Со мной ничего, — наконец ответил он куда-то в пустоту.

Устинович уже отбежал, продолжая еще с неослабевающей надеждой звать уцелевших.

У тыльной стороны уже занимающейся огнем сосны увидел привалившегося к ней Ария Воробьева.

— Цел? А еще кто есть?..

Воробьев растерянно пожал плечами. Он ничего не понимал и ничего не помнил. Когда, как и через какой пролом его выкинуло из гондолы? Очнулся в снегу. Где остальные? Рядом все охватившая, палящая стена огня. Отбежал, схоронившись от нее за широким стволом дерева. Руки, ноги, голова целы, ни одной царапины, только ноет все, будто избитое, и в ушах несмолкающий звон. Он все оглядывался, ища остальных, и никак не

мог смириться с тем, что их нет. Ведь только что все были тут, рядом с ним!..

Неожиданно державшее его оцепенение спало, и, сорвавшись с места, он бросился вслед за Устиновичем, с последней, отчаянной надеждой зовя:

— Отзовитесь, живые!!!

Костю Новикова они нашли метрах в двадцати пяти от пожарища, почти засыпанного снегом. Он лежал неподвижно, и только хриплое дыхание давало понять, что он жив. Обожженное, воспаленное лицо, обгоревшие волосы... Они не сразу смогли даже узнать его. От меховой одежды остались клочья, одна нога почти босая — ни унты, ни мехового чулка на ней не было, только шелковый носок с пятнами крови.

Устинович огляделся. В стороне чадил не совсем еще догоревший выкинутый из гондолы тюк. Устинович подбежал к нему, засыпал огонь снегом, затоптал. Потом выхватил кусок брезента и осторожно подсунул под обесилевшего, неподвижно лежавшего Костю. Другим куском старательно укутал его. Костя с трудом приоткрыл глаза, пристально вглядываясь...

...Когда штурман Мячков крикнул: «Гора! Летим на гору!», и Паньков задрал нос корабля, первый, самый сильный удар при столкновении с горой пришелся на кормовую моторную гондолу, потому что она расположена ниже других. Костю Новикова вышвырнуло из кресла и с силой ударило затылком о радиатор. Новый удар швырнул его грудью на мотор. Сразу мелькнула мысль: «Остановить мотор!» Света уже не было, и он, с трудом повернувшись, шарил в темноте, отыскивая выключатель зажигания. Наконец нашел и повернул. Его опять бросило грудью на мотор, а потом головой. Только его могучий организм мог выдержать такое. В глазах поплыли красные круги, но сознание осталось.

Катастрофа. Он осознал это с первого удара, с первой секунды, как только его выбросило из кресла. Из-за че-

го — он не мог знать, да и думать об этом было некогда. А гондола вдруг приобрела необыкновенный покой. Ее больше не ударяло, не бросало из стороны в сторону. Костя искал дверь, шаря в темноте руками, и не мог найти. Сверху нестерпимо наступала жара. В проломе стенки он увидел снег — пламенеющий, словно горящий. Он подтянулся на руках, пытаясь выбраться через этот пролом, но смог вылезти только по пояс — дальше не пускала зажатая разломанной стенкой нога. Он висел вниз головой и пытался выдернуть ногу, упираясь другой ногой во что-то. Ничего не помогало. Сверху медленно опускалась на него, накрывая, горящая оболочка. Он отталкивал ее, обжигая руки, а она все опускалась. На нем уже горела одежда, шлем... Он из последних сил рванул ногу, стальные тиски разжались. Помог шелковый носок. Нога выскользнула, и он упал в снег. Попробовал подняться. Не смог. Сил не было. Тогда, с трудом переваливаясь, он покатился, сбивая на себе огонь. При каждом повороте разламывало грудь, дыхание останавливалось, но он все равно катился, преодолевая боль, почти теряя сознание, пока не уперся в ствол попавшего на дороге дерева. Здесь и нашли его Устинович и Воробьев.

...Почекин не сразу отозвался на зов. Он подходил медленно, качаясь, держа у рассеченного лба пропитавшийся кровью ком снега. Мутным взглядом обвел собравшихся. Хрипло спросил:

— Где остальные? Где Тарас?

Ему не ответили.

— Где Тарас? — настойчиво переспросил Почекин. — Он же звал меня!

И видя, что Устинович и Бурмакин отворачиваются, вдруг осекся. Сорвавшимся голосом почти выкрикнул:

— Так он звал на помощь?.. А я-то!.. Я-то...

Он рванулся к горящему кораблю, не в силах понять,

что ничего уже сделать нельзя. И вдруг, упав ничком в снег, замер, судорожно сжав беспомощные сейчас руки.

...Митя Матюнин лежал за вывороченным с корнями деревом, с ужасом смотрел на гибнущий в огне корабль, на багряные облака, которые лизало вскинувшееся высоко, до самого неба, в погоне за быстро утекающим газом пламя. Никого рядом не было, но Матюнин был уверен, что все живы, ведь дверь гондолы на другой стороне, и, вероятно, все выбежали оттуда. Он не мог даже подумать, что многих уже нет. Ведь корабль никуда не падал, были только сильные толчки. Это произошло сразу же после того, как от него ушел Коняшин. Он понял, что-то случилось, и быстро выключил мотор. Только после этого его неожиданно подбросило и с силой ударило головой. Он потерял сознание. А когда пришел в себя, корабль уже горел. Гондола была разломана. Он с трудом выбрался из обломков и, гонимый страшным жаром, укрылся за этим поваленным деревом.

Он был цел, у него ничего не болело. Удивляло только: почему в ушах стоит сплошной шум, а в отдельности он ничего не слышит: ни ветра, ни полыхания пламени, ни голосов. Все онемело. Метался, дыбился огонь, жар от него был нестерпим и здесь, за корягой, за двадцать метров. И все это в какой-то невообразимой тишине...

Матюнин повернулся на другой бок, и тут пришло все сразу — сквозь шум в ушах пробились и зловещий гул огня, и свист ветра, и отдаленные зовущие голоса... Он сразу догадался, что от удара оглох на одно ухо. Сунул пальцы под шлем — крови не было. Только половину головы разламывало.

С той стороны все звали. Он подумал, что его. И встал.

Пламя быстро опадало. Водород горит намного жарче бензина, но и сгорает быстрее. Быстро спадала и

жара. И он стал обходить догоравший корабль со стороны кормы. Мороз быстро леденил подтаявший снег, и он уже хрустел под ногами, ломаясь.

На той стороне он увидел только четверых. Потом увидел пятого, лежащего на снегу. Пять... Он шестой. А где остальные? Он еще не успел осознать случившегося, а ноги сразу стали ватными. Он остановился, не в силах шагнуть дальше.

К нему подбежал Устинович:

— Там еще кто есть?

Устинович смотрел с надеждой, ждал, что он скажет: «Да, есть!»

Матюнин покачал головой.

Устинович что-то еще спросил, но уже негромко, и Матюнин, не расслышав, показав на ухо, сказал:

— Я не слышу, говори громче.

— Ты, Митя, счастливый, не слышишь, — горько сказал Устинович. — А я слышал... Все...

И, тяжело пригнув плечи, пошел туда, откуда только что пришел Матюнин. Он хотел еще проверить — вдруг кто-то отзовется...

Корабль еще горел. Запоздало, с глухим чавканьем рвались масляные баки, выбрасывая гейзеры огня, тучи искр и смрада. Еще ярко тлели раздуваемые ветром, дымились стволы деревьев. Но мороз уже пробирал даже сквозь меховую одежду.

...На их зов никто больше не откликался, а они все ходили. И звали. Где-то внутри теплилась надежда: может, кто-нибудь заполз, зарылся в снег и лежит там, не в силах подняться, не в силах дать о себе знать. Когда огонь отступил, когда ему уже не на что было бросаться, они подошли ближе.

Все тринадцать были тут, среди обломков искореженного металла. Все. Значит, некого больше искать, никто уже не отзовется. С этим невозможно было смириться. Невозможно было это принять — дикое, невероятное...

Они стояли и никак не могли отойти. Ветер, колючий, безразличный, жестко толкал их,

Тринадцать их товарищей. Все в их жизни — все стремления, поиски, удачи и промахи, огорчения, надежды — было так тесно у них всех переплетено, слито, неразрывно связано, что казалось невозможным, чтобы это все могло вот так оборваться!..

Они ушли на самом взлете своей молодой, бьющей энергией жизни. Много уже сделав и так много еще не успев...

Командир корабля, командир эскадры дирижаблей Коля... Николай Гудованцев. Так стремившийся к новым, далеким и неизведанным дирижабельным трассам. Сдержанный. На первый взгляд замкнутый. Не сразу за этой замкнутостью можно было разглядеть душевную щедрость, сердечность.

Иван Паньков. Упорный, порою даже упрямый. Самозабвенный, невероятно трудолюбивый. Он так никогда и не узнает, что родившегося через два месяца сына назовут в память о нем Иваном.

Сергей Демин. Сережка!.. Да ты ведь одними плечами мог раскидать, разбросать все это!.. Как же это может быть, чтобы не было больше на свете твоего смеха, твоего будоражащего голоса... И все твои задумки будут осуществлять теперь другие.

Володя Лянгузов — всегда пунктуально-точный, ответственный. И всегда с полными карманами конфет для всей малышни их большого дома.

Тарас Кулагин — весь нараспашку, всегда радостно-увлеченный, так легко, на лету все схватывающий.

Неусыпные их штурманы — Алексей Ритсланд и Георгий Мячков. Глаза и уши их корабля.

Бессменный, неустояющий бортрадист Вася Чернов, самый молодой, нетерпеливый, всегда куда-то рвущийся.

Их синоптик Давид Градус. Душевный и горячий,

вспыхивающий, как порох, «властелин погоды» — их Додик Градус.

Бортмеханики Николай Коняшин, Константин Шмельков, Николай Кондрашев, Михаил Никитин. Серьезные и веселые, бесшабашные и строгие, разговорчивые и молчаливые — и все свои, родные ребята, на любого всегда можно было положиться, знать, что никогда не подведет...

...Гулко, с какой-то звенящей пустотой хрустел под ногами снег. Мороз все крепчал, обжимал лицо, сковывал движения. Он брал реванш у только что бушевавшей здесь жары.

Они развели костер. Осторожно подтянули к нему на брезенте Костю Новикова, уложили поудобнее. Сидели молча. Слов не было. Лишь раз Митя Матюнин глухо, на одном выдохе сказал, ни к кому не обращаясь:

— А Коля Коняшин только что был у меня, в моторной. Ну побудь он со мной еще минуту, две...

Мозг отказывался понимать, что никого из этих ребят они уже не увидят. Не услышат их голосов. Корабль они построят новый. Обязательно. Но кто может вернуть им друзей?!

Арий Воробьев механически отрывал куски недогоревшей оболочки и бросал в костер. Пропитанный резиной перкаль быстро схватывало пламя, он скручивался, чернел, рассыпался.

...Где-то там, на пройденном ими пути, все еще горят виденные ими сверху, с В-6 костры. Они не знали, что эти костры были зажжены специально для них и всю ночь неизвестные им люди заботливо поддерживали в них огонь. Эти костры должны были служить им светящимися вехами в разбушевавшейся снежной неразберихе. Если бы они шли по этим вехам, они обошли бы гору стороной. Но они ничего об этом не знали. Та заботливая душа, что подумала об этих кострах, не довела дела до конца, не сообщила об этом им, на корабль. А мо-

жет, сообщить должен был кто-то другой? Сейчас это уже не имело значения...

...В Мурманске их ждали с нетерпением. Три дня назад здесь проводили в Арктику на помощь папанинцам ледокольный пароход «Таймыр». Только что снялся со швартовых и ушел следом за ним «Мурман». Теперь предстояло встретить и незамедлительно проводить дирижабль.

На Кильдин-озере все было готово к его прилету. Еще утром, прорезав в снежных наносах глубокие колеи, на лед озера съехали грузовые машины с бочками горючего. Время от времени они урчали моторами — водители прогревали их, не давая застыть. Пришвартованные к бортам машин, покачивались, терлись друг о друга туго надутыми боками два десятка газгольдеров с водородом. Крепко морозило, и солдаты швартовой команды то и дело забегали обогреться в стоящую на берегу жарко натопленную избу. Но долго не задерживались там, выбегали опять на мороз, вглядываясь в горизонт. Никто из них никогда еще не видел дирижабля, и нетерпеливое любопытство не давало им покоя.

В избе почти непрерывно звонил телефон. И дежурный громко, раз от раза с нарастающей тревогой, отвечал одно и то же:

— Нет, не прилетел еще. Да, время уже вышло, но дирижабля нет...

Иван Ободзинский, с красным от мороза лицом, заиндевелый, нетерпеливо вышагивал по хрусткому насту, не отрывая глаз от на редкость чистой линии горизонта, каждую минуту ожидая увидеть там крошечное облачко — серебристую оболочку дирижабля, уловить отдаленный, радующий душу гул моторов. Над головой по-прежнему полыхало в ясном небе, то чуть замирая, то снова разгораясь пламенным светом, северное сияние, и Ободзинский уже проклинал его, это сияние, думая, что из-за него, из-за связанных с ним магнитных

бурь прервалась радиосвязь с В-6 и, возможно, по этой причине корабль так долго не появляется, блуждая где-то над тундрой.

В тревожных его мыслях возникало всякое, чему не хотелось верить, что хотелось отогнать... Появлялись и виденные у Кандалакши неясные очертания двух гор, промелькнувшие под быстро летящим самолетом, когда летел он два дня назад в Мурманск. Летчик кивком головы указал ему на них. Ни в карте летчика, ни в его карте, взятой им в Ленинграде, эти горы не были обозначены. И они решили тогда, что это был мираж...

...Снегопад кончился. Ветер затих, и мороз сковывал все сильнее. Облака вдруг разорвались и рассеялись, и на небе всплыла луна, огромная, вся наполненная ярким голубым светом. И все вдруг переменялось. Той непроглядной темноты, которая только что обступала их, уже не было. Заголубился, заискрился снег, заголубилась даль. Чернели только тени от деревьев, изломанные, причудливые, как провалы пещер, будто в них и спряталась на время чернота ночи. Видимость стала на десятки километров — зачем она теперь?! И среди бесконечной этой голубизны черное, уродливое, все еще дымящееся пепелище. Да по сторонам такие же черные с уродливо обгоревшими сучьями ели.

Только сейчас увидели они вершушку горы, голую, без единого деревца или кустика. До нее было каких-нибудь пятьдесят-семьдесят метров. Шли бы они чуть выше, и эта злополучная гора прошла бы под ними!

Луна все плыла, тихая, умиротворяющая. И все вокруг было так мирно, словно ничего не случилось. Что же это — насмешка над ними?.. Как только свершилась страшная, непоправимая катастрофа, все кругом прояснилось. Вот же — все как на ладони видно! То, что рядом. И то, что далеко... Может, не надо было при старте

сетовать на Бурмакина за то, что он так долго возится с мотором, пусть бы мотор еще с полчасика не заводился... Может, не надо было радоваться попутному ветру, который увеличивал скорость их полета? Пусть бы дул встречный, пусть они бы боролись с ним и пришли бы к этой горе на час позже, когда здесь не было ни снегопада, ни темноты... Тогда они издалека увидели бы ее, эту гору, и вон ту, соседнюю...

Тяжело, с каким-то надсадным хрипом дышал Костя Новиков. Как ему помочь? Что можно сделать здесь, на снегу и морозе?! Конечно, их хватятся, будут искать, они не сомневались в этом. Но когда еще найдут? Кругом леса, на сотни километров.

Устинович поднялся.

— Попробую добраться до людей. Надо сообщить, где мы. Косте нужна срочная помощь.

С минуту он внимательно осматривал все кругом. Куда идти? Сколько ни вглядывался, ни малейшего намека на жильё не увидел. Лес да снег. Ни просеки, ни дорожки. Суровый, дикий край. Можно пройти и двадцать и тридцать километров, не встретив жилья, человека.

Все же он стал спускаться с кручи, придерживаясь за еловую ветвь, не обгоревшую, но пожухлую от жара. При первом прикосновении подсохшие иголки разлетелись, обнажив всю ветвь. Она была крепкая и гибкая, держаться было удобно. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как провалился по пояс. Снег, как всегда в лесу, был рыхлый, не утрамбованный ветром. И глубокий. Едва выбрался, снова ушел по плечи. Стало ясно по двухметровым наносам без лыж не пройти. Он повернул назад, к костру.

Под руку попала плитка шоколада. Этих плиток тут было разбросано много, их выкинуло из гондолы взрывной волной. Он отломил кусочек, машинально сунул в рот, пожевал его, но, кроме горечи, ничего не ощутил и бросил обратно в снег.

Сколько прошло времени — час? пять часов? Тридцатиградусный мороз люто прохватывал сквозь одежду, вплотную поджимал всех к костру. На Костю накинули все, что смогли найти: остатки обгорелой меховой одежды, брезент.

Алешу Бурмакина знобко потрясывало. Он сидел, неловко привалившись к еловому стволу, придерживая рукой ноющее плечо. Размяться, согреться он не мог. Боль постепенно ожила, жестоко пронизывала.

Пламя в костре суетилось, перескакивая с места на место. Виктор Почекин, не мигая, смотрел на эту суету. Перкаль быстро сгорал. Виктор вставал и, шатаясь, шел на поиски нового. Из-под наскоро намотанной на голове повязки все еще сочилась кровь.

Его опережали Матюнин и Устинович. Обходя обглоданные огнем, торчащие в стороны стальные ребра корабля, пробирались, увязая в снегу, отдирали примерзшие к заледенелому снегу куски перкаля, хотя сил, чтобы отдирать, вытягивать из снега ставшие пудовыми ноги, и у них не было. Задубелый, звенящий на морозе перкаль приволакивали к костру.

Поддерживать огонь. Это было главное, что нужно сейчас делать. Надо, чтобы пламя костра далеко было видно. Тогда их скорее найдут.

...А в Долгопрудном еще никто ничего не знает. Не знают, что нет больше тринадцати самых лучших их парней. А с изуродованного остова корабля ветер сметает черные хлопья пепла.

Но будет все. Сжавший горло жен, матерей стон. Плач осиротевших малышей. Сирены «скорой помощи». Торопливые удары в дверь — какой-то сердобольный человек, желая оградить родных от страшных «последних известий», которые должны прозвучать с первым голосом радио, по ошибке отключит не радио, а электросеть, и звонки замолчат. Столько непоправимого горя обрушит-

ся на один лишь подъезд дома ИТР, где жили все те, кого уже нет.

Анна Федоровна Гудованцева вместе с Томкой только войдут к себе домой, не успев даже снять пальто, первое, что услышат по заговорившему радио: «Катастрофа дирижабля «СССР В-6». При катастрофе погибли: Гудованцев Николай Семенович — первый командир дирижабля...» Глухо охнув, повалится на пол Анна Федоровна.

Застынет в горе полное жизни лицо Веры Деминой. Так и не сможет справиться со сломившим ее горем Полина Мартьяновна, мать Тараса Кулагина, ненадолго переживет она сына. А маленькая Люся Коняшина всю жизнь будет хранить подаренные отцом елочные игрушки: ватную папанинскую льдину и серебряный дирижаблик с красными огоньками в иллюминаторах гондолы...

Пришлют соболезнования Советскому правительству и семьям погибших аэронавтов правительства многих стран.

Пришлет соболезнование с постигшим их горем строивший вместе с ними дирижабль «СССР В-6» Умберто Нобиле.

Потянутся к Колонному залу Дома Союзов длинные вереницы людей. Под троекратный ружейный салют будут установлены в каменной стене Новодевичьего кладбища тринадцать урн. Застынет над ними металлический контур летящего ввысь дирижабля.

Чтобы заменить погибших братьев, пойдут служить в воздухоплавание и авиацию Алексей Шмельков, Александр Гудованцев, Георгий Кондрашев.

В Донецке, Луганске и Казани улицам будут даны имена Гудованцева, Ритсланда, Лянгузова. В городе Долгопрудном одна из улиц будет названа улицей Дирижаблистов. На доме, где жили они, будет установлена мемориальная доска.

А к вершине этой коварно вставшей на их пути горы

(Небло-горы) трудящиеся города Кандалакши проложат по заболоченному склону сквозь густые заросли леса пешеходную тропу и установят там, на пронизываемой северными ветрами высоте, где уживаются лишь мхи и карликовая березка, памятный знак героям-дирижабlistам, далеко видный всем пролетающим по этой трассе самолетам. Пройдут годы, десятилетия, но никогда не будут забыты имена самоотверженных аэронавтов.

...Луна обошла уже полнеба и, слегка затуманившись, светила с другой стороны. А потом и совсем светить перестала. Небо снова заволокли облака. Снова пришла темнота. Где-то наверху с завыванием засвистел ветер, на сидящих у костра посыпалась снежная пыль. Ветер срывал снег с макушки горы и рассеивал его по склону. Зашумели сосны, тут и там с глухим стоном стали падать с разлапистых веток глыбы снега.

Ходивший уже в дальний конец пепелища за кусками перкаля Воробьев вдруг остановился, всматриваясь в темноту. Крикнул:

— Огни!

Все разом вскочили, торопливо отбежали подальше, чтобы не мешал свет костра. Стали всматриваться в шумящую темноту. Но ничего не видели. Поднявшись с земли, подошел Бурмакин. Вытянул шею:

— Где?

Воробьев подбежал, запыхавшись. Показал:

— Вон там.

Тогда они увидели. Далеко внизу, должно быть, у подножия горы то появлялись, то пропадали скрываемые чащобой леса, скальными выступами горы, факелы или фонарики — не разберешь. Конечно, это их ищут. Но видят ли костер? Не пройдут ли мимо? И, захватив полную грудь воздуха, они закричали:

— Эге-е-е-ей!!

Вначале получилось недружно и негромко, голос не слушался. Но потом он окреп, и их «эге-е-е-ей» ветер

уносил далеко. Все же они не были уверены, что их слышат. Они вернулись к костру, стали распалять огонь, поднимая его как можно выше.

Прошло еще много времени, на востоке засветилась заря, только тогда внизу, но уже ближе и ярче, замелькали огни и слышались голоса:

— Эге-е-й! Эге-е-й!!

Это кричали им. Значит, видели их костер. К ним шли на помощь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Они уже три дня в Кандалакше, в больнице. Врачи, да и все кандалакшцы оказывают им бесконечно много внимания, помощи. Постепенно они начали приходить в себя, но от этого еще острее сжимала болью мысль о непоправимости того, что случилось на Небло-горе.

Они не могут смириться с тем, что оборвался их путь к гренландским льдам, к папанинцам. Что оборвались тринадцать прекрасных жизней их товарищей.

Завтра траурный поезд отправится в Москву. Но еще здесь, до отъезда, они должны сказать свое слово.

Они сгруппировались вокруг стола, все пятеро — Кости Новикова с ними нет, как только оленья упряжка примчала его к ближайшей станции «Белое море», с первым же поездом его отправили в Мурманск, в госпиталь. Но они знают, что Костины мысли, желания те же, что и у них.

За окном сумрачно. В палате неярко горит единственная, без абажура лампочка. Поскрипывая, скользит по телеграфному бланку перо.

**«МОСКВА, ЦК ВКП(б), СОВНАРКОМУ
ИЗ КАНДАЛАКШИ. 10.II. 1938 г.**

До боли сердца жаль, что наш полет закончился так трагически. Горя желанием выполнить ответственное правительственное задание, мы отдали все свои силы для успешного завершения полета по снятию со льдины отважной четверки папанинцев; для выполнения этого задания правительство обеспечило нас всем необходимым. Весь коллектив экипажа был твердо уверен, что без всякого риска достигнет намеченной цели. Больно мириться с мыслью, что мы не выполнили задания правительства. Нелепый случай оборвал наш полет. Глубоко скорбим о погибших товарищах.

Благодарим наше правительство за отеческую заботу о семьях наших погибших товарищей. Гибель дирижабля не сломит нашу волю, нашу решимость выполнять любое поручение партии и правительства. У дирижаблестроения большая будущность, случающиеся аварии не могут снизить достоинства дирижабля. Мы с удвоенной энергией будем впредь упорно работать над постройкой еще более мощных усовершенствованных дирижаблей. Дирижаблестроение советское развивается успешно, будет еще больше развиваться под руководством нашего правительства, нашей любимой партии.

Группа экипажа дирижабля «СССР В-6»
М а т ю н и н
Н о в и к о в
У с т и н о в и ч
П о ч е к и н
Б у р м а к и н
В о р о б ь в».

Они не смогли прийти на помощь папанинцам. Ледяной обломок, на котором находилась научная станция, все еще гнало со всей массой льда по Гренландскому морю. Четверо исследователей в пятидесятиградусный гренландский мороз, на лютom ветру, под пушечной канонадой ломающегося льда, не прерывая ни на один день, продолжали вести научную работу. Кое-как обогревались у керосиновой лампы, заползая в снежную нору, вырытую ими в плотном, почти как лед, снегу.

Они знали, что не забыты, что сквозь все преграды с Большой земли спешат к ним на помощь люди. Но только через две недели после гибели дирижабля В-6, невероятно долгие две недели, смогли пробиться к ним сквозь тяжелые льды ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман».

19 февраля 1938 года была снята со льдины четверка отважных исследователей, погружено на борт все имущество научной станции, обширный и уникальный научный материал, собранный ими за девять месяцев дрейфа в Ледовитом океане.

Шесть оставшихся в живых членов экипажа дирижабля В-6, едва оправившись после катастрофы, едва залечив раны, с удвоенной энергией взялись за свое родное, понесшее такую большую потерю дело.

Уже ощутимо было приближение войны. Фашистские орды двигались по дорогам Европы, неся с собой смерть и угнетение. Пали Чехословакия, Польша...

В это тревожное время основное внимание, средства нашей страны были обращены на быстрейшее развитие остро необходимой для военных действий авиации. Что же касается дирижаблей — очень полезные в народном хозяйстве, к прямым военным действиям современной войны они были непригодны. Большой объем выполненной горючим газом оболочки, малая сравнительно с самолетом скорость делали дирижабль отличной мишенью для вражеских пуль и снарядов. Поэтому был дан при-

каз дирижабли разобрать, законсервировать до лучших времен.

Пришел 1941 год. Началась Великая Отечественная война.

Вместе со всем народом встали на защиту Родины и воздухоплаватели. С первого дня войны на фронтах поднялись в воздух десятки аэростатов наблюдения. С них велась корректировка огня нашей артиллерии по невидимым с земли местам скопления вражеских войск и техники.

В одном из отрядов Воздухоплавательного дивизиона сражались, поднимаясь на аэростатах наблюдения, Виктор Почекин и Вера Демина. Под Киевом отряд попал в окружение. Виктору удалось вырваться, он пробрался в свои родные Брянские леса, к партизанам. Был командиром разведки штаба партизанского отряда «Смерть немецким оккупантам».

Вере Деминой, раненой, не удалось выйти из окружения. Всех раненых санитары спрятали в скирдах соломы, но немцы их обнаружили и подожгли скирды. Так Вера попала в плен. Прошла Владимиро-Волынский концлагерь, концлагеря Польши и Германии. Весной сорок пятого, погибшая смертью храбрых — так сообщалось в похоронной, — вернулась она домой.

Над Москвой, Ленинградом и другими нашими крупными городами каждую ночь трудных первых военных лет зависала целая сеть аэростатов воздушного заграждения. Москвичи тех лет помнят, как под вечер девушки из отрядов ПВО вели по улицам города рвущиеся из рук газгольдеры. С наступлением темноты аэростаты поднимались в воздух. Покачиваясь на тросах высоко в небе над затемненным городом, они ограждали его от фашистских самолетов, не давали отдельным прорвавшимся вражеским бомбардировщикам снижаться и вести прицельную бомбежку военных объектов.

Так же заботливо и умело, как готовила она прежде

оболочки дирижаблей, готовила сейчас оболочки аэростатов Ксения Кондрашева.

На Черном море сражался с фашистами офицер-воздухоплаватель дивизиона воздушного заграждения Владимир Шевченко. Все героические месяцы обороны Севастополя охранял он подступы к городу от вражеской авиации, поднимая на пятикилометровую высоту аэростаты воздушного заграждения, снабженные подвешенными к ним минами.

Парашютно-десантные части наших армий обычно проходили подготовку на аэродромах, проводя с самолетов тренировку прыжков с парашютом. Но самолеты остро нужны были фронту. Сам процесс тренировки прыжков с самолетов берет много времени. Самолету надо взлететь, набрать высоту, подойти к месту, где можно сбросить парашютистов, и затем делать заход на посадку. Парашютистов-десантников надо было готовить много, подготовку вести быстро.

Дирижаблисты (первым настойчиво стал добиваться этого Сергей Попов) предложили тренировку парашютистов-десантников проводить с привязных сферических аэростатов. Всего за несколько минут аэростат поднимает парашютистов на высоту пятисот-шестисот метров, и, как только они выбросятся, аэростат подтянут к земле за новой партией. Помимо того, что этот способ высвобождает для фронта большое количество самолетов, он еще и дает большую экономию так нужного фронту горючего. Кроме того, и это очень важно, аэростату не нужен аэродром. Он может осуществлять свою работу в любом удобном для данной воинской части месте.

Военное командование сразу оценило предложение дирижаблистов. В районах Каширы, Тулы, Рязани и других городов, в самых скрытых, малозаметных местах, вдали от аэродромов были организованы пункты подготовки парашютистов-десантников. А собрав уже законсервированный дирижабль В-12, стали летать на нем к

этим пунктам, доставляя аэростатам водород для пополнения оболочки, горючее, продукты. Летали в любую погоду, и днем и ночью, бесперебойно обеспечивая пункты подготовки десантников всем необходимым.

Всю войну дирижабль В-12 пролетал без аварий. Всю войну летали на нем Сергей Попов, Владимир Устинович, Александр Иванов.

С первых дней войны ушли на фронт Алексей Бурмакин и Николай Голиков.

Ушел добровольцем на фронт Арий Воробьев. Воевал в авиации.

Окончив курсы снайперов, ушла на фронт подросшая Лида Гудованцева. От Валдая до Германии пролег ее фронтовой путь.

Людмила Эйхенвальд (Иванова) в самом начале войны, окончив курсы радистов, летала бортрадистом на самолете, который делал рейсы в тыл к немцам, доставляя действовавшим там партизанам боеприпасы, медикаменты, вывозя раненых. В один из этих полетов, под Смоленском, самолет был сбит. Люда, получив тяжелое ранение, чудом осталась жива. Пролежав полтора года в госпитале, не потеряла веру в то, что снова сможет летать. И действительно, на удивление врачам, поправилась и стала летать — пилотом на аэростатах Центральной аэрологической обсерватории.

В авиационном отряде 10-й гвардейской дивизии всю войну сражался Иван Ободзинский. Летал бомбить врага, доставлял наши десанты под Ленинград, Севастополь, к месту форсирования нашими войсками Днепра.

В особой Краснознаменной авиационной дивизии связи воевал гвардии инженер-майор Михаил Кулик.

В годы войны по-прежнему работала радисткой Аня Чернова.

Трудилась в Военно-воздушной академии имени Жуковского лаборантка Катя Коняшина.

На одном из оборонных заводов работала Женя Ховрина.

В военной картографической части служила техник-лейтенант Лена Николаевская, невеста Николая Гудованцева.

Дмитрий Матюнин и Константин Новиков работали на авиационном заводе мотористами. Летали на самолетах в качестве бортмехаников, испытывали новые моторы.

Константин Новиков работал на заводе до последних дней своей жизни, не сдаваясь, не уступая тяжелой болезни. А здоровье его было подорвано полученным при катастрофе дирижабля ранением. Искалеченные легкие захватил туберкулез, и приостановить его было невозможно.

Дело отца впоследствии продолжал его сын. Георгий Новиков принимал участие в работе, связанной с разработкой опытных образцов воздухоплавательной техники.

К концу войны был построен новый дирижабль — «Победа». Этому кораблю довелось много сделать для очистки вод Черного моря от оставшихся после войны минных полей. Разглядеть что-либо в глубине моря с быстролетящего самолета невозможно. Дирижабль здесь оказался более пригодным, чем какой-либо другой летательный аппарат. Он мог плыть над морем на самой малой скорости, и сверху, в его тени, глубина отлично просматривалась. Увидев в густой зелени воды темные силуэты мин, с дирижабля сбрасывали на воду вымпел, тут же подходили тральщики, цепляли мины тралами, отводили в безопасное место и взрывали.

Много сделал дирижабль «Победа» и в розыске затонувших во время войны в Черном море кораблей.

И в трудные военные годы, и в годы мирного строительства аэронавты честно несли на воздухоплаватель-

ных аппаратах свою нелегкую, очень нужную, сопряженную с опасностью, благородную службу. Пионерам в своем деле, им постоянно приходилось встречаться с новым, малоизвестным, неожиданным... Встречаться и преодолевать.

Сейчас в нашей стране дирижаблей нет. В силу многих обстоятельств, когда дирижаблестроение у нас еще только зарождалось, дирижабли не смогли проявить все свои возможности. А возможности у них были очень большие, и чем дальше, тем больше они будут возрастать. Новые совершенные дирижабли поднимутся в небо.

Возможно, у кого-либо возникнет вопрос: а нужен ли был тот столь рискованный полет дирижабля В-6? Нужно ли было посылать дирижабль в нелетную погоду по тогда еще не изведанной трассе? Правомерно ли было рисковать жизнью многих людей ради спасения четырех?

Очень точный ответ на это дал сын второго командира дирижабля В-6 Ивана Панькова Иван Иванович Паньков, когда в день тридцатипятилетия со дня героического полета дирижабля В-6 собрались вместе все друзья и близкие погибших дирижаблистов, все бывшие дирижаблисты, трудящиеся города Долгопрудного.

— Советские люди всегда придут на помощь своим товарищам, — сказал Паньков. — Они будут делать все и, если надо, отдадут свои жизни, чтобы помочь в беде. Это формула нашей жизни. Тринадцать и четыре... Тринадцать погибли, торопясь помочь четверем на льдине. Среди погибших и мой отец. И мы, молодые, если возникнут такие обстоятельства, сделаем все ради спасения людей... Такова формула жизни советского человека.

Завершая повесть о наших первых дирижаблях, об их строителях и пилотах — комсомольцах тридцатых годов, — хочется немного заглянуть в будущее.

Безусловно, в самом скором времени неутомимые труженики воздуха — дирижабли — возродятся. Они будут построены из современных материалов, на современном уровне техники. Они будут более мощными, прочными и надежными, чем первенцы дирижаблестроения.

Изготовленная из сверхпрочного синтетического материала оболочка вместо горючего водорода будет наполняться инертным, невоспламеняющимся гелием. Современные навигационные приборы дадут возможность уверенно водить корабли и в ночь, и в туман, и в снегопад.

Дирижабли будут выполнять такие работы, которые недоступны другим видам техники.

Нашей промышленности, разбросанным по всей стране новостройкам крайне необходим большегрузный воздушный корабль — дирижабль-кран. Такой дирижабль, грузоподъемностью в сто двадцать тонн, уже конструируется в Киевском, а также в Ленинградском и Новосибирском общественных конструкторских бюро. Уже построены летающие модели.

Дирижабль-кран сможет доставлять по назначению крупногабаритные грузы, которые невозможно перевозить по железной или шоссейной дорогам; не под силу это и самолетам и вертолетам. Такие грузы, как, скажем, турбины для строящихся на сибирских реках гидроэлектростанций, сейчас приходится возить водным кружным путем, по Северному морскому пути, и дальше, вверх по северным рекам. Этот путь долог и дорог.

Дирижабль-кран сможет опуститься прямо на заводской двор, захватить турбину стальными лапами и перенести ее за тысячи километров на новостройку.

Точно так же он доставит с завода на строительство моста готовую секцию и, зависнув над рекой, даст возможность монтажникам установить ее. Висеть в воздухе,

поддерживая груз, дирижабль сможет столько времени, сколько понадобится, — ведь подъемная сила у него даровая, газ держит. Таким же образом сможет он доставить на строительство домов целые секции-квартиры — прямо на пятый, седьмой, шестнадцатый этажи...

Он поможет в короткий срок построить поселки, доставляя готовые жилые домики, ясли, школы, клубы в самые отдаленные от дорог и рек места, где геологи найдут новые залежи полезных ископаемых.

Незаменим будет дирижабль и при работе в горах. На большой высоте, в разреженном воздухе вертолету не под силу нести даже малый груз. Дирижаблю разреженность воздуха не помеха. Он может доставить нужные стройматериалы на любую высоту.

С лесоразработок, из самых недоступных мест он будет вывозить древесину и поможет этим бережно использовать величайшее наше богатство — лес.

Будут и пассажирские дирижабли, которые станут перевозить людей в отдаленные от дорог и аэродромов места.

Будут и туристские, с палуб которых не из заоблачных высот сверхскоростного лайнера, а с неторопливо плывущего на высоте птичьего полета корабля люди смогут увидеть широко раскинувшиеся просторы нашей Родины.

Пожалуй, нет такой области в народном хозяйстве, где дирижабль не был бы остро необходим.

Заветные мечты зачинателей дирижаблестроения, наших первых дирижаблистов обязательно осуществляются!

Бороздин В. П.

Б83 Отдать корабль в воздух!: Документальная повесть /Предисл. дважды Героя Советского Союза И. Д. Папанина. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 174 с., ил.

35 коп. 100 000 экз.

1 февраля 1938 года с дрейфующей почти девять месяцев во льдах Северного Ледовитого океана первой в мире научной станции «Северный полюс» поступило тревожное сообщение. Руководитель полярной экспедиции Герой Советского Союза И. Д. Папанин радировал, что льдина, на которой они находились, стала быстро разламываться. Создалась опасная обстановка. На помощь отважным исследователям вышли ледоколы, подводные лодки. Вылетел из дирижабельного порта Долгопрудный и самый мощный корабль эскадры дирижаблей «СССР В-6». Корабль вел комсомольский экипаж. О том, как проходил этот героический полет, о комсомольцах 30-х годов, строителях и пилотах первых советских дирижаблей, об их прекрасной, полной неустанного труда и светлых мечтаний жизни, о беззаветном их подвиге повествует книга.

Б 70302—013 029—78. 4 702 010 200
078(02)—79

ББК 39.59
6Т5.3 + 6Т5(09)

ИБ № 1188

Виктор Петрович Бороздин
ОТДАТЬ КОРАБЛЬ В ВОЗДУХ!

Редактор М. Фырнин
Художник Н. Кутилов
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры Н. Павлова, Г. Трибунская

Сдано в набор 09.06.78. Подписано к печати 28.12.78. А06097. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 7,7 + 8 вкл. Учетно-изд. л. 8,4. Тираж 100 000 экз. Цена 35 коп. Т. П. 1978 г., № 29. Заказ 1058.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ